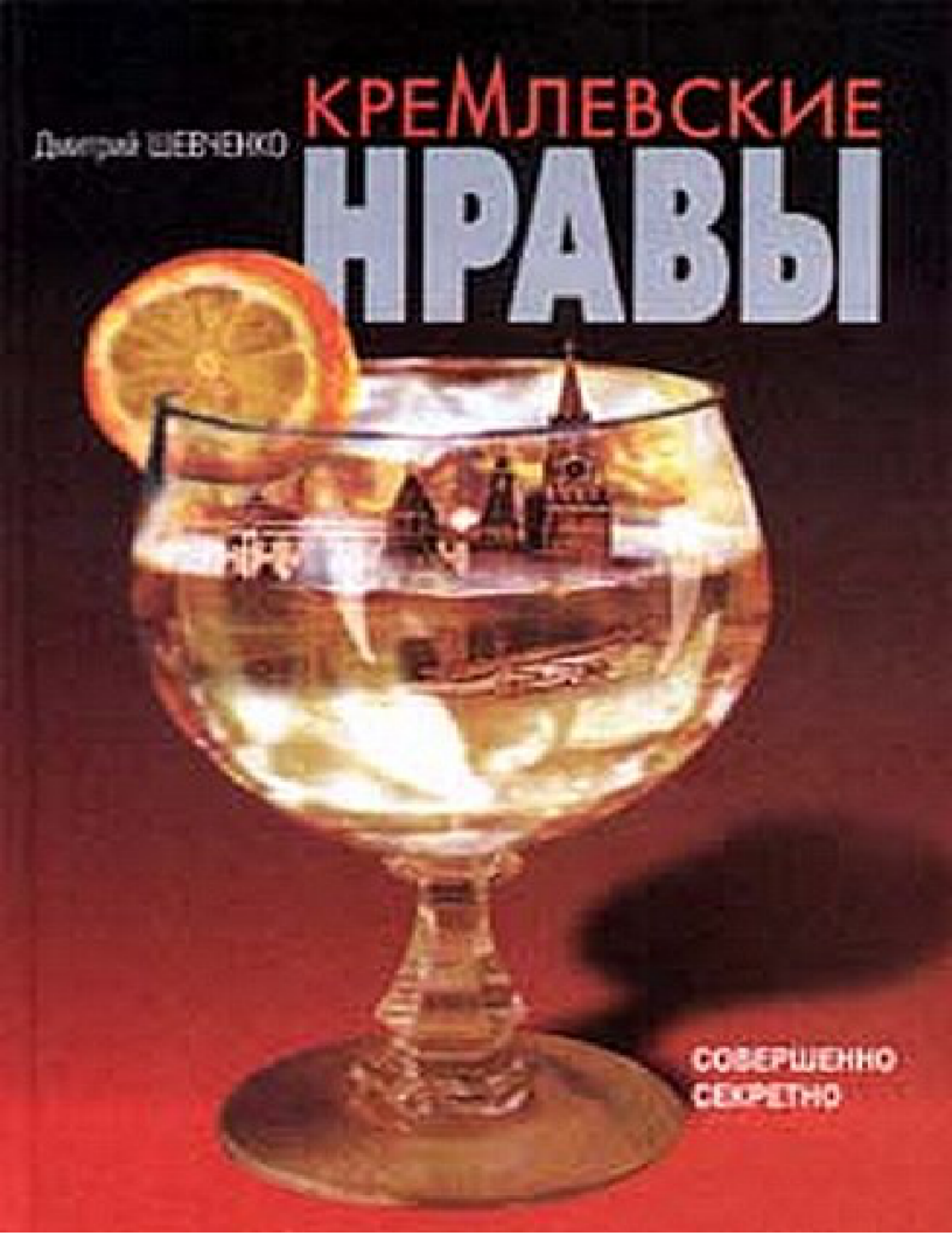
Дмитрий ШЕВЧЕНКО

КРЕМЛЕВСКИЕ НРАВЫ



СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Дмитрия Шевченко — это талантливая, честная проза человека, помнящего о совести. Это своего рода вызов придворной журналистике. Автор, проработав несколько лет в пресс — службе Президента России, «зарисовал» свои впечатления, создал целую галерею образов «главных людей» Кремля и их окружения. События и ситуации, представленные в записках Дмитрия Шевченко, можно охарактеризовать и как трагическую летопись, и как откровенно анекдотические, и как «черный» юмор, доходящий до абсурда. Но самое главное — все эти картинки с натуры наблюдались и самим автором и его собеседниками, оказавшимися в «системе».

- Шевченко Дмитрий
  -
  - ВОРОНА
  - КРЕМЛЬ И ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ
  - ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ
  - «ПРОСТО ТАК»
  - АВТОРИТЕТ
  - КРЕМЛЕВСКИЙ «ПЕТРУШКА»
  - СТРАНА, ГДЕ ПРАВИТ ДЫРОКОЛ
  - «ДОРОГИЕ АСТРАХАНЦЫ!»
  - МИУССКОЕ КЛАДБИЩЕ
  - СТОЙКИЙ БОРОДАТЫЙ ПОЛКОВНИК
  - «МИСТЕР Б.Н. — ЧЕРНАЯ ЗМЕЮКА»
  - ФИАСКО
  - ХАЙ, МИСТЕР МАЛРУНИ!
  - МОКРОЙ МЫШКОЙ…
  - «КОЛЕБЛЯСЬ НАД БЕЗДНОЙ…»
  - ГОРКИ ЕЛЬЦИНСКИЕ
  - «Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОДКУ…»
  - НЕ СТАЯ ВОРОНОВ СЛЕТАЛАСЬ…

Шевченко Дмитрий
Кремлёвские нравы

ЛЕТОМ 1994 года в Службе безопасности президента произошло ЧП. Подал рапорт об отставке один из лучших офицеров, начальник элитного подразделения службы — внутренней контрразведки, курирующей администрацию и правительство, помощник Коржакова по кадрам полковник Владимир Алексеевич Иванов. На недоуменные вопросы руководства отвечать отказался. Объяснил кратко, что ничего дурного не задумал, уходит старостой в храм Малого Вознесения на Большой Никитской, 18. Храм рядом, можете проверить. Затем закрыл кабинет и, дав слово никогда больше не переступать порог Кремля, растворился в толпе у Кутафьей башни.

«Предатель», — решило руководство Службы безопасности. — Взять его в разработку!»

«Свихнулся», — подумали подчиненные.

Но Владимир Алексеевич никогда ещё не был так чист перед Богом и людьми, и никогда не был так ясен его ум, как в тот августовский день…

ВОРОНА

(В назидание начинающим башмачкиным)

Однажды в открытое порывом ветра окно казенного кабинета влетела ворона — их на территории Кремля несметное множество. Хозяин-раззява, уходя домой, забыл закрыть окно на щеколду. Птица оглядела канцелярскую обстановку комнаты и разочарованно каркнула: голый стол, колченогий стул, на стене — выцветшая карта Советского Союза. Впрочем, на подоконнике валялся листок бумаги. Нехотя подхватив его, воровка выпорхнула наружу.

Однако до своего жилища добычу донести не сумела. Порыв ветра вырвал её из клюва, и листок приземлился как раз к ногам дежурившего на Ивановской площади милиционера.

Прочитав отпечатанный текст, тот немедленно доставил бумагу в комендатуру.

На следующий день слушалось персональное дело сотрудника охраны N. Постановили: за потерю бдительности лишить звания и уволить из органов. Предание гласит, что N с горя запил и будто бы даже хотел вешаться в том самом кабинете.

В украденном вороной секретном документе (слава Богу, далеко не утащила) был перечень наших военных поставок в одну из африканских стран…

КРЕМЛЬ И ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ

НЕЛЕГАЛ

Эту старую историю поведали Владимиру Иванову, только что назначенному молодому начальнику отдела Главного управления охраны (будущая Служба безопасности), в 1991 году. Хотя такой необходимости не было. Несмотря на румянец и детские голубые глаза, Владимир Алексеевич повидал в жизни достаточно.

Мало кто знал тогда в Кремле, что ещё при Андропове, работая в самом закрытом подразделении контрразведки, он участвовал как нелегал в тайной до сих пор войне двух могущественных спецслужб — КГБ и МВД.

Это была именно война, со слежкой и преследованиями, подслушиванием и сбором компромата, стрельбой и обезображенными трупами. Просочилась в печать лишь история зверского убийства милиционерами полковника КГБ на станции Ждановская.

Однако большинство тяжких преступлений, как стало очевидно Иванову в ходе розыскной деятельности, затевалось и осуществлялось именно в милиции. Андропов впервые, правда в кругу сослуживцев, вынужден был признать, что в стране существует организованная преступность. Идет её сращивание с руководством МВД, где верховодят близкие вождям люди, с аппаратом ЦК.

— Вот как сейчас, только под мощным партийным давлением, — заметил в разговоре со мной Владимир Алексеевич. — Существовало секретное распоряжение Политбюро: не приступать к расследованию, если речь идет хотя бы о секретаре райкома комсомола…

Попадались, однако, на крупных делах вовсе не комсомольские вожаки. Однажды агентура донесла, что два крупных грузинских функционера прибыли в Москву с чемоданом денег — на взятки чиновникам из ЦК. Иванов доложил руководству. Но генерал КГБ оказался грузином, к тому же земляком взяточников. И наложил на рапорт Иванова резолюцию, которую тот помнит до сих пор: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Генерал, похоже, был юмористом и ценителем раннего Чехова.

Пришлось Иванову в органах узнать много нового не только о коррупции, но и о нашем прошлом. Было это на закрытой встрече

личного состава КГБ с ветеранами безопасности. Там-то старики с горечью поведали молодому поколению разведчиков, что никаких партизан, никакого народного ополчения во время войны не было. Ни на Украине, ни в Белоруссии! Подпольные райкомы, дружины Ковпака — все это выдумки, миф. А были спецотряды НКВД, которые забрасывались в тыл к немцам! Готовили «партизан» в разведшколах, одна из которых располагалась в районе метро «Динамо». Действовали спецотряды на манер немецких парашютистов-диверсантов. Устраивали взрывы и поджоги, под страхом расстрела уводили в плен мужчин из окрестных деревень, которые было распрощались с советской властью. И при помощи сталинской пропаганды как могли преувеличивали значимость и размах своей деятельности. Все окружение знаменитого Ковпака, например, — энкавэдэшники, ни одного гражданского не было…

Что-то пошатнулось в душе у Иванова, как будто узнал тайное и неприятное о своей семье. Но был и восторженный страх, и ужас — чего уж скрывать! — перед всесильным лубянским ведомством.

Карьера его в КГБ складывалась четко. После успешного проведения ряда операций имя высокого голубоглазого парня стало известно в руководстве комитета. Иванова повысили в звании и пригласили в ведомство Шебаршина. Теперь ему предстояло демонстрировать таланты на международной арене. Он фактически возглавил самое нелегальное формирование КГБ, о существовании которого знало лишь несколько человек — так называемое спецподразделение «С». Его «выпускники» — наши «сицилийские специалисты», многочисленные «штирлицы» во всех концах света. Группа «С» — это экспорт революций и финансовые махинации на крупнейших международных биржах «в пользу голодающих» Замбии и Мозамбика, Никарагуа и Кубы, это Афганистан и Ирак. В задачу Владимира Иванова, в частности, входили челночные поездки с целью передачи указаний нашим нелегалам.

Кстати, когда пришел Горбачев и наметилось потепление между СССР и США, одним из условий нормального развития отношений Рейган поставил упразднение именно вышеназванного подразделения, вызывавшего ужас у американских спецслужб. Что Горбачев «от всего пролетарского сердца» и сделал…

КОРЖАКОВСКИЙ ПРИЗЫВ

1991 год принес желанную ясность. Враги — в «Матросской тишине», друзья с российским триколором — у Кремля и Белого дома.

С объятий и слез, с костров и веселых попоек начиналась ты, новая эпоха. С желания изменить судьбу страны и, конечно, свою личную.

Иванова пригласили в только что созданную службу Безопасности.

Оставив любимую «Комсомольскую правду», в скором времени рядом с Костиковым в президентской пресс-службе оказался и я…

Но если информационная политика была в общем ясна, то новая спецслужба преследовала амбициозные цели — стать опорой отчизне, быть как бы скальпелем в руках хирурга — подобно американским ЦРУ и ФБР, сделаться мощной тайной канцелярией нового строя, которая бы разрабатывала серьезные стратегические ходы государства. Иванов был удивлен и обрадован — никогда ещё его ведомство не состояло на службе у общества, и он с радостью десятиклассника ринулся в новую стихию.

На первых порах Коржаков привлекал в свое ведомство множество ценных людей из разведки, в том числе электронной, лучших подразделений контрразведки. Впервые за долгие годы в кремлевских кабинетах обустраивались интеллектуалы, ставка делалась на опыт. К радости профессионалов, Коржаков потеснил постылое бывшее 9-е управление КГБ, «девятку» — румяных паркетных офицеров, устроителей пикников, профессиональных лизоблюдов, умевших лишь «заносить хвосты» и с аппетитом доедать хозяйскую икру на банкетах.

Иванов и его друзья приободрились. Разрешалось проводить любую оперативную работу, невзирая на лица и чины. Результаты не заставили себя ждать. Выяснилось, например, что неразбериха в экономике и банковском бизнесе, как обычно, мнимая. Это только для непосвященных все туманно на финансовом горизонте. Экономические эксперты Службы безопасности пришли к выводу, что именно сейчас, в эпоху эйфории, сколачиваются миллиардные состояния и прочно оседают на Западе.

Рассказывает Владимир Иванов:

— Коржаков вначале охотно показывал материалы Ельцину. Уже тогда, в 1993 году, — обратите внимание, более шести лет назад! — имелись оперативные данные о незаконной деятельности Альфреда Коха. Уже тогда не были секретом счета в иностранных банках, махинации и то, что почти вся его родня

живет в Германии. Вы, наверное, не знаете, но когда земля под ногами у Коха загорелась, он струсил и купил билет в один конец до Германии. Но Чубайс и другие «корешки» чуть не на перроне отговорили от этой затеи. Команда вступилась за молодого реформатора, и мы ничего не смогли сделать…

Постепенно у аналитиков службы сложилась целостная и неприглядная картина нравов новой олигархии. Стало ясно, что демократы ничем не отличаются от бывших партийцев и даже намного превосходят в умении лицемерить и безнаказанно хапать.

— Нас не могли не волновать западные корни и связи ряда высших функционеров, — продолжает Иванов. — Они обнаружились не только у Коха. Жена министра иностранных дел Козырева жила и работала в США, потом ему подобрали девушку-соотечественницу. Родители Бойко — американцы. Дочь Рюрикова замужем за Саймсом, по сути сотрудником ЦРУ, советником ныне покойного Никсона. Впоследствии нас очень беспокоили более чем сомнительные итальянские связи Виктора Илюшина (очень смахивающие на шпионские), что во многом и послужило причиной его отстранения от обязанностей первого помощника… Какой там Уотергейт! Обратите внимание: никто из руководителей новой волны ни разу не произнес — в докладе ли, в интервью — слов «Родина», «Отчизна». Злая закономерность…

Негласное подразделение Иванова наращивало темп, однако время гордых планов, дерзких открытий постепенно уходило в прошлое.

Коржаков, зная наперед реакцию Ельцина, уже без особой радости читал оперативные донесения, где то и дело мелькали знакомые фамилии. А потом, когда сам вдруг побронзовел, ощутил политический зуд, и вовсе стал кривиться и фыркать на Иванова и других правдолюбцев. Все возвращалось на круги своя.

РАЗГУЛЬНЫЙ ПРАЗДНИЧЕК

Уход Иванова в момент, когда и сам он, и Служба безопасности находились на вершине славы — о ней грезили люди с Лубянки, ей посвящали статьи популярные журналисты, — вызвал панику. Выдвигались десятки версий «предательства» Иванова: завербован западными спецслужбами, разочаровался в политике Ельцина, сменил политическую ориентацию…

Нет, он не стал ни партийцем, ни предателем. В Ельцине разочаровался — да. А кто им очарован? Но причины были иные.

Четыре года Владимир Алексеевич молчал и впервые позволил себе заговорить о своем уходе лишь сегодня. Наша беседа проходила в строительном вагончике — временной «резиденции» старосты храма Малого Вознесения, что на Большой Никитской, 18.

— Хотите знать, почему произошел путч 93-го года? — начал беседу Владимир Алексеевич Иванов, чернобородый мужчина, в церковном облике которого едва ли угадывался бывший офицер спецслужбы. — Немногие знают эту тайну. Из-за пьянки. Ельцин и Хасбулатов парились в бане, крепко выпили. Когда оба уже еле ворочали языком, Хасбулатов изрек: «Борис Николаевич, а ведь у меня прав больше, чем у тебя, я глава парламента». В ответ президент дал локтем Хасбулатову в ухо. Руслан Имранович тоже было замахнулся… Охранники разняли. На другой день заседание парламента началось с брани в адрес президента, а закончилась эта пьяная история указом № 1400 и трупами в центре Москвы. Говорю это с полной ответственностью: все решения в Кремле принимаются в пьяном угаре. А тон, как ни прискорбно, задает президент! Из-за пьянки произошла гражданская война в Москве; залив глаза, ввели войска в Грозный. Об этом почему-то принято говорить с юмором, но я веду речь о национальном позоре и о национальной трагедии…

Безудержная дикая пьянка в Кремле на самом деле началась с приходом Ельцина. Казалось бы, отшумели баталии, кончились праздники, нечего больше отмечать. На дворе будни, нужно работать, по-германски впрягаться в воз и тащить его. Но веселье, на удивление, не утихло и не утихает до сих пор. Считают кремлевские столбы чиновники. Один из бывших спичрайтеров, «заложив за галстук», на моих глазах радостно наделал в штаны прямо в лифте…

У входа в президентскую резиденцию стоят два прапорщика, проверяющие документы. Служба безопасности дала им негласное задание отслеживать на выходе пьяных и записывать фамилии в блокнот. Через неделю пришлось заводить другой блокнот — вернее, амбарную книгу: в черные списки попало чуть не две трети кремлевских бюрократов.

— Пьют во многом от безысходности, — продолжает Иванов. — Ждали сорок сороков, повышение по службе, зависть соседей. А оказалась рутинная работа, нужно выслуживаться, ни хрена не платят. Как у известной писательницы в одном из рассказов: жизнь прошла, а где же подарки?..

Кстати о подарках. Коржаков в узком кругу не раз демонстрировал длинный тонкий шрам на руке. Однажды, когда он пытался отнять бутылку у хмельного президента, тот

«отблагодарил» верного друга ударом ножа…

Иванов водку терпеть не мог, за что не раз получал нарекания от заместителей Коржакова. «Всем хорош парень, — сокрушались они, — а в коллективе вести себя не умеет. Стыдно офицеру! Куда его такого? Карьеры не сделает…»

Вспоминаем с Владимиром Алексеевичем берлинскую поездку Ельцина на вывод войск, где, ещё не зная друг друга, мы впервые встретились. У меня она не задалась с самого начала. Служебная машина опоздала, и мы неслись во Внуково по левой стороне, на красный свет, с зажженными фарами. Когда выскочили на летное поле, трап уже отъезжал. Пришлось подавать назад. В иллюминаторах — белые от злости глаза. А какие слова прошипел президентский охранник, отвечавший за «передовой» самолет, где летели мои подопечные президентская пресса, лучше не вспоминать. В Берлин прилетели, как положено, за час до «основного», президентского борта. Стояла тридцатиградусная жара. В специально отгороженном «загоне» для журналистской братии томилось на солнце несколько сот человек. И вот самолет подрулил на стоянку. Я отправился к переднему трапу встречать Костикова. Он уже сбегал вниз, бледный от волнения.

— Дима, срочно убирай журналистов с поля! — выпалил он. — С президентом плохо.

Я молча кивнул на огромную толпу, выкрикивающую хором имя Ельцина, и развел руками.

— Все, — сказал Костиков, — это конец.

Ельцин, пошатываясь, со стеклянными глазами, уже шел на журналистов, как бык идет на красную тряпку.

Нет, это был не конец. Берлин только начинался.

— Дирижерский дебют Ельцина видели все, — говорит Владимир Алексеевич. — Но до сих пор никто не знает, как в тот день напился канцлер Коль! Вернее, вынужден был напиться, чтобы «поддержать» российского коллегу. Международная, так сказать, солидарность.1 Стыд. Я их сопровождал на возложение венков. Подъезжает автобус, открывается дверь и оба буквально вываливаются на руки телохранителей, рубахи наружу. Коль — никогда его таким не видел — с бессмысленной улыбкой… Вечером, после банкета в российском посольстве, вообще пришлось разогнать журналистов и погасить прожектора, освещавшие подъезд, — Ельцина под покровом темноты вынесли на руках и уложили в лимузин…

Потом поехали в аэропорт, президентский лайнер взял курс на Москву, а Владимир Алексеевич поплелся к своему самолету, где находились сопровождающие. Гульба там вовсю

продолжалась, поднимали тосты за завершение трудной работы, за здоровье президента, за отлет.

— У всех были такие лица, — вспоминает Владимир Алексеевич, — будто они только что вышли из окружения, прорвались через линию фронта, спаслись от смерти, нахолодались, наголодались. И вот теперь можно позволить себе фронтовые сто грамм. Между тем все только что прибыли из посольства, где столы ломились от икры и копченых угрей, по размеру напоминающих питонов…

Отлет почему-то задерживался. Уже начали наливать стюардессам, уже салон стал сизым от табачного дыма, а самолет все стоял и стоял на приколе. Проклиная все на свете, Иванов пошел в кабину пилотов — выяснять, почему задержка? Оказалось, командир, на манер сказочной Золушки, ждет, когда пробьет полночь. С приходом новых суток летчикам и стюардессам зачтется командировочный день и, следовательно, добрая фея — бухгалтер — отслюнит ещё по сто немецких марок. Из-за этого и держали самолет лишних три часа! «Какая разница, где пить — на земле или в небе, — успокоил его командир. Погуляйте ещё немного…»

Во время полета тосты продолжились. Наконец, пьянка переросла в скандал, а затем и в драку личного врача президента с личным же охранником. Звенели оплеухи, мат мешался со смехом, а Иванов угрюмо глядел в иллюминатор. Самолет шел на грозу, большая черная туча охватывала темнеющее небо. Еще мгновение — и раздался гром, сверкнула молния. Иванов не мог оторвать глаз от этой картины: в сверкнувшей молнии ему почудилось Божье знамение. Он больше не слышал ругани, не чувствовал запаха гнилой винной бочки, а прощался с разгульным кремлевским праздничком и мысленно составлял строки рапорта об увольнении, который он завтра положит на стол Коржакову…

ТИХИЙ БУНТ

В вагончике холодно, на дворе ливень. Владимир Алексеевич греет руки о кружку с чаем. Затем продолжает:

— Один грех рождает другой. Пьянство никогда не бывает само по себе. Оглядевшись однажды по сторонам, я вдруг обнаружил, что восторженные парни призыва 91-го года куда-то подевались, а на смену им пришли молодые циники, для которых предел мечтаний — казенный сотовый телефон и «Волга» с фордовским движком. Менялись на глазах и старые кадры —

нужно было вписываться в команду, играть по её правилам. И вот тлетворный дух Кремля заставляет одного из ближайших помощников Ельцина, тихого интеллигентного человека, спиваться, другого, тоже известного добропорядочностью, — тащить к себе на дачу из служебного кабинета драгоценную мебель прошлого века, третьего — ругаться трехэтажным матом при дамах. Стал возрождаться дух «девятки» — но уже в масштабах всего Кремля. Разве за этим мы приходили сюда? При попустительстве нашей службы, да и вообще кремлевского руководства на этажах президентской резиденции стали появляться сомнительные личности. Неприятно говорить, но резко возрос процент людей определенной сексуальной ориентации — оперативные данные едва ли не каждый день пестрели похождениями кремлевских и правительственных извращенцев.1 Сегодня, как Божий человек, с религиозных позиций, я определяю происходящее в Кремле как бесовщину, блуд и непотребство. Убежден: нашему руководству оказались чужды христианские истины — те самые десять заповедей, без которых ни одно общество, ни одно государство не устоит. Под конец работы у меня сложилось впечатление, что Кремль — некое оторванное от внешнего мира, окруженное джунглями странное племя, этакие пигмеи, которые уверены, что ничего на свете больше не существует. Нет других стран, нет законов, нет цивилизации, а есть лук и стрелы, что прокормят, и шаман в штабном вигваме, который защитит от любой напасти…

С такими мыслями человеку в Кремле делать нечего. Он снова, как много лет назад, ощутил себя нелегалом в стане врага. Собеседников у Иванова быть не могло, поделиться, кроме жены, не с кем. Назревал внутренний надлом, иногда ему казалось, что он страдает раздвоением личности. Нужно что-то делать. А что именно, он не знал. Другой профессии нет, а дома семья, трое детей. Бунт его был тихий, не горластый, не видимый для посторонних. Пьяный кремлевский разгул давил его, не давал спать по ночам. А ему хотелось спокойно и по возможности незаметно помогать простым людям — тому самому народу, о котором много и взахлеб толковали в Кремле…

НИЧЕГО, КРОМЕ МОЛИТВЫ

В храм Малого Вознесения он попал случайно. Вышел однажды после работы на Большую Никитскую, тогда ещё улицу Герцена, и ноги как-то сами принесли.

Храм — маленький, бедный, сто лет не ремонтированный, от

стен несет сыростью. Но какое это имело значение! Батюшка, отец Геннадий, ни о чем не спрашивал, не наставлял, а только слушал с вниманием и подбадривал. Владимир Алексеевич никогда не встречал ещё такого доброго лица, таких приветливых глаз. И, удивляясь самому себе, вдруг стал рассказывать священнику о том, как бедно проходит жизнь, ещё вчера казавшаяся заманчивой, как уродует людей тоскливый кремлевский алкоголизм…

Отец Геннадий долго молчал, затем положил свою теплую ладонь на холодные руки Иванова и сказал просто:

— Разве вы не знали, что это Богом проклятое место, вон сколько воронья над Кремлем. Вижу, ничего там не поправишь, будем уповать на Господа. А двери храма для вас всегда открыты. Хороший храм, намоленный…

Просто сказал. А на душе у Иванова потеплело. И восприняв слова отца Геннадия в буквальном смысле, сразу после рапорта об увольнении, он не долго думая пришел проситься в храм насовсем.

Нашлось место церковного старосты. И началась для бывшего офицера безопасности другая жизнь.

Кроме отца Геннадия, ставшего впоследствии его духовным отцом, Владимир Иванов встретил здесь поэта Михаила Бузника, служившего алтарником. И ещё одного алтарника — известного артиста Владимира Заманского, человека трагической судьбы, сыгравшего главного героя в фильме Германа «Проверка на дорогах». Двое ученых — физик-ядерщик и химик — служат здесь сторожами. А патронессой храма является Наталья Нестерова, ректор Нового гуманитарного университета, женщина редкая. Кроме помощи храму она ещё содержит на личные средства дом для психически больных в Рязанской области. Захаживают сюда многие известные артисты и писатели. Вот каких людей встретил Владимир Алексеевич, а вскоре и полюбил их. С радостью, душевным теплом и они приняли его в свой круг.

Как-то раз рассказали притчу о Малом Вознесении. Якобы ещё Иван Грозный велел проложить сюда подземный ход из Кремля. По преданию, царь на склоне лет уверовал, разогнал опричников и решил остаток жизни провести в молениях. Прямо из-под земли являлся на богослужения. «Вот и я этот путь одолел…» — улыбался в душе Иванов, чудной опричник новейшего времени…

Плачевное состояние Малого Вознесения не обескураживало старосту. В храме долго квартировала заготовительная артель, а на месте алтаря размещалась кухня. Жареной навагой, вспоминают местные старики, несло по всей округе… Иванов

принялся, пренебрегая сном и едой, зиждить (вспомним хорошее слово) церковь, которая сегодня сияет белизной, новыми крестами и золотой маковкой. Он почти не появлялся дома, поселился в деревянном вагончике. На плечи Иванова легли все хлопоты строительства — от обеспечения проектной документации до известки. Прихожане то тут то там встречали нового старосту: вот он, облачившись в спецовку, разгружает машину с кирпичом. То вместе с малярами отделывает церковные стены. Был и прорабом, и каменщиком, и грузчиком.

И людям успевал помогать. Многие верующие шли к нему со своим наболевшим, как к батюшке. Слово его, сердечное и негромкое, призывало не забывать обездоленных, в пору нынешней смуты не озлобляться, беречь друг друга, оставаться людьми.

Однажды отец Геннадий (недавно, к прискорбию, его не стало) сказал Иванову, что был бы счастлив в скором времени видеть его священником.

С момента разговора прошло много времени, но «рукоположение» пока так и не состоялось: как в Кремле, так и в московской епархии нашлись люди, посчитавшие поступок Иванова странным. Понять их можно — церкви сильно досталось от беспощадного КГБ. А вдруг спецслужбы опять принялись за старое и решили внедрить своего агента?

Иванов проявляет смирение — на все есть воля Божья! — и предпочитает не вмешиваться в течение жизни.

Он часто сегодня мысленно обращается к Кремлю, который когда-то покинул. И, молясь о заблудших, грешных, растленных душах, не проклинает, а желает спасения. Кроме молитв, он уверен, ничего не осталось…

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

ОСЛЕПИТЕЛЬНАЯ ДОРОГА

Ельцин прибывал в Благовещенск.

«Передовая группа» — выездная охрана, личные врачи, дегустаторы, офицеры, отвечающие за трассу и кортеж, бухгалтера, связисты, контрразведчики — всю ночь накануне зализывали раны после хлопотной недельной подготовки к визиту.

Кто, не успев протрезветь, поправлялся «губернской очищенной», кто, напротив, стоически отворачивался от протянутых стаканов. Один из офицеров со скрипом, подобно «железному дровосеку», заржавевшему от сырости, разминал в гостиничном коридоре не гнущиеся от семидневного запоя конечности.

Немногочисленные в группе женщины чистили перышки, наводили марафет: доставали из дорожных сумок нарядные кофточки, новые колготки, остатки французских духов, пудрили носы, порозовевшие от дармового шампанского. А вдруг президент остановит на ком-то взгляд!

У всех было приподнятое настроение, какое всегда царит в преддверии одного из бесплатных кремлевских развлечений — явления Деда в российскую провинцию.

Прихорашивался и Благовещенск, со времен интервенции, похоже, не мытый и не чищенный. Стеклили витрины, старательно охаживали салатного колера известкой фасады домов, вдоль которых пройдет вереница черных машин, латали худые крыши — здесь вскоре займут место снайперы из президентского спецназа, варили борщи и жарили котлеты — «передовая группа», особенно охрана, любит хорошо покушать, к тому же платит ныне редкими и такими вожделенными наличными…

Лишь один человек в группе был тих и задумчив. Не пил, не травил анекдоты, а с тоской думал о завтрашнем дне. (По известным причинам имени раскрыть не могу, назовем его Максимом.) Дело в том, что он только что вернулся из-за города, где на вверенном ему объекте провалили задание. И хотя сам глава областной администрации Полеванов уверял, что все будет в порядке, Максим, офицер Службы безопасности президента, со всей очевидностью понял, что за оставшуюся ночь такой объем работ выполнить невозможно. Он знал войну, достаточно повидал

в жизни и понимал, что значит предел человеческих возможностей.

Ельцин должен был по плану ехать в соевое хозяйство неподалеку от города. Максим отвечал за эту точку, в том числе за дорогу, по которой пройдет президентский лимузин. Но в том-то и дело, что никакой дороги не было. Так, размазня какая-то. Валандались, как всегда, до последнего дня даже имя президента не способно излечить наших людей от разгильдяйства. Лишь за день до визита начали укладывать асфальт. Всего до соевого хозяйства от основной трассы 27 километров 600 метров! Максим запомнил эту цифру на всю жизнь.

Не в силах заснуть хотя бы на полчаса, он представил себе лицо Коржакова, которому наверняка уже доложили о срыве президентского мероприятия — а может, до самого Ельцина дойдет! — и ему стало совсем невмоготу…

* * *

Зря, зря все газеты наперебой в преддверии очередного визита Ельцина в регион с иронией начинают писать о том, как подновили ту или иную улицу, вымели вековой мусор, ударно ввели в эксплуатацию цех-долгострой. Чего тут иронизировать? Другой-то помощи все равно нет и не будет. Пускай хоть так благодаря внезапному наезду Ельцина.

Вот, например, старинный город Кострома (был там пару лет назад), где венчали на царствие Романовых в XVII веке и где до этого скрывались будущие цари от Лжедмитрия, город, которому покровительствовала царская семья, являет сегодня жалкую картину. С последним русским императором, видимо, канул в Лету и последний порядочный дворник. В самом центре, на живописном берегу Волги, рядом с современной гостиницей прилепились черные избушки на курьих ножках. Некоторые, я прикинул на глаз, покосились градусов на сорок. Но в окнах горел свет. Значит, есть люди. Что там за жизнь?

Казалось, такое увидишь лишь в сказках о царе-Горохе. Но провинциальная Россия в отличие от заносчивой Москвы живет по средствам на худой областной бюджет, а значит по-нищенски, и несет свой крест, подобно родине царей Костроме, достойно, да ещё и с виноватой улыбкой. «Спасибо за то, что хоть это есть, гости дорогие!» — ответила в музее на наши столичные размышления старуха в платочке, она же доктор исторических наук, смотритель, получающая в месяц целых сто двадцать новых рублей…

Вот бы Ельцину в кортеже прокатиться мимо кривых избушек, заехать в музей Ипатьевского монастыря! Уверен, он непременно распорядился бы срыть избушки и поставить, к примеру, «Макдональдс». Таких чудес здесь не видывали.

А журналисты утверждают, что никакой пользы от визитов Ельцина нет. «Неправдынька ваша!» — восклицал один из щедринских героев.

Ну да Бог с ней, с Костромой. (Я писал эти строки ещё до того, как Ельцин и вправду прибыл сюда.) Пора нам в Благовещенск.

* * *

…Утром на автобусах двинулись в аэропорт — бледнолицые, с воспаленными глазами, напоминающие заложников Радуева.

Представление началось вскоре после прибытия Ельцина. На одной из точек по пути кортежа некий пьяный чиновник за несколько минут до прохождения президентского лимузина вдруг выдвинулся на середину трассы, приставил руку козырьком ко лбу, как Илья Муромец, высматривающий в степи злого ворога, и, пошатнувшись, произнес:

— А где наш президент? Сколько можно? Уже час его здесь жду!

Попытавшийся было водворить пьяницу на место полковник милиции был тут же разжалован в лейтенанты, обозван козлом и выслан в Воркуту. («Козлами» в многочисленных поездках именовались — причем на местном диалекте! — то французские полицейские, то итальянские карабинеры, даже ручные английские «бобби», отродясь никому не сделавшие зла…) Президентский помощник принялся срывать погоны с несчастного милиционера. Слава Богу, вовремя подоспела личная охрана и, скрутив выпивоху, за секунду до появления Ельцина, снесла в автобус.

Жители Благовещенска, согнанные с предприятий на встречу высокого гостя, утирали слезы от смеха. Ельцин подъехал, увидел веселые лица, и приняв радость «россиян» на свой счет, велел остановить кортеж и двинулся брататься с «россиянами»…

Потом было соевое хозяйство. Максим ждал сурового приговора — лицо у Коржакова было чернее тучи, но приехал — и не поверил своим глазам. Полеванов не соврал: до горизонта простиралась тридцатикилометровая дорога и асфальт уже совсем подсох.

С момента начала укладки прошло двадцать четыре часа.

…Вряд ли осенью 41-го года, в разгар «блицкрига», когда Москва была видна в бинокль и фашисты, предвкушая победу, готовились пройтись парадом по Красной площади, великие германские строители дорог могли бы совершить подобный подвиг!

Удивляясь самому себе, Максим, вместо того чтобы обрадоваться, плюнул на эту ослепительную дорогу, проложенную (теперь он явственно почувствовал) неизвестно куда и зачем — и странная грусть вошла в него…

…И ВЕЧНАЯ ЧЕЧНЯ

Я познакомился с ним в одном из волжских городов, где мы, ещё гордые своим кремлевским величием, свысока поглядывая на провинциалов, готовили важные птицы! — очередное президентское шоу. Был Максим высок ростом, строен, светловолос, а вот глаза — черные, по-восточному выразительные. Еще обратил внимание на нервозную веселость, на то, что балагурил он с каким-то надрывом — знаете? — когда лицо улыбается, а в душе — слезы.

Я, как сотрудник пресс-службы президента, объезжал точки, где предполагалось общение президента с журналистами. Максим изучал «настроения масс» в городе. Дороги на этот раз были вроде в порядке.

Я ни о чем не спрашивал, а сам он рассказал, как вернулся с фронта. (Увидел березы — и удивился: «Разве бывают такие деревья?») Сначала работал на заводе слесарем, потом поступил в высшую школу КГБ, ещё год учился в академии Службы внешней разведки. Побывал во многих «горячих точках». Ему доверяли самые рискованные операции. Все знали: если на задание идет Черный Ангел1 — потери будут минимальными.

Потом пригласили в Кремль, в одно из контрразведывательных подразделений Службы безопасности. Среди офицеров службы тоже случалось всякое, включая их участие в бандитских разборках. Естественно, новоиспеченного «санитара кремлевского леса» многие недолюбливали. И он платил тем же выскочкам, которых везде хватает. Участвовал в подготовке президентских вояжей.

И как же мелко все это показалось ему после недавних изнурительных рейдов и штурмов. Он же вояка, «калашников» — ему друг, и мысли у Максима, (особенно когда разозлишь), такие же конкретные, как автоматные трассы. А здесь Кремль, говорить положено мягко, иносказательно, глаза по возможности прятать. Подавальщицы снуют с подносами, обносят руководство чаем с заморскими печеньями, строгие чиновники благоухают французским одеколоном, шепчутся в коридорах, плетут интриги.

Всюду компьютеры, факсы, сканеры. Чудная жизнь!

Коридоры прямые — да тропинки извилистые.

Он почувствовал себя угловатым застенчивым фронтовиком, вдруг оказавшимся в 46-м году, после атак, ранений и ледяных окопов в уютном кресле председателя профкома какой-нибудь ситценабивной фабрики имени Клары Цеткин.

Что он узнал в Кремле? Всякое и всяких.

Узнал корыстолюбивого чиновника, который безнаказанно принимал в своих кремлевских покоях коммерсантов (заранее зная, что ничем помочь не может) за гонорар в 15 тысяч долларов! Познавательная, понимаешь, экскурсия… Расценки со временем упали — как только финансисты уразумели, что проку от Кремля мало.

И другого чиновника, который брал взятки — как бы это помягче сказать? — женским вниманием. Ни одной просительницы 55-летний сластолюбец не пропустил, не утруждая себя даже закрывать дверь служебного кабинета на ключ. Когда Ельцину откровенно рассказали эту историю (сопроводив доклад видеозаписью), тот побагровел и немедленно подписал указ, из которого следовало, что старого пакостника, человека, известного в стране, отправляют на заслуженную пенсию и благодарят от имени президента за долгий нелегкий труд на благо отечества…

Увидел в Казани «операцию» по поимке и досмотру немощного пожилого мужика, который несколько раз пытался выбежать из толпы навстречу Ельцину вручить ему письмо. Впоследствии выяснилось, что «злоумышленник» родственник той самой женщины, которая в 30-е, трагические для семьи Ельциных годы (отец нынешнего президента попал тогда в лагерь) приютила их у себя, помогала как могла, шила, стирала, утирала нос маленькому Боре Ельцину, а на старости лет заболела, осталась одна на краю Казани — без денег, без лекарств, без телефона. Как «скорую» вызовешь? До Ельцина бумага, конечно, не дошла. Мужика, пожурив за нарушение режима, отпустили восвояси и обещали «разобраться». И лишь вмешательство корреспондента «Известий» сподобило кремлевских бюрократов установить, наконец, старухе телефон. Своевременное и равнозначное «спасибо» отца всех россиян за то, что выжил…

Еще увидел однажды, как на заснеженный Эльбрус в районе курортного Терскола приземлился вертолет, из которого важно вышел Барсуков. В Нальчике ждали Ельцина, и генерал решил лично осмотреть президентскую резиденцию как говорится, «нет ли где измены?». Накануне его увещевали подчиненные: «Не надо бы лететь, Михал Иваныч, вон какая туча идет. Поберегитесь!» Но

кто остановит бравого генерала?

И в самом деле — поднялся буран, еле приземлившийся вертолет тут же занесло по самые лопасти. Барсукова вывезли в Нальчик на машине. Позже выглянуло солнце и вертолетчики принялись откапывать машину. Справились только к утру. И тут снова повалил снег. Пришлось все начинать сначала.

Продолжалась эта история долгих десять дней: только отроют машину, её снова заваливает. Вертолетчики прокляли Эльбрус, Ми-8 и упрямого генерала. Говорят, отдыхать они теперь ездят с семьями только на равнинные местности, чтобы даже намека на пригорок не было…

С улыбкой вспоминает Максим и финал казанской поездки, о которой мы уже упоминали.

Не забыл её, наверное, и советник президента (ныне — бывший) Эмиль Паин, известный политолог, которого Ельцин включил в свою свиту. За несколько часов до вылета из Казани в Москву, когда переговоры с Шаймиевым уже подходили к концу, Паин обнаружил, что потерял кремлевское удостоверение. А это почти как партбилет. Испытав сердечное недомогание, он отправился в гостиницу. Хотел достать из дорожной сумки лекарство, но и этого не удалось сделать: сумка исчезла. Сперли? Или забыл в машине, когда ехали из аэропорта?

Держась за левую сторону груди, Паин вышел из гостиницы и побрел в садик внутри Казанского кремля, со вздохом опустился на первую попавшуюся скамейку.

Наивный человек! Ему ли не знать, что все скамейки в городе к приезду Ельцина беспощадно красят в ядовитый зеленый цвет. Прощай, французский костюмчик! Перегнувшись назад и скосив глаз на собственную спину, он подумал, что вот ты президентский советник, все тебя знают, уважают, раскланиваются, а жизнь, как говорится, «не склалась». Что теперь делать?

Пропахший бензином (пытался очистить костюм), угрюмый, он попросился в первую же попавшуюся машину, которая отправлялась в аэропорт — вдруг вещи кто-то нашел? Но судьба в этот злосчастный день распорядилась так, что и машина оказалась необычная. Вернее, её хозяин.

Этот известный в Кремле чиновник, начальник президентской пресс-службы Андрей Андреич по прозвищу Старый Иезуит, прославился тем, что из каждой командировки обязательно привозил жене букет — будь то Ванкувер или Шуйская Чупа. Где в Казани сыщешь достойный букет? Поехали колесить по городу. Паин сидел на заднем сиденье бледнее мела. На его слабые попытки направить машину по нужному маршруту,

на запах сердечных лекарств Андрей Андреич не обращал ни малейшего внимания. Наконец, сжалился шофер — вылез из машины и наломал в городском сквере букет сирени.

В аэропорт приехали последними — обворованный, несчастный Паин в костюме в зеленую полоску (у трапа его ждал Максим с пропавшими пожитками) и невозмутимый Старый Иезуит, с ласковой улыбкой оглядывающий белую сирень…

Бесплатное пособие, как получить инфаркт.

«Мелюзга», — сказал бы Куприн и был бы прав. Но мелюзга эта царствует в стране и от её левого мизинца зависят судьбы миллионов. А расхлебывать нам с вами — таким, как Максим, добрым безответным дурачкам, — то в Афгане, то в Баку, то в Грозном.

Кстати, о Чечне.

Когда я работал ещё в пресс-службе у Костикова, в 1993–1994 годах, Дудаев из месяца в месяц бомбардировал факсами (мины — впереди) приемные всех президентских помощников: с отменной учтивостью просил президента о встрече, чтобы обсудить создавшееся в республике положение, попытаться найти общий язык. Куда там! Кремлевские олимпийцы были заняты более важными делами — истребляли другого — «ложного» — чеченца, Хасбулатова. А настоящего разглядеть не сумели. И регулярно отправляли дудаевские факсы в туалет. «Пусть только рыпнется, — сказал на одной из пьянок близкий к президенту сановник, полный отваги после недавнего штурма Верховного Совета. — Одной «Альфы» будет достаточно…»

* * *

И Дудаев не заставил себя ждать.

31 декабря 1994 года, когда россияне, в том числе чеченской национальности, внимали по телевизору своему президенту и доставали со льда шампанское, министр обороны отдал приказ устроить «новогодний фейерверк» начался штурм Грозного.

Максим уже предвкушал дальнейшее — в Кремле не были секретом ни человеческий, ни военный гений лучшего министра обороны всех времен, как нарек его Ельцин. И чем больше Чечня начинала походить на ненавистный ему Афган, а то и превосходить его — по глупости военных и количеству цинковых гробов, тем мрачнее становились мысли Максима и созревало решение — если пошлют на войну, он, как ребята из «Альфы» в октябре 93-го, наотрез откажется выполнять приказ.

Сколько можно воевать? Хватит уже!

Если вдуматься, мы никогда и не переставали быть на фронте, война у нас в крови. Мы все время дрались — то с фашистами, то с японцами, то с афганцами и неграми, то сами с собой — в Новочеркасске, Тбилиси, Вильнюсе и, наконец, в Чечне.

И однажды он получил этот приказ — во главе подразделения все той же «Альфы» отправиться в Первомайский, где Радуев захватил заложников, и выбить бандитов из поселка. Прибыв на место и изучив оперативную обстановку, Максим принял решение отказаться от операции. Верная, бессмысленная гибель. На месте событий находился министр обороны Грачев. Он вызвал к себе «умника из Кремля» и потребовал объяснений.

— Что тут скажешь, Пал Сергеич? — вздохнув, пожал плечами офицер. Голое поле, каждый сантиметр простреливается. Ребята не камикадзе. Да и вы, простите раба грешного, совсем не смахиваете на японского императора…

Грачев срывающимся голосом выдал весь трехэтажный арсенал и приказал идти на штурм. У Максима помутилось сознание — никогда, никто, даже в Афгане, не называл его такими именами. Он замахнулся на министра. Охранники оттащили.

— Расстрелять! — приказал Грачев. — К стенке гада…

Максима повели к придорожной канаве.

«Альфовцы», стоящие неподалеку, разговора не слыхали, но правильно оценили смысл конвоя. Медленно двинулись навстречу, взяли Максима и расстрельную команду в полукольцо. «Всех перебьем!» — читалось в их глазах. Грачевцы отступили.

Максима немедленно втолкнули в машину и вывезли из Первомайского. Через несколько часов он уже объяснялся в Кремле с коржаковскими замами.

Решено было не гнать смутьяна, а вывезти на время из страны — в Швейцарию, где шла доводка президентского лайнера. Присматривать за ходом работ. «Остудись маленько, отсидись — примирительно сказал Коржаков. — А что не дал ребятам по глупости погибнуть — молодец…»

…Он бродил по безлюдным улицам, среди красочных кафе и закопченных соборов, потом устремлялся за город — к холмам и шуму листвы, провожал грустной улыбкой ветряные мельницы и молочные фермы, с опустившимся сердцем вглядывался в пурпурные просторы, засеянные до горизонта ягодами…

И все напевал, насвистывал в эти дни ностальгическую мелодию «Битлз» «Strawberry fields forever…» — «Земляничные поляны навсегда…». Это у них. А у нас, похоже, навсегда поля, где лежат убитые и не похороненные мальчики…

«ПРОСТО ТАК»

Потом началась предвыборная кампания. После натиска железного Толика служба развалилась. Коржаков, нацепив на нос очки — писатель! — принялся за мемуары, ребят — кого выбросили на улицу, кто ушел сам. Максима не гнали, о нем забыли. Впрочем, он уже понял, что никому не нужен. Что вообще никто никому не нужен.

Мы часто встречались с ним в кремлевских коридорах, пили кофе в подвальном буфете «32 ступеньки» (холодный общепитовский бульон, несокрушимая, как компартия, булочка-калорийка) и беседовали. Невеселые это были разговоры. Больше — глазами и вздохами.

Вскоре он выпал из моего поля зрения. Говорили, ушел в охранную структуру какого-то банка.

Потом и я, собрав вещички, переместился из Кремля туда, где я сейчас пишу эти заметки, а спустя некоторое время вдруг вспомнил о нем — наткнулся случайно на телефон в записной книжке. Позвонил. И вот мы сидим в холле одной из московских гостиниц.

— Знаешь, — сказал Максим, — я все это рассказываю с одним условием: хочу услышать от тебя, как быть, что делать дальше. Вот я убил в Афгане четверых пацанов… Своих. Случайно. Дальность была большая. Сумерки. Принял за душманов. Понимаю, бывали такие случаи, и на прошлой ещё войне, не я один такой. Но вот уже пятнадцать лет прошло — не могу забыть. Приходят ко мне по ночам. Гад я последний! Как не посмотрел тогда в бинокль, почему не подстраховался? Родители до сих пор уверены, что сыновья их пали смертью храбрых… Но разве я один виноват? Кто за все это ответит? Зачем опять Чечня, Самашки, Первомайский? Почему никого серьезно не наказали — ни в Кремле, нигде? Так всегда у нас! А знаешь, после каждой из операций в «горячих точках» кто-то из ребят обязательно заканчивал жизнь самоубийством. Через неделю после Баку застрелился мой друг Витька, потом ушли Коля и Саша. Никому ничего даром не проходит. Сейчас «чеченский синдром». Скажу только тебе — иногда еле сдерживаюсь, чтобы не пустить себе пулю в лоб… У тебя — работа. А мне что делать? Банк — это временно. Вернуться к «афганской» профессии? Стать киллером? За что они нас так?

В глазах его стояли слезы.

Я не знал, что сказать. А потом вдруг вспомнил эпизод из романа Солженицына «Раковый корпус». Главный герой приходит

в зоопарк и видит пустую клетку, где сидела обезьяна — макака-резус. На клетке прилеплен листок, где сообщается, что кто-то насыпал макаке в глаза табак и она погибла. И уточняется: насыпал просто так.

Страшно. Но лучше, мне кажется, не объяснить происходящее в нашем государстве.

Афганистан, Сумгаит, Баку, штурм Грозного, рыдающие роженицы в Буденновске, плетущиеся с грудными младенцами из разрушенной больницы, все это было просто так. Никто не виноват. Забудьте…

КВАРТИРА ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

Максим был не прав, когда сказал, что в Кремле никого не наказали.

Наказали. И строго.

Но не Грачева. И не Барсукова. И не за Чечню.

…Роман этот, нежданно-негаданно случившийся под сводами президентской резиденции накануне Нового года, накануне новой войны, всколыхнул весь Кремль.

Советник одного из ельцинских помощников (его в скором времени чуть не лишила мужского достоинства собака Юмашева) и секретарша вдруг поняли, что давно симпатичны друг другу.

Служебные романы в Кремле не приветствуются. А влюбленные (видно, давно искали друг друга) и не думали скрывать свои чувства.

Однажды женщина призналась своему кавалеру, что у неё очень тяжелое жилищное положение — с детьми ютится в маленькой квартире. Документы на расширение лежат в профкоме, очередь — длинная, а у неё уже сил нет больше терпеть.

Обычно осторожный бюрократ тайно проник в кабинет своего босса и артистично подделав его голос, позвонил в управление делами, устроил разнос. (А говорят, настоящей любви не бывает!) Ордер моментально выписали. Но вскоре злодейство раскрыли. Совпало это с началом чеченской кампании. Нужно было выпустить пар… Так что Новый год стал траурным днем не только у всей Ичкерии, но и у двух незадачливых любовников.

У Евы вскоре отобрали уже выделенную и «отпразднованную» квартиру, а Адама понизили в должности. Затем, поразмыслив, обоих с позором, с отъемом удостоверений прямо у Спасской башни, навсегда изгнали из кремлевского рая…

НАПУТСТВИЕ МАКСИМУ

Однажды отец, когда на душе у меня было худо, сказал одну поразительную вещь. Я её запомнил на всю жизнь. Мы сидели на кухне у окна в нашей квартире и смотрели на Останкинскую вышку, на старый Шереметьевский парк, на дальние огоньки у Сокола, на железную дорогу, по которой зеленой змейкой торопился на милый север, в Петербург, скорый поезд, и тогда отец сказал:

— Все эти пространства, эти дали — не пустые. Они заполнены не родившимися людьми. А тебе выпало счастье…

И теплые эти слова всегда согревали меня в трудные минуты.

Тяжело жить в нашем сумрачном отечестве! Не все выдерживают.

А нам бы выдержать, Максим, — и не сдохнуть. Нам бы ещё повоевать, товарищ сержант!

МНОГО РАБОТЫ ДЛЯ ПОХОРОННЫХ КОМАНД

— Все бросай и в аэропорт! — с порога выпалил новый руководитель пресс-службы Ипатьев, недавно назначенный вместо отправленного на пенсию Андрея Андреича (к этой личности мы ещё вернемся). — Кровью искупишь архангельскую поездку.

— Куда лететь-то?

— Во Внуково узнаешь.

Стоял апрель 96-го года. Под окнами, на Красной площади, праздношатающиеся, вечный людской водоворот. У Лобного места на солнышке греется стая одичавших собак — демократия на дворе. Дошло до того, что «кабыздохи» гадят прямо у Спасской башни, там, где в недавнем прошлом тянули носок часовые Ильича. Одна из псин увязалась за свадебной процессией, норовя ухватить невесту за ажурный шлейф, жених пинком отгоняет её, зеваки ржут…

Но пора в дорогу — искупать Архангельск. Пару дней назад один из журналистов в моей группе опоздал на самолет (искал лекарство, зуб разболелся) и мы вылетели в Москву на двадцать минут позже, под косые взгляды Ипатьева и охраны…

Я уже понял, что дорога лежит в Грозный — Ельцин решил проявить политическую экстравагантность: полевые командиры в Москве, а он вдруг инкогнито объявляется в Чечне. И в смысле безопасности удачно. Только что он там забыл? Зачем больному старику (предвыборная кампания — слишком универсальный

ответ) бросать насиженное место и нестись навстречу новому инфаркту — в самое пекло?

Все стало ясно на другой день, когда Ельцин на броне танка подписал указ о прекращении войны в Чечне. Ему нужен был громкий спектакль (сколько их ещё было и будет!) — с натурными съемками. Чтобы и зрители, и клакеры не сомневались в правдивости. Еще не зная этой финальной сцены, на месте мы отрепетировали каждую деталь. И полет на вертолете в одно из «чеченских» сел (три круга охраны, жители — сугубо русские, проверенные, Надтеречный район), и объятия президента-освободителя с солдатами, и прочувствованные речи на армейском плацу в 205-й бригаде. Улыбающийся лик честного Батурина. Только у солдат, обласканных президентом, лица почему-то были печальные…

Они всё поняли, эти возмужавшие под «градом» мальчики, преждевременные психологи, они почуяли фальшь, комедиантство. И роли артистов миманса не понравились им. Они говорили мне об этом ночью, когда Ельцин улетел в Москву. Никто не поверил в прекращение войны. А я рассказал про дудаевские факсы, брошенные в корзину, о кремлевской гордыне, как Грачев по пьянке (в честь своего дня рождения) ввел войска в Грозный. Такого фейерверка не видели даже тонконогие французские Людовики в Версале…

Только сейчас, осмотревшись вокруг, я обнаружил, что казарма, где коротали ночь, в отличие от надраенного накануне плаца, выглядит безобразно. А говорили — элитная часть. Видно, заранее стало известно, что Ельцин внутрь не полезет. Белье, похоже, не меняно с начала боевых действий и, говоря словами импрессионистов, пастельного цвета. Серого. Сколько тут до меня маялось уставших тел? Окна закрыты, вонь и жара. Полы, тумбочки изъедены жучком. Доисторические пружинные кровати заржавели, скособочились, скрип колодезного ворота. Гулаговский барак! И лица на подушках — белые, испуганные. Веселенькие, наверное, снятся сны…

Я вышел в коридор подышать и столкнулся с воином, дежурившим на тумбочке. Телосложением и ростом напоминал он ученика начальных классов, только руки большие, все в шрамах, иструженные. Он печально взглянул на меня:

— Вторые сутки стою. Не меняют, сволочи…

И здесь, на войне, дедовщина! А вдруг завтра в бой? Что он навоюет? Впрочем, таких пацанов — волонтеров Ельцина — тут множество.

— Кормили? — спрашиваю.

Он отвернулся. Я сбегал за хлебом и колбасой. Опасливо,

словно степная лисица, он принялся есть, вздрагивая от малейшего шума.

— А войны правда не будет?

Я пожал плечами и вышел наружу. Вдалеке, за Грозным, незаживающей раной пылал нефтяной факел, странное для апреля тепло разливалось в воздухе. Первая за несколько месяцев тихая ночь — спасибо Ельцину хоть за это.

Утром наш небольшой кремлевский десант погрузился в военный вертолет и мы отправились из «Северного» в Моздок. Перед отлетом сфотографировались на память с новыми знакомыми. Давешний дневальный тоже попал в кадр.

…Через несколько недель после указа об окончании войны начался очередной штурм Грозного. 205-ю бросили в бой.1 Позвонил в штаб бригады знакомому офицеру, справился о потерях. Вздохнув, он сказал, что работы у похоронных команд было достаточно. Я назвал несколько имен. «Погибли», сказал офицер. Не вернулся назад и маленький солдат, похожий на лисицу…

«Неувязочка вышла», — любит говорить наш президент.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ВОЛОДИ

Всего вдоволь в Кремле, а штопора хорошего не найти. Не бежать же позориться в подвальный буфет, если стол уже накрыт и Костиков, пресс-секретарь, ходит над душой, потирая руки в предвкушении удовольствия.

Я выскочил в коридор поклянчить у ближайших соседей и столкнулся с незнакомым молодым человеком: открытое лицо комсомольского лидера, светлая улыбка — вылитый Васек Трубачев, только повзрослевший. Увидев, что я чем-то озабочен, предложил свои услуги. Понимающе кивнув, исчез за потайной с шифром дверью в глубине коридора, и через мгновение я держал в руках увесистую железяку.

— Зайду за ним вечером, смотри не потеряй, — улыбнулся новый знакомый и представился: — Сергей Восьмеркин.

Штопор был обыкновенным, с полированной от частого употребления стальной ручкой. Но странно — на нем имелся инвентарный номер, как на музейном экспонате.

К концу рабочего дня, когда Костиков провозгласил последний тост (за чей-то несравненный бюст! — выпили уже порядочно), Сергей постучался в пресс-службу.

— Знаешь, что за вещица? — спросил он хитро, бережно пряча штопор в карман. — Сам Владимир Ильич бутылки им

откупоривал! Так-то. Поздравляю. Приобщился к истории… Дверь напротив, между прочим, вход в музей-квартиру Ленина. Я заместитель директора и всегда рад гостям…

* * *

И как-то так случилось, что едва ли не каждый день я начал бывать «за маленькой потайной дверью в стене». Дорогой читатель! То были счастливые времена. Стоял 92-й год. Еще приятно было просыпаться по утрам, шагать по вымытой Ильинке к Спасской башне, снова и снова встречать в кремлевских коридорах героев недавних событий, вглядываться в лица отважных Коржакова и Руцкого, мудрого Хасбулатова, юного властителя дум Станкевича… Вот написал — и пакостно сделалось. «Что ж это я вру?» — в сердцах восклицал Хлестаков. Никуда я не вглядывался. Просто было краткое, как бабье лето, согласие, взаимная приязнь. Так молодожены, прожив годок-другой, ещё полны страсти и благодарности друг другу, но вот наметилась тучка на горизонте, все чаще звучат упреки. И до пьяных истерик с мордобоем уже рукой подать…

Я вовсе не питал высоких чувств и к вождю. Просто в музее, в отличие от казенных коридоров (до ремонта ещё четыре года) было непривычно тихо, прохладно, улыбчивый Сережа к приходу соседей всегда заваривал ароматный чай. И самое главное — здесь жила ушедшая история. Никогда бы не пришел сюда на экскурсию. Но вот так, запросто, в предбаннике знаменитого зала заседаний Политбюро пропустить с хорошим человеком по рюмочке — приятно.

Чего этот зал только не видел! Здесь, за длинным дубовым столом, на вытертом сановными рукавами сукне, был подписан пакт Молотова-Риббентропа, здесь после смерти Сталина арестовывали Берию. Сережа показал стул, на котором сидел Лаврентий Павлович в момент ареста. Я с опаской опустился на краешек. Стул оказался продавленным. Прямо за залом заседаний — рабочий кабинет Ильича. Закуток с телефоническими аппаратами. Отсюда недремлющий вождь руководил операциями на фронтах гражданской. На стене — старая потрескавшаяся карта боевых действий, вся в красных кружочках и стрелках. Секретная. Ее гостям обычно не показывали — в учебниках истории КПСС действия красных выглядели посолиднее. На этом официальная часть заканчивалась, далее следовала собственно жилая квартира.

Убогое, надо сказать, зрелище. И зловещее. Обиталище

старых дев. Не верится, что глава государства жил в такой обстановке. Дело не в скромности, а в пошлости. Смешение всевозможных стилей — видно, натаскали шкафы и кровати откуда придется. Партийный псевдоскромный стиль, нарочитое пренебрежение благополучием. (Вот, оказывается, где зарождался тлетворный дух будущих советских коммуналок! Сталинские высотки, хрущевские пятиэтажки, ленинские коммуналки. Вот, он, родоначальник! — осенило меня. Известные по живописным полотнам чехлы на диванах. Рассчитывали три жизни на них просидеть? На зеркале пустые флакончики из-под духов — интересно, какие запахи предпочитала Надежда Константиновна? Дешевые безделушки. Тоска.

Личная библиотека Владимира Ильича — сотни томов с его пометками. Уникальные фолианты. Неудивительно, что Восьмеркин, имея доступ к такому богатству, быстро, будучи ещё молодым, стал доктором исторических наук и автором нескольких книг об окружении основателя государства.

А вот и кухня. Соль в солонке томится в шкафу с незапамятных времен. Давешний штопор. Посуда, как и мебель, — разномастная. Обычные тарелки и дорогие — с клеймом отеля «Метрополь». Личная чашка вождя. До переезда в Кремль Ленин жил в гостинице. Посуду, видимо, чтобы не покупать новую, решили прихватить с собой. Спальня. Аккуратно застеленное ложе вершителя судеб — скромная студенческая коечка. Несколько смен белья. Все готово ко второму пришествию…

Жутковато, незримые образы эпохи вырождения витают в пыльном воздухе квартиры, зато это — настоящее, не подделка. Может, потому и тянет сюда? Здесь наши вожди варганили войну и мир, отсюда, через Спасские ворота, выехало наружу и покатилось Красное Колесо. Убиенные юнкера 17-го года, расстрелянная во дворе Кремля и тут же сожженная в железной бочке слепая Фанни Каплан… Не стоит продолжать. В 92-м году, правда, казалось, что все пойдет по-новому…

* * *

Но новое — не значит лучшее. Никогда раньше по Кремлю не таскали пьяных мужиков, а теперь вовсю носят. Одного руководителя подразделения охрана ежедневно на руках, бережно, как раненого, спускает на лифте в автомобиль.

Начальник Восьмеркина — Шеф, директор музея-квартиры, пожилой благообразный человек, кривится, когда видит новые

порядки Кремля. Он хорошо помнит сталинские времена. Один из закрытых циркуляров запрещал чиновникам передвигаться по территории Кремля быстрее пяти километров в час. За нарушение могли открыть огонь. Другой документ гласил: если по коридору идет сам Генсек, любой охранник — будь то офицер или рядовой имеет право «очистить» дорогу перед вождем. Как очистить? Невзирая на занимаемый пост (вплоть до членов Политбюро!), заталкивать нежданных встречных в первый попавшийся кабинет или прижимать лицом к стенке, пока Коба не пройдет мимо. Чем не лагерь? Все, господа, зарождалось в этих стенах. Альма-матерь!

Много позже, уже в брежневские времена, вспоминает Шеф, начались послабления. В коридорах, наконец, появились привлекательные женщины (Сталин, заботясь о моральном облике чиновников, тайно повелел красавиц — и вообще длинноногих — на работу не брать! И отдавать предпочтение дамам в строгих блузках — «а ля Наденька Крупская»). Водочка появилась. Не в таких масштабах, как сейчас, конечно. Но все же.

Однажды один из секретарей приемной Леонида Ильича, от которого недавно ушла жена, решил с горя выпить на рабочем месте. Генсек редко беспокоил подчиненных. К тому же суббота, Леонид Ильич собирался в Завидово. Подавальщица принесла в корзинке, покрытой белоснежной скатеркой, бутылку водки и бутерброды. Незаметно для себя секретарь уговорил пол-литра, и когда жизнь, как в анекдоте, начала налаживаться, он решил полчасика вздремнуть. Но прошли полчаса, а потом и час, и два, и три. Он спал. Наконец Брежнев собрался в дорогу, снял трубку прямой связи. Тишина. Долго, недоумевая, вслушивался он в гудки, а секретарю, видно, приснился плохой сон, назойливый звонок обозлил его. Забыв, кто он, где находится, бывалый офицер снял во сне эту проклятую трубку и рявкнул:

— Пошел ты на х…!

Леонид Ильич несказанно удивился. Расстроился. Что бы это могло значить? Может, ослышался? Затем набрал номер верного Суслова.

— Миша, меня тут на х… послали. Кто? Не знаю. Трубка сказала. Ты разберись, пожалуйста. Как же так? За что?

Брежнев был человеком незлобивым. Когда ему доложили результаты расследования, усмехнулся, махнул рукой. Махнул в сторону юго-запада столицы. Туда, в одно из подмосковных хозяйств управления делами, и отправили секретаря-дебошира — ухаживать за свиньями…

* * *

Последняя страница истории музея-квартиры Ленина печальна. Это одна из маленьких кремлевских трагедий. Ельцин, наш белый орел, долго кружил над музеем, думая, как бы его без шума прикрыть. Ничего не надумал. И тут, как по заказу, подоспел давно лелеемый ремонт Первого корпуса. Не ремонт тотальная перестройка на сумму более полумиллиарда долларов. Утлый музей потонул в водовороте строительных фантазий нового хозяина Кремля. (А ведь ни у кого из предыдущих руководителей не поднялась на него рука!) Восьмеркину и Шефу было приказано в сжатые сроки собрать ленинские манатки, а заодно и свои собственные, и отправляться в Горки. Расстроенные до слез музейные работники (а заодно с ними и вся пресс-служба) начали упаковывать обитые железом ящики.

В Первом корпусе тем временем выкорчевывали и выбрасывали на улицу дорогой дубовый паркет, отвинчивали на память старинные дверные ручки. По всему двору валялись массивные кабели от секретной кремлевской телефонии. В одно прекрасное утро обнаружилось, что какие-то местные «копперфильды» накануне ночью сперли сто метров (!) бесценного (с внушительными вкраплениями драгметаллов) медного кабеля. И незаметно вывезли с территории Кремля. Каким образом — до сих пор остается загадкой. Словом, жизнь кипела.

И никто в разрушительной эйфории не обратил внимания, как от одного из подъездов Первого корпуса отъехал обычный крытый грузовик, навсегда увозя с собой воспоминание о «кремлевском мечтателе». На месте его бывшей квартиры теперь планировался просмотровый зал для Ельцина.

Вскоре мы узнали, что Сереже предложили место в пресс-службе Главного управления охраны — того самого органа, который по приказу президента и изгонял музей. Жизнь продолжалась, и молодой ученый не долго думая согласился.

— Жалко уходить из Кремля, я вырос здесь, — грустно говорил мне Восьмеркин пару месяцев спустя. — Мы сделали все, что могли. А у меня планы, работа в архиве. Семья, сам понимаешь… К тому же Борис Николаевич, — добавил он потише, — не первый, кто предал Ильича…

И зловещим шепотом Сергей рассказал мне страшную тайну о том, как во время войны, желая помочь Красной Армии, родственники Ленина отдали государству на переплавку не собственные драгоценности (часть из них, кстати, хранилась в музее-квартире), а золотую медаль Володи Ульянова, полученную им в симбирской гимназии…1

АВТОРИТЕТ

А из нашего окна площадь Красная видна,
А из нашего окошка — только спецтюрьмы немножко…

Кремлевская считалка

История о том, как сын личного референта Сталина стал одним из уважаемых людей в криминальном мире

ПРОЩАНИЕ

Многие в скорбной толпе, пришедшей морозным январским днем 1924 года в Дом союзов проводить в последний путь вождя мирового пролетариата, обратили внимание на высокого статного мужчину в военном френче, который стоял рядом с гробом и держал за руку мальчишку лет семи, аккуратно причесанного, в нарядном тулупчике. Оба плакали. Еще бросалось в глаза то, что они совсем не походили друг на друга: мужчина был кавказцем, а мальчик по-славянски курнос, голубоглаз, густая копна русых волос.

С замирающим сердцем ребенок наблюдал картину, запомнившуюся ему на всю жизнь: от толпы отделился военный на костылях, судя по наградам участник гражданской войны, отцепил одеревеневшими пальцами с гимнастерки орден Красного Знамени и передал караулу. «Вождю!» — строго сказал инвалид. Орден торжественно положили на грудь Ильича. Ребенок ещё сильнее сжал руку своего спутника.

Мужчину-кавказца звали Искандер Алиев. В новой московской номенклатуре он занимал солидное положение: недавний выходец из Тбилиси, друг и сподвижник Серго Орджоникидзе, он быстро сделал карьеру секретаря центрального, престижного Хамовнического райкома партии. Красный профессор. А в скором времени — и личный референт самого генсека, боготворимого им Кобы. Еще до переезда в столицу женился на прекрасной женщине, матери мальчика, с которым пришел сюда сегодня и которого называл сыном.

Родного отца Толя, или, по-маминому, Тосик, никогда не видел. Зато запомнил дедушку-поляка, бывшего белогвардейского

полковника, деникинца, сумевшего после гражданской войны уйти от пролетарского возмездия и осесть в далеком Тбилиси под видом тишайшего смотрителя городской больницы. Здесь же была и их казенная квартира. Запомнил клумбы у входа в больницу гордость деда и шедевр цветоводческого искусства. На одной из них искусной рукой садовника был изображен дед с длинной бородой, мама сказала — это великий русский писатель Лев Толстой. На двух других — Маркс и Ленин. Их Тосик уже видел, живописные полотна висели на первом этаже больницы.

Похоже, хитрый старик решил сделать «книксен» новой власти. Вот вам, байстрюки, зеркало русской революции и её отражение — теоретик и практик нынешнего «разгульного праздничка». Во всяком случае, партийцы, проходящие курс лечения, одобрительно кивали.

И вскоре переезд в Москву, в Трубниковский переулок, где располагался знаменитый 20-й дом ВЦИКа. Прощайте клумбы! Тосик стоит с отчимом перед мертвым Лениным. (А ведь Алиев обещал, что он увидит в столице живого вождя!) Эта первая в жизни потеря и страшная траурная мелодия ещё не один день будут гнездиться в его душе…

«В ЛАЙКОВОЙ ПЕРЧАТКЕ…»

Долговечно ли детское горе? Вскоре появились приятели — арбатские мальчишки, близнецы Олег и Костя Балины. Вместе шаландались по подворотням, вынюхивали в пестром арбатском мирке где что плохо лежит. Тосик только внешне походил на ангела, парящего над Мадонной Рафаэля. Он артистично отвлекал торговцев, а братья тем временем отправляли за пазуху все, что попадалось под руку, — леденцы, бублики, кремневые зажигалки, соль.

Ничего ему было не нужно, семья жила обеспеченно. Однако дома Тосиком занимались мало — мама к этому времени тяжело заболела, отчим неотлучно находился в Кремле. Референт Сталина! Алиев даже не подозревал, какого рода талант открылся в «милом мальчике». Он сердечно относился к пасынку и приносил из кремлевского буфета бутерброды с красной икрой и диковинной, розовой, как собачий язык, докторской колбасой. Иногда, очень редко, рассказывал о вожде, о его удивительной памяти. «Вызовет, бывало, и скажет: «Найдите мне, товарищ Алиев, в 10-м томе Ленина на 30-й странице такой-то абзац». Иду, открываю, все точно, слово в слово!»

Тосик, как поется в песне, Сталина не видел, но любил не

менее горячо, чем отчим. Его тогда все любили.

Вскоре до Алиева дошли слухи о похождениях пасынка, а однажды домой явился милиционер в фуражке с белой тульей и, смущенно покашливая в кулак, доложил, что всю компанию только что замели в отделение милиции.

Референт Сталина был человеком добрым и лишь горько усмехнулся: «Я во всем виноват. Пацан совсем один. Няньку надо было, что ли, нанять? Ну да что-нибудь придумаем…»

Наутро отцовская машина везла Тосика на автомобильный завод АМО, к самому директору Лихачеву. Недавно при заводе открыли школу, сегодня бы сказали — элитарную, где будут готовить конструкторов и испытателей — наших будущих социалистических Фордов и Даймлеров. В кармане покоилась записка от Орджоникидзе. Накануне Серго приходил к ним домой, пили чай с ореховым вареньем. Он-то и надоумил Алиева пристроить мальчишку на АМО. Написал ни листке несколько слов: «Товарищ Лихачев! Зачислите, пожалуйста, в вашу школу подателя сей записки — сына нашего дорогого товарища Алиева. Серго».

И вот он в кабинете директора. Все быстро сладилось. Лихачев потрепал мальчишку по голове, позвонил куда-то и с шутливой серьезностью доложил, что распоряжение наркома выполнено. Затем пошел провожать до приемной. И тут Тосик заметил эти проклятые перчатки. Они соблазнительно торчали из кармана лихачевского пальто и были несказанно хороши: желтые, нежной кожи, заграничные, красиво простроченные. Он уже давно — с тех пор как услыхал от отчима есенинские строки о смуглой руке в лайковой перчатке — страстно мечтал о таких же. Лихачев даже не заметил, как ясноглазый воришка на ходу ловко сунул их в карман.

Домой он возвращался с трофеем, гордый первым серьезным почином.

Но Лихачев почему-то расценил его артистический дар иначе. Со школой, ещё не виденной, пришлось распрощаться. И даже бежать от позора — Алиев решил спрятать неблагодарного пасынка в Тбилиси, под строгим присмотром дальних родственников…

АХМЕДКА

Прошло несколько лет. Он не стал пропащим. В школе, на удивление отчима, махнувшего было на него рукой, прилично учился, особенно преуспел в английском и точных науках.

Участвовал в самодеятельности, в любой компании был желанным гостем, острым на язык, но снисходительным. Щедрым был гостинцы, присылаемые из Москвы Алиевым, раздавал приятелям, отпущенные же на пропитание деньги тратил, как и всякий порядочный мужчина, на угощение дамам — водил одноклассниц в кафе-мороженое. Многие девочки были от него без ума: голубоглазый красавец и весельчак. Завел шикарных друзей — детей дипломатов, работавших в Тбилиси. Особенно полюбил Ахмеда Фендеренского, сына иранского консула, одноклассника, такого же бедового, как и он сам. Они почти не расставались. Кто ещё из тбилисских школьников мог с такой помпой, как эта парочка, с цветами и шоколадными конфетами катать девчонок на извозчике по центральной улице?

Вместе с Ахмедом, Ахмедкой, ходили и на более серьезные дела. Страсть к опасным приключениям, воровской азарт вовсе не угасли в нем. Тосик лишь повзрослел, набрался ума, ранней житейской мудрости в этом разноязыком, лукавом и вечном городе.

…Раз в месяц посольские люди вывешивали в своих служебных дворах ковры — на просушку и чистку. Ковры богатые, ручной работы, с расписными райскими птицами. Тосик и Ахмедка с первыми лучами солнца подлетали на пролетке, бесшумно снимали их с изгородей. Затем переодевались, меняли как могли внешность и катили на базар — ковры шли нарасхват.

Еще удалось несколько раз при помощи острого перочинного ножичка срезать пару кошельков — у турецкого и французского дипломатов. Лиры и франки были тут же на барахолке обменяны на угощение одноклассникам. Лишь однажды его поймали за руку — в трамвае. Но милиционер никогда, видно, ещё не встречал таких рассудительных мальчиков, да ещё при красном галстуке. Он отпустил Тосика, но для очистки совести все же позвонил в школу. Пионервожатая (она ещё раз появится в этих заметках) на месяц сняла с него галстук. Женское сердце! — она давно почувствовала, что этот рано повзрослевший мальчик далеко не прост…

И, наконец, начинающий гангстер и прилежный ученик, не пропустивший ни одного урока физики, придумал вот что. «Топить», растворять в азотной кислоте украденные вместе с Ахмедкой на складе одного из заводов серебряные детали, чтобы добиться нужной 84-й пробы. Такое азотнокислое серебро хорошо покупали в торгсине. Пару слитков удалось загнать. Но дальняя мечта была дерзкая — чеканить американские доллары. Однако вскоре Ахмедкиного отца вернули в Тегеран, а сам Тосик побоялся в одиночку начинать хлопотное дело. К тому же

раскрылась недостача серебра на заводе, милиция искала похитителей, и Тосик решил до поры до времени отложить свои искания в области предпринимательства…

Ахмедку он увидит лишь четверть века спустя. И где? В Большом театре, в ложе почетных гостей. Алиев, недавно освободившийся из лагеря, с галерки рассматривал в бинокль московский бомонд и вдруг случайно узрел старого подельника. Потом спросил у вахтера, что за гости сегодня были в театре. «Министр иностранных дел Ирана, как говорят, любимец самого шаха Пехлеви Ахмед Фендеренский!» Тосик присвистнул. Вот так карьера!

А как она сложилась у Тосика? Скверно сложилась, чего уж скрывать. Ведь «черт догадал» родиться в России, а не в сказочном, как узорчатый ковер, Иране…

СЫН ВРАГА НАРОДА

В 1937-м Толя уже заканчивал второй курс Тбилисского железнодорожного института. Деканом факультета был отец будущего великого театрального режиссера Товстоногова. Сам же Георгий учился на одном курсе с Тосиком. И не только учился, но ещё и руководил театральной студией, где «криминальный талант» демонстрировал и явные актерские способности. Георгий поставил сатирическую пьесу «Чужой ребенок», где Тосик играл зубного врача Сенечку Перепелкина. Товстоногов был в восторге. Вон как жизнь сложилась! Избери он тогда театральную карьеру, глядишь, в БДТ бы попал, стал серьезным артистом. Внешность подходящая. Хотя 37-й все перечеркнул, как тут угадаешь…

Старшего Алиева арестовали в том же проклятом году. Спустя несколько дней расстреляли. Затем умерла мама. Тосик остался сиротой. Вскоре пришли и за ним. Особое совещание приговорило к восьми годам лагерей как члена семьи врага народа.

И вот он в лагерном бушлате, ушанке, ещё ясноглазый, на вокзале города Котласа. Запомнился, однако, не вокзал, не вагон, где везли как лошадей, стоя. Запомнился царский двуглавый орел на фасаде здания. Совсем тоскливо стало Тосику. Это ведь в какую дыру завезли, если орлов до сих пор никто не скинул! Да ведь отсюда не выбраться! И уж совсем перехватило дух, когда он заметил в угрюмой серой колонне, окруженной автоматчиками с овчарками, своего декана Товстоногова…

ОСЕННЯЯ СОНАТА

Анатолию Александровичу Алиеву, Тосику, недавно исполнилось восемьдесят два. Один из старейших, уважаемых авторитетов криминального мира бывшего Союза, а теперь — и новой России. С начала 60-х, с тех пор как обосновался с женой Люсей в Москве, в старинном доме в самом центре Москвы, на Мясницкой улице, рядом со знаменитым ВХУТЕМАСом, он не знает отбоя от посетителей. Кто они? Люди самых разных профессий, в основном, конечно, из криминального мира — бывали здесь и «парижанин» Тайваньчик, и покойный ныне Сильвестр. Много предпринимателей, коммерсантов, в старые времена подпольных швейников и парфюмеров. Тосик, кстати, один из первых в стране цеховиков. И ещё недавние зеки — за советом, как обустраивать жизнь на воле. Этих, с запавшими бесцветными глазами, стриженых, Алиев всегда выделял особо. Не хотелось, чтобы жизнь у них, как у него когда-то, шла под откос, по вшивым пересылкам. Учил премудростям, которые самому мало пригодились: советская власть и предпринимательство — трудное, нежелательное соседство. Вообще вся его жизнь — попытка соединить несоединимое.

Учил выходить из запутанных ситуаций без крови. Разбирал многочисленные споры между группировками. А потом — инсульт. На дворе, наконец, новая эпоха, а ты уже ничего не можешь. Между тем птенцы Тосика, который дал им когда-то «путевку в жизнь», его последователи — сегодня уважаемые люди, разлетелись по всей стране, по миру, известные коммерсанты, финансисты… Заглядывают артисты, певцы и художники. Вот вчера Азиза навестила, Табаков заходит, а когда-то отбоя не было от Лимонова — он Тосику даже несколько восторженных строк посвятил в своем «Эдичке» — какой он щедрый, влиятельный, богатый. Теперь у писателя другие знакомства. Тосик небрежно машет рукой. И снова наш разговор возвращается к главному в его удивительной жизни — к 20 годам лагерей, где назло всему он выжил, сохранил здоровье, предпринимательскую жилку, незлобивое сердце. И стал победителем. Авторитетом. И вовсе не в том смысле, который мы вкладываем в это слово сегодня.

— Самое обидное вот что, — говорит Анатолий Александрович, элегантный седой старик в модных клетчатых брюках и белой сорочке. — Жизнь пролетела-сгорела между двумя орлами… Царскими, двуглавыми. Первого я увидел на вокзале в Котласе, куда пригнали наш этап. Второй — появился недавно, на новых лозунгах и документах. Их разделяют — трудно поверить шестьдесят лет, целая жизнь! На что годы угроблены? Из первого лагеря я бежал спустя два года, подделал пропуск на выход. Времена тогда ещё в наших лагерях были

более-менее либеральными. К тому же сын врага народа — мелкая сошка. Ни погони не было, ни овчарок. Кое-как добрался до Печоры, удалось забраться на катер, что шел в Нарьян-Мар. Разговорился с мужиком в форме, наврал, что приезжал к отцу на свидание. И он мне представился: зам начальника колонии — Севжелдорлага. Я язык проглотил. А он говорит: «Вот, вырастил сына, везу в столицу, в институт поступать, математический». Я в математике хорошо разбирался. Давайте, говорю, поднатаскаю сынка вашего, аспирант как-никак в недавнем прошлом. Обрадовался он, до Нарьян-Мара, а потом и до самого Архангельска неотлучно находился при нас, шоколадом потчевал. Через все кордоны я проскочил, да ещё и честь отдавали, завидев малиновые околыши моего попутчика и благодетеля…

Но два года, предшествовавшие побегу, сделали из юноши взрослого мужика. На допросах били — хотели выяснить, о чем Алиев говорил с Орджоникидзе. Что он мог сказать? Он был тогда ребенком. К тому же оба давно покойники. Однажды у него появился новый сосед по нарам. Увидел — и не поверил своим глазам: родной брат Серго — Папулия Орджоникидзе. Его вскоре после самоубийства наркома расстреляли.

Как самому удалось выжить? Не боялся ничего. И, главное, старался всегда оставаться спокойным. Никого не чурался — ни политических, к которым сам вначале принадлежал, ни блатных — среди них тоже люди попадались.

— Спокойствия, к сожалению, не хватило бедному Мише Асламазову, моему приятелю, нападающему тбилисского «Динамо». Его арестовали по доносу, посадили в одиночную камеру внутренней тюрьмы НКВД в Тбилиси. Допрашивали, сволочи, на совесть. Он бросился с седьмого этажа… Не только писатели, выходит, как Савинков, не выносили издевательств…

Худо было в северном лагере, на вечной мерзлоте. Доходило до того, что зеки, совсем обессилевшие от мороза и непосильной работы, продрогшие до костей в своих рваных тряпках, калечили себя. Один на пилораме циркуляркой обе кисти себе отхватил. Вот тогда-то, ещё в 39-м, впервые дал себе слово Алиев, что, если останется жив, будет шить одежду для людей — теплую, удобную, чтоб на любом морозе согревала…

— Многие делали наколки на груди — профили Ленина и Сталина. А почему — знаете? Вовсе не из-за любви к вождям. Каждый из «художников» был уверен — наивные люди! — если к вышке приговорят — по Иосифу Виссарионовичу вертухаи стрелять не посмеют. Еще как палили!

Алиев сумел отвоевать себе особое положение. Как заработать в лагере авторитет? Однажды зеков отправили на этап

по Печере, ничего не дав с собой из еды — опаздывал транспорт с провиантом. Они пытались было возмутиться это же верная смерть, но охранники согнали всех в трюм. Алиев раздобыл ящик тушенки и в последнюю минуту сумел переправить на борт. Этап благополучно дошел до Архангельска. А молва про Алиева распространилась по многим лагпунктам. Много раз брал на себя чужие проступки. И вскоре зеки стали считать возмужавшего не по годам Алиева «в законе».

На его постель никто не смел садиться, на развод всегда выходил чисто выбритым, в выстиранной одежде. Не только характер помог ему выделиться в лагерной массе и сохранить редкое для этих мест достоинство. Помог ещё начальник зоны Морозов.

Однажды из Москвы спустили план: за год протянуть линию железной дороги до Воркуты. Тосик вызвался подготовить план строительства и вычертил трудоемкий даже для профессионала георельеф всей железнодорожной ветки. Морозов был поражен, выписал диковинному зеку двойную пайку. Но подопечный плюнул в доверчивую чекистскую душу — параллельно с чертежами «нарисовал» себе справку об освобождении и в один из дней, когда начальство беззаботно отдыхало в бане, ушел в побег.

Из Архангельска добрался до столицы — и расцеловал первый же попавшийся московский трамвай. Связался с друзьями в Тбилиси. Те помогли выправить поддельные документы. Поступил в полиграфический институт — жалко было терять вдруг открывшиеся способности графика. Лагерная печать быстро сходила с лица новоиспеченного студента — столько красивых девушек вокруг! Денег не было, снимал комнатку под чердаком на Ордынке. Подошел к подъезду своего старого дома, повздыхал. Из родных окон звучал женский смех, звон убираемой посуды, мелькали силуэты новых жильцов — кандидатов (с грустью подумал Тосик) на острова невидимого отсюда архипелага…

Скоро ему представилась возможность на практике доказать свой талант.

— На лекции подсел приятель и предложил скопировать билет в Большой театр. Выгодное дело, говорит, их с руками отрывают перед спектаклем за тройную цену. Этим и кормились несколько месяцев. Но больше все же, поверьте, — из любви к искусству. Работал я обычным карандашом на тетрадочных обложках — ни один контролер на входе не мог придраться. Сгубила, как всегда, жадность. Напарника взяли с пачкой билетов, и он раскололся…

В Рыбинской зоне, куда я попал, оказались многие известные деятели искусства. Сидела Наталья Сац, партнер Галины

Улановой — Василий Дудко. Помню, как-то Уланова приезжала к нему на свидание. А я в зоне — авторитет, руководитель агитбригады и лагерного ансамбля. Взялся устроить им свидание — чтоб все по-людски было. Нашли опрятную комнату, я клубнику достал, яйца, все такое… Калининский, помню, драмтеатр сидел в полном составе! Это уже после войны. Во время оккупации фашисты заставили их под дулами автоматов сыграть спектакль. Когда родная Красная Армия город освободила, чья-то добрая душа артистов выдала, и все без исключения, даже пожарный, получили срока…

После освобождения устроился на железную дорогу — сопровождать товарняки. Чтобы не гнать их пустыми, загружал вагоны овощами и фруктами. Донес куда надо обходчик. Снова дали немалый срок…

Сидел в Рустави, бежал (это когда они с подельниками совершили прогремевший на всю страну семидесятиметровый подкоп из зоны на волю). Опять, уже будучи беглым, определился на железную дорогу под Одессой. Как и неведомый ему Платонов, Тосик страстно любил «этот прекрасный и яростный мир».

С Одессой вышло особо. Здесь он стал железнодорожным мастером. Рационализатором. Разработал уникальный план ремонта путей, сэкономивший государству миллионы рублей. (Беда Тосика в том, что он не там родился, и упрямо — на протяжении десятилетий наивно пытался скрестить капиталистические мозги с советской системой, Чикаго с черными избами, джаз с блатняцкими напевами. То, что дало дружные всходы на американской почве, на наших хилых глиноземах выродилось в чертополох, в траву забвения.)

Социализм впервые отметил таланты Алиева. Из Москвы пришло распоряжение — наградить рационализатора месячным окладом, присвоить звание техника-лейтенанта (железные дороги были тогда военизированы), а фотографию вывесить на городской Доске почета. Его выдвинули на всесоюзную премию и начали готовить документы для командировки в Китай — делиться опытом. Начальник железной дороги генерал Зеленый обронил как-то в разговоре:

— Да тебе, парень, в партию надо. Рекомендация — за мной…

С Доской почета, будь она неладна, вышел конфуз. В эйфории Тосик совсем забыл, что точно такое же фото было разослано органами во многие отделения милиции с пометкой «особо опасный рецидивист, уголовный авторитет, член семьи врага народа».

За славу надо платить…

Вместо утки по-пекински предстояло хлебать баланду ещё много лет учли все побеги. Спасибо генералу Зеленому — он был так потрясен и расстроен («Алиев ведь зарплату больше года на всю бригаду получал и ни копейки не присвоил»), что просил тройку не прибавлять новый срок…

Сталинскую амнистию Алиев встретил в крытой тюрьме Благовещенска. Под неё он не подпадал — злостный рецидивист. Впервые ощутил Толя подлинное отчаяние — такое, хоть в петлю полезай! И впервые сделал то, что дал себе слово не делать никогда, — покалечил себя. Проглотил кусок карбида, сжег желудок. В амнистии был потаенный пункт — он его хорошо запомнил: хронические больные отпускаются на волю…

АСФАЛЬТОВЫЙ КОРОЛЬ

Прощаясь с Алиевым, сокамерники предложили ему стать вором в законе. О его справедливости легенды ходили. Предложение почетное. Но он отказался. Все же хотелось иметь свое дело. А разве позволено вору в законе трудиться? «Авторитетом» же он останется, это точно, авторитет у него никто не отнимет.

Он вернулся в Москву и начал с малого. Обошел продовольственные магазины и определил, в чем дефицит. Особенно не хватало в столичных гастрономах шоколада. Несколько недель провел в Ленинской библиотеке, изучал рецептуру. Затем отыскал заброшенный подвал, закупил шоколадную эссенцию, фольгу, а под пресс приспособил автомобильный домкрат. За «смену» удавалось «отлить» до полутора тысяч шоколадных медалей — помните, были такие с изображением Петра I, павильонов ВДНХ, Дня Победы… В магазинах товар принимали охотно — думали с местной фабрики: шоколад был высшего качества…

Но состояние на медальках не сделаешь. Чего ещё всегда в России не хватало, так это дорог. Анатолий Александрович, детально изучив советское законодательство, нашел зацепку, позволившую ему в скором времени открыть первый в Союзе дорожно-строительный кооператив. Тогда начиналось освоение Нечерноземья, и асфальтовые микрозаводы, которые он впервые решил внедрить, быстро нашли признание по всей стране. Алиев купил в Москве квартиру на Кировской.1

На него уже работали многочисленные бригады укладчиков асфальта в десятках областей. Но выгодный бизнес лопнул. Была в СССР такая зловещая организация, которую боялись как огня

все маломальские предприниматели, её появление всегда как удар обухом по голове, — ОБХСС называлась. Доходы Тосика её волновали давно. Вообще в разгар социализма постыдно было быть богатым. Однако документы «мафиози» оказались в полном порядки. Тогда мудрецы из органов обвинили его в покупке «Волги» в обход магазина и пригрозили новым сроком. Такого для себя он больше не захотел. И решил отказаться от выгодного процветающего дела. Опять все с начала?

Единственная радость, которая оставалась в жизни, — жена Люся. Они поженились после его выхода из тюрьмы, в городе юности — Тбилиси, уже во времена хрущевской оттепели. Мама Люси была в ужасе, отговаривала дочку до самого дня свадьбы. «За вора замуж идешь. Да он тебя старше в два раза!» Это же надо такому случиться — Люсиной мама была та самая строгая пионервожатая, которая четверть века назад снимала юному карманнику красный галстук…

ЦЕХОВИК-СТАХАНОВЕЦ

Алиев решил уйти в подполье. Прямо на квартире — благо большая бывший «асфальтовый король» оборудовал сразу два цеха: парфюмерный и пошивочный. В одной комнате стрекотала дробильная машина. Шло изготовление из фольги модного в ту пору «крема-блесток» от «Диора». (В 70-е на всех углах, в аэропортах и подземных переходах слышался этот призывный цыганский возглас: «Блестки, блестки!» Женщины с ума сходили от новомодной «французской» выдумки.) Тосик привлек к выгодному делу профессиональных парфюмеров, ездил даже советоваться в Прибалтику, на лучшую тогда в Союзе фирму «Дзинтарс», к «нюхачам» — консультантам по запахам. В итоге алиевские блестки даже превзошли диоровские — пахли так же, а держались дольше…

Другой цех приступил к изготовлению джинсов. Тоже беспроигрышное дело. Стены комнаты Алиев задрапировал коврами — чтобы соседи не слышали шума многочисленных швейных машинок. Почти десятилетие «Пума» и «Райфл» с Мясницкой успешно завоевывали отечественный рынок. Потом появились теплые куртки-«аляски», о которых так мечтали зеки на Колыме.

С этих первых двух маленьких опытов и началось в стране «движение цеховиков». Ученики вскоре обскакали своего патрона, сколотили состояние и подались на Запад. Анатолий Александрович с женой решили никуда не трогаться — во-первых,

возраст уже не тот, поздно; во-вторых, кто-то же должен учить новое поколение сожительствовать с советской действительностью.

В начале 90-х, будучи уже пожилым человеком, Алиев, наконец, осуществил мечту жизни — открыл настоящее легальное собственное дело фабрику по пошиву рабочей одежды. Но отчизна, уже вроде и не социалистическая, снова показала ему свои зубы. Налоги были так непомерны, что он вскоре разорился. На арену выходили молодые львы, им предстояло завоевывать этот мир, и они с радостью врывались в него, за считанные месяцы совершая то, на что у него ушла вся жизнь…

СЛЕПЫЕ ЛОШАДИ

Спрашиваю у Тосика, как он чувствует себя сегодня — в эпоху рыночных реформ, когда все его идеи и начинания стали реальностью, когда больше не сажают за хранение валюты, за частную торговлю, за предпринимательство, а, напротив, некоторых приглашают и в президентский лайнер.

— Было это в Западной Грузии, — вместо ответа сказал старик, — в городке Кибули сразу после войны, я тогда сопровождал товарные вагоны. Однажды мы остановились у маленькой угольной шахты, которая обеспечивала топливом проходящие составы. Вагонетки в шахте тащили лошади. Они работали в подземелье месяцами, там же в темноте и кормились. Но раз в год руководство шахты устраивало им праздник — лошадей поднимали на волю. Отвыкшие от света, они слепли. Как выводили их наружу — помню до сих пор. Лошади кувыркались, ржали, радовались солнышку, которое им уже не суждено было увидеть, носились по загону, и, казалось, благодарили неизвестно за что своих мучителей…

Вот и я ощущаю себя сегодня старой лошадью из штольни — обманутой, слепой, беззубой, бесполезной…

ПОДАРОК ФРОНТУ

Не так, не так размышлял ты, Тосик, в конце 43-го года, когда война вовсю гуляла по России, а ты писал заявление с просьбой отправить на фронт, в штрафной батальон. В просьбе отказали, больно уж ловок был молодой зек, боялись, что снова уйдет в побег.

Тогда многие люди, он читал в газетах, несли последние

сбережения, чтобы помочь Красной Армии. Даже священники отдавали церковную утварь в переплавку. И родственники Ленина, «Правда» писала, тоже передали фронту что-то из ценностей. Если бы Алиев узнал, что именно, он схватился бы за голову. (Историю золотой медали Володи Ульянова я рассказал в предыдущей главе.)

Тосик тоже решил сделать подарок фронту, устроил в лагере карточный турнир. Ставка — только что выданные новые валенки. Он обыграл, «обул», то есть разул всю зону, а валенки через дружков на воле сбыл в городе.

Представляю себе лицо начальника лагеря, когда Алиев вошел в кабинет и бухнул перед ним мешок со ста тысячами. К мешку прилеплен тетрадный листок в косую линейку, химическим карандашом выведено: «От заключенного Алиева, на танк Т-34. Бей фрицев!»

ЧТОБЫ «ЧЛЕНОВОЗ» БЫЛ ЧИСТ

Ну и плащ у Толи Тищенко, чудо-плащ! Широкоплечий, не мнущийся, Делон, наверное, по Парижу в таком дефилирует. Материя шелковистая, но прочная, с жемчужным отливом. Даже лысеющий с брюшком гражданин почувствует себя в подобном одеянии ещё хоть куда…

Мы спускались по трапу в Белгородском аэропорту, куда прибыли весной 1996 года освещать очередной предвыборный визит, и я с затаенной завистью глядел на то, как Толя, ветеран ТАССа, важно нес себя впереди разномастной толпы журналистов. Никто из коллег не умел так прочувствованно, как Тищенко, слушать президента, трепетно, с детской непосредственностью заглядывать в глаза, постоянно привлекать к себе высокое внимание. Потому-то кремлевские летописцы, завидев приближение кортежа, всегда выставляли Тищенко вперед (как террористы заложника) — и Ельцин, словно по рефлексу, послушно и точно шел на блеск Толиных очков, на неизменно добрую улыбку…

Визит не предвещал ничего особенного. Партхозактив в совхозе неподалеку от города, посещение свинофермы, общение с населением. Потом обед для журналистов — и назад в самолет.

Обед был хорош: Белгород славится мясными вытребеньками. Потом подали горячее — куриные потроха. Горделиво возвышались над скатертью-самобранкой разноцветные бутылки с очищенной. Желающим приветливые официантки уложили «в дорожку» по увесистому кульку всякой всячины. Наконец,

разморенные журналисты, зевая, потащились к автобусу.

В аэропорту однако выяснилось, что «передовой самолет», доставивший их в Белгород, неожиданно улетел обратно — видимо, кто-то из областного руководства решил прогуляться в столицу. И мест для президентской прессы не нашлось. Журналистов подло бросили. Часа два, матерясь, слонялись по летному полю. Поднялся в небо Ельцин, снялся резервный борт, затем ещё и еще. Форс пишущей братии быстро улетучивался. Наконец, показались охранники из свиты Ельцина. Кивнув в нашу сторону, один из них устало произнес:

— Куда колдырей девать будем? (Так на кремлевском наречии охрана за глаза зовет журналистов.)

— Может, в 76-й?

— Гони.

Так всем гуртом оказались мы в военном самолете. Трапа не было. Рискуя переломать кости, кое-как забрались внутрь по тонкой металлической лесенке. Все обширное брюхо Ила заполняли президентские лимузины. Жара, ни черта не видно, пахнет соляркой. Кое-как привыкнув к темноте, обнаружили, что посадочные места в привычном понимании отсутствуют. Лишь узкие скамеечки, где парашютисты дожидаются прыжка. Взревели моторы, а вместе с ними и наши головы. В военных самолетах звукоизоляции нет. Водители, сопровождавшие венценосные автомобили, глядя на нас, захихикали: «Привыкли, понимаешь, в мягких креслах животы отращивать…» Выяснилось еще, что нет туалета. В хвосте имелось, правда, зловонное ведро. А с нами девушки, молоденькие журналистки…

До Москвы оставалось не более получаса. Проклятый самолет раскалился как электроплитка. Теплоизоляция, видно, ему тоже была чужда. Разделись чуть не до белья. Толя снял свой замечательный плащ и аккуратно положил на полированную крышу ЗИЛа. Я все, по наивности, недоумевал, почему давешние охранники забрались внутрь прохладных кожаных лимузинов, а девушкам места не предложили?

Когда наша «летающая параша» приземлилась и открылся люк, мы обнаружили, что с ног до головы в темноте перемазались соляркой. Даже галстуки в коричневых пятнах. И тут ещё этот страшный Толин крик:

— Ты что делаешь, гад? Скотина! Убью!

Не обращая на него внимания, подвыпивший президентский водила тщательно лакировал бока членовоза Толиным плащом.

— Я думал — это тряпка, — сказал он, невозмутимо продолжая свое дело. — Че сердишься?

Последним подарком ничего не предвещавшей рабочей

поездки стал аэропорт. Оказалось, приземлились не во Внуково-2, где ждал автобус, а в Жуковском. Ночь. Машин нет. Значит, куковать здесь до утра.

Тоскливо оглядев нас, Толя Тищенко вздохнул:

— Пошли в буфет, продажная пресса, запьем солярку, очистимся. Бог не фраер. За гордыню покарал…

КРЕМЛЕВСКИЙ «ПЕТРУШКА»

…У-а-а! У-а-а! Завыл, загудел протяжным басом аппарат прямой связи с президентом. Как пароход, с борта которого недавно выбросили в Енисей пресс-секретаря, моего начальника. Прощальный гудок… Колеблясь, снял трубку. Отрапортовал, как учили: «Дежурный по пресс-службе слушает…» «Костиков где?» — недовольно оборвала трубка. «Борис Николаевич, говорю, — он пошел к вам в приемную. Наверное, уже рядом…» На другом конце провода хмыкнули, дали отбой…

С этой поры президентский аппарат для Костикова замолчал навсегда. Опала…

А как все славно начиналось тогда, в 92-м году. Костиков пружинистым шагом (более пяти километров в час) то и дело отправлялся к президенту за очередной порцией указаний. Возвращался радостный, и вскоре мы садились за бесконечные справки и обзоры печати. Больше всего Ельцина, естественно, волновала собственная персона. Тон публикаций по мере его подвигов быстро менялся. Не только газета «День» (будущая «Завтра»), но и многие демократические издания, ещё вчера прославлявшие первого президента России, протерев глаза, ужаснулись. Поначалу Ельцин расстраивался, осмыслял критику на пару с очищенной. Потом привык, но журналистов невзлюбил навсегда. А заодно с ними и личных пресс-секретарей, не умеющих давать укорот борзописцам…

Однажды (было это в начале января 95-го года) Костиков вернулся из Большой приемной подавленный, долго сидел в кабинете один, не зажигая света. Мы шушукались у него в предбаннике, не зная, что и подумать. Наконец, расстроенный, он высунул голову из кабинета, сделал приглашающий жест.

— Я бы эту «Комсомолку» поджег, будь она неладна… — сказал он в сердцах, когда мы вошли внутрь.

Оказалось, моя родная газета в новогоднем номере напечатала коллаж, заставивший Ельцина наорать на Костикова. Будто он сам рисовал. Стоит Ельцин с праздничным бокалом в руке, улыбается. Присмотришься — стоит на горе человеческих трупов. 31 декабря ведь начался штурм Грозного…

Костиков позвонил главному редактору. До президента ему — в смысле вокальных данных — далеко. Но на другой день вся «Комсомолка» судачила о том, что в общем-то смирный пресс-секретарь говорил с главным, как в приснопамятные времена какой-нибудь куратор из агитпропа ЦК КПСС. Газету лишили аккредитации. Он жалел потом об этом звонке: существование

пресс-секретаря в Кремле коротко, как жизнь стрекозы. Выйдешь за Спасские ворота — кто тебя уважит, всерьез отнесется?..

С газетой «День» — вообще комедия. Спустя неделю после секретных переговоров Ельцина с Бушем, где присутствовали лишь переводчики, на первой полосе появилась полная стенограмма беседы. Только было Ельцин в очередной раз занес над Костиковым секиру («гнать нужно этого бородатого козла!»), «выручила» Служба безопасности. Выяснилось, что утечка не из пресс-службы. Секретарша отдела секретного делопроизводства, соплюшка, ксерокопировала диктофонную запись и за триста долларов продала в газету «День». Предательницу выгнали и выселили вместе с семьей за 101-й километр…

…Вспоминаю один из визитов Клинтона, совместную пресс-конференцию двух президентов. Ельцин уже прочел вступительную речь. Подошла очередь заокеанского друга. Но Клинтон вдруг обнаружил, что текста речи нет. Рассеянно улыбаясь в зал, подозвал пресс-секретаря Маккэрри. Тот шепнул что-то на ухо расстроенному Биллу, похлопал по своему раздутому портфелю, развел руками. По залу пронесся шепот, что доклад президента исчез спешка, перелет, черт его знает, куда делся. «Вечно этот раздолбай Маккэрри все теряет…» — услышал я рядом с собой реплику американского журналиста из команды Клинтона. «Ноу проблем!» — сказал президент и беззлобно погрозил пальцем пресс-секретарю. Затем пошарил в карманах брюк и извлек на свет мелко исписанный, скомканный листок бумаги. Похоже, набросок речи. Кое-как, крутя его в разные стороны — то по часовой, то против, — Клинтон все же ухитрился прочесть свои каракули до конца. Глядел я на это, смеясь, и думал: что бы сделал в такой ситуации Ельцин с Костиковым? Натурально. Дал бы команду расстрелять на кремлевском плацу — как Фанни Каплан…

Сам Костиков был начальником справным, незлобивым. Никогда, в отличие от боготворимого им Бориса Николаевича, не повышал голоса, ценил меткое слово, стильно одевался. Дружил, в отличие от многих в президентском окружении, не со «слесарем Петровым» (который «ботами качает»), а с пианистом Петровым, ходил с супругой Маришей в консерваторию, в Большой театр. На проводах в Ватикан (в ресторане Домжура Костиков раскинул для друзей щедрую скатерть-самобранку) пел дуэтом романсы с певицей-цыганкой, пил исключительно выдержанное шотландское виски. Хороший человек! И с подчиненными никогда не жадничал. Вразрез с кремлевскими традициями звал на вечеринки и нас, рядовых консультантов, — наравне с ближайшими соратниками Ельцина. На одном из дней рождения

закрыл глаза даже на то, что мы с приятелем Максимом Исаевым (имя — подлинное, хотя и не полковник) опустили на веревке во внутренний кремлевский двор початую бутылку — чтобы и замерзший солдат, дежуривший под окнами, подкрепился, выпил за наше здоровье…

Звал не только угоститься в комнату отдыха, что примыкала (в виде ложной двери книжного шкафа) к его кабинету, но и посоветоваться. Особенно в дни раздоров Ельцина с Хасбулатовым, когда Костиков, вспомнив о писательском даровании, наводнял приемную ненавистного спикера «заявлениями пресс-секретаря». По стилю и образности они напоминали творения остроумцев журнала «Крокодил» времен холодной войны или махровые передовицы газеты «Завтра«… Однажды, столкнувшись с Костиковым во Внуково-2, Руслан Имранович прилюдно пообещал набить ему морду за творческие искания. Но уже прогревались танки в Кантемировской дивизии, вскоре они ударят по Белому дому, по окнам «злого чечена» и расстроят его хулиганские намерения…

…Сюда, в уютную хлебосольную комнату, после официальных мероприятий всегда забегала «освежиться» президентская пресса, передовой отряд российской журналистики. (Все вопросы на пресс-конференциях были заранее согласованы с Ельциным. Он знал даже точную рассадку корреспондентов в первом ряду — Костиков каждый раз вычерчивал президенту каллиграфический план-схему. «Ложа продажной прессы», — шутили сами о себе журналисты.)

Здесь однажды, когда началась опала и Ельцин решил не брать его в Америку, Вячеслав Васильевич сочинил и передал мне текст — как отвечать журналистам по поводу его взаимоотношений с президентом. До сих пор у меня хранится этот беспомощный пожелтевший листок, слова человека, загнанного в угол: «Есть причины, по которым президент счел необходимым оставить своего пресс-секретаря в Москве на эти дни». Не станешь же объяснять пишущей братии, что от тебя отвернулись, покуражились, искупали в северной реке, Служба безопасности с «тонким намеком» преподнесла в день рождения потертую медаль «За заслуги перед КГБ в области литературы», что скоро вообще прощальный банкет и новый подарок Коржакова — унизительная, гадкая кукла…

Мне довелось присутствовать на этом банкете — вернее, официальных, кремлевских проводах Вячеслава Васильевича в Ватикан. В этот день секретарши сбились с ног, поочередно бегая в президентский буфет за закусками и выпивкой. Ждали больших гостей: Филатова, тогдашнего руководителя администрации,

Илюшина, неразлучных Коржакова с Барсуковым, вице-премьера Заверюху, помощников, спичрайтеров. Сдвинули столы из бериевского гарнитура, принялись откупоривать бутылки. Женщины занялись сервировкой. «Эй, девки! Толсто нарезайте, толсто!» — с улыбкой командовал Костиков, изображая доброго барина.

Наконец, начали собираться гости. Когда они увидели, что рядовые чиновники тоже здесь, возникло отчуждение, напряженное молчание. Оно растаяло, как только под стол отправились первые пустые бутылки.

И вот уже Бедный Юрик, один из наших сотрудников, о чем-то оживленно беседует с руководителем администрации и стучит ножом по рюмке — просит слова. Я чокаюсь с Коржаковым и тоже пью за здоровье бывшего начальника, «не мелкого, прошу отметить, человека». В этот момент другой сотрудник пресс-службы спьяну теснит грудью к выходу какого-то неурочного посетителя, приговаривая: «Не видишь, мужик, он занят. Куда прешь? Поворачивай оглобли!» — «Я подожду, — мирно отвечает тот. — Но меня тоже приглашали. Не узнаете? Я — вице-премьер правительства Заверюха…» А тут и раскрасневшийся Костиков, дошедший до кондиции, готов держать речь. Я эту короткую речь запомнил на всю жизнь. Будущий посол в Ватикане провозгласил тост — как бы это помягче сказать? — за мужское достоинство. Но не в аллегорическом смысле, а в прямом. За всемогущий, так сказать, корень жизни. И чтобы корень этот ни при каких обстоятельствах не гнулся, не ломался! Людмила Пихоя, спичрайтер, другие дамы принялись часто дышать…

Тост этот очень понравился Коржакову.

— Самое время вручить подарок Вячеславу Васильевичу. Пошли в заднюю комнату… — И поднял с пола солидный сверток.

Костиков кокетливо сделал всем ручкой — «сейчас вернусь!» — и вышел вслед за генералом. Через минуту вернулся — протрезвевший, расстроенный. До конца вечера больше не проронил ни слова…

Когда гости ушли, он разрешил нам полюбоваться подарком Службы безопасности.

На столе стояла фигурка францисканского монаха в длинной сутане, лысого, склонившего голову в молитве, маленькие глазки, сладкая улыбка, четки в руках, в общем-то безобидного, так и хочется сказать — карикатурно смахивающего на хозяина… Костиков слегка надавил на лысину монаха — и вдруг из-под сутаны выскочил огромного размера фаллос лилового цвета…

В своей книге Костиков придал этому событию зловещий

смысл. Якобы Служба безопасности, демонстрируя свои мужские достоинства (провидческий тост!), предостерегала его от написания честной книги о Кремле, о президенте.

Нет, Вячеслав Васильевич, не это имели в виду ваши хулители. Не боялись они ваших откровений, уверены были, что никакой крамолы не напишете. Унизить хотели. Показать, какой двуличный, лицемерный человек Костиков. Принародно сделать из вас «петрушку». Подтверждал эту версию и мой друг, Бородатый Полковник, пресс-секретарь Коржакова. Сам выбирал подарок…

И как бы в подтверждение моих мыслей, через несколько дней после банкета в московскую резиденцию папского нунция, а затем и в сам Ватикан позвонил человек из Кремля. Не офицер Службы безопасности, а один из ваших, Вячеслав Васильевич, ближайших сотрудников. Самый близкий. Руководитель пресс-службы Андрей Андреич. Когда-то он сам работал в Ватикане корреспондентом, считался специалистом по богословским вопросам, всю жизнь потом скучал по Риму. И вдруг это неожиданное назначение. Как ножом по сердцу! Лучшую половину жизни отдал изучению Ватикана, а посылают случайного человека, да ещё с подмоченной (в Енисее) репутацией. Немедленно встречаться с нунцием! Бежать к телефону, донести знакомым кардиналам, что едет к Иоанну Павлу II представлять великую страну субъект, охочий до баб, склонный к выпивке («вот обрадуются-то ватиканские попы!»), безбожник, дружит с голубыми… Хотя Папа их вроде реабилитировал. Даже жениться друг на дружке позволил… Что бы ещё придумать? Вот что. Неуважение это к папскому престолу, плевок президентской команды. Необходима достойная замена. Чем я не замена? И Андрей Андреич набрал номер…

Как в Ватикане восприняли информацию из Москвы, представить нетрудно. Наверное, кардиналы в лиловых сутанах бегали с новостями к Папе, заламывали руки, со страхом крестились: на кой черт нам — прости Господи! — такое счастье, вечные муки с этой сумасшедшей страной… Во всяком случае агреман (дипломатические полномочия) Костикову не давали на удивление долго. Похоже, подействовал звонок…

До прихода в Кремль Вячеслав Васильевич выступал в «Огоньке». Рассказывал о незаслуженно забытых русских писателях, сам сочинял книжки. Вот и нужно было продолжать. Лучше быть маленьким творцом, чем известным на всю округу персонажем из города Глупова, что высится на Красной площади…

…Но если Костиков лишь отдаленно напоминал фигурку монаха, то Андрей Андреич был вылитым иезуитом, причем времен расцвета инквизиции. Вот кому пришлись бы впору сутана, широкий капюшон — чтоб выглядывал наружу горбатый нос и угадывался узкий, как лезвие, рот в смиренной улыбке. Его и вправду нужно было в Ватикан. Встретили бы как родного! А Костикову дипломатические лавры счастья не принесли. Из ватиканского далёка президентский полпред вдруг дает интервью Российскому телевидению, где заявляет, что никакой Ельцин не демократ, а, скорее, самодержец. Стоило ли уезжать за тридевять земель, чтобы разразиться сим откровением?.. Ельцин рассвирепел и, к радости папского окружения, призвал вольнодумца домой…

Но это было потом. Вначале Костиков и Андрей Андреич были неразлучны.

Однажды пресс-секретарь ухитрился пробить на самом верху разрешение взять с собой близкого друга на борт президентского лайнера. Перелет был долгим, приятелям взгрустнулось, решили немножко поднять настроение. Уговорив бутылочку, по русскому обычаю запели в два голоса, тихо так, для собственного удовольствия. Тонус улучшился, а с ним окрепли и голоса чиновников. От президентской половины их отделяла лишь тонкая дверь. Когда затянули уже в полный голос: «И Ленин такой молодой…» — в дверях вырос заспанный Ельцин.

— Певуны, вашу мать! Вон отсюда! А это кто? — И указал на Андрея Андрича. — Почему посторонние в президентском самолете? Позвать сюда Коржакова…

Ельцин терпеть не мог коммунистические песни, давно простился с ними (в окружении об этом знали, а Костиков, видно, забыл) и справедливо посчитал, что над ним издеваются. Пресс-секретарь получил в очередной раз по шее. А.А., Старый Иезуит, навсегда лишился с таким трудом завоеванного места в президентском салоне…

* * *

Не расставались и в Кремле. Шушукались часами в кабинете, придумывали пресс-службе все новые и новые функции — утренние обзоры, вечерние, недельные итоговые справки, обзоры зарубежных агентств, российских. Президентские речи, поздравления, проекты документов. Ни минуты простоя. Делили

зарубежные поездки (на подготовку официальных визитов) — самая вожделенная привилегия в Кремле! Естественно, все лучшее А.А. норовил забрать себе. (Костиков не в счет, он по должности всегда рядом с президентом.) Подчиненные же оставались на подхвате, дожидаясь подачек с барского стола. Скупой, надо сказать, стол. Потому что главной задачей Старого Иезуита в Кремле было хитро подгадать, чтобы многочисленные в те годы командировки за рубеж не пересекались, не совпадали во времени. (Однажды не смог вовремя перебраться из Парижа в Токио, не было подходящего рейса. Дошло до сердечного приступа.) И чтобы ни одна не уплывала из рук. Трудная задача. Но выполнимая. Иллюминация в кабинете с видом на Красную площадь не гасла по позднего вечера. Старый Иезуит, улыбаясь, раскладывал пасьянс из мировых столиц. Он всегда складывался, этот беспроигрышный, радостный пасьянс!

Вечнозеленый волшебный Корфу сменялся шумным Нью-Йорком, Париж Лондоном, затем в окне лайнера то мелькали приветливые огни бескрайнего Берлина, то проплывали величественные бурые скалы и высокогорные лыжные трассы Ванкувера… Дольче вита!

Но подготовительные поездки — не развлечение. К приезду журналистов много чего нужно сделать. Договориться с посольством о визах. Выбрать гостиницу поближе к месту переговоров. Проехаться по всем точкам, где намечено общение с прессой. Организовать пресс-центр, нужное количество телефонов, пулы (специальные разноцветные карточки, пропуска на мероприятия). А.А., как большой начальник, больше занимался представительством, чем черной работой. Не барское это дело… Поэтому часто возникали накладки: фотографу выдавали пул на пресс-конференцию, а пишущему журналисту, наоборот, оставляли место, выгодное для телекамеры, какой-нибудь красивый вид, на фоне которого главы государств приветствуют друг друга и молчат как рыбы. Или фамилии прибывших журналистов не совпадали с заранее подготовленными списками — значит, охрана никуда не пустит. Или не хватало мест в автобусе… и т. д.

Но это мелочи. Главное, уютный кабинет в Кремле, молоденькая секретарша хлопочет по хозяйству, надраенная «Волга» с сиреной — у подъезда. И вежливый шофер сияет приветливой улыбкой, готов везти хоть в Шереметьево, хоть к черту в подкладку…

* * *

Намечался очередной визит, на этот раз в Италию. Андрей Андреич уже паковал чемоданы, почти не вмешиваясь в жизнь пресс-службы. Заказывал билеты, дожидался, пока протокольщики доставят из МИДа паспорт с визой. Единственное неудобство — Костиков попросил перед вылетом проследить, чтобы намеченная на завтра встреча с демократическими лидерами во главе с Гайдаром (Ельцин почему-то придавал ей большое значение) прошла без конфузов, чтобы списки на проход в Кремль передали по факсу вовремя, журналисты — балбесы — не опаздывали. «Подключи охрану, — напутствовал Костиков Старого Иезуита. — Борис Николаевич хочет, чтоб было много прессы, осветили все по-доброму. Это, мол, личная просьба, объяснил он мне в конце разговора. Не подведи…»

* * *

…Здесь хочу ненадолго прерваться и рассказать историю грибочка историю обыкновенного маринованного опенка, произошедшую много лет назад в «Комсомольской правде».

Работал когда-то в отделе иллюстраций фотограф Паша, талантливый немолодой пьющий человек. Жена, долго терпев нищету и запах перегара, выгнала его из дома. Идти Паше было некуда, и он поселился в «Комсомолке» (благо главным был не Селезнев, бескомпромиссный борец с алкоголизмом, а другой редактор), бросил вещи — штаны и смену белья — в одну из кабинок для проявки пленок. Ребята его подкармливали — кто бутербродом поделится, кто супчику из буфета принесет. По утрам дежурная по этажу, добродушная пожилая Валька, тащила ему в постель крепкий чай с домашним печеньем, свежее полотенце. Стирала бельишко в умывальне. По выходным из недр её просторного сатинового халата появлялась на свет долгожданная чекушка. Бросив ответственный пост, Валька бегала напротив, в гастроном. Впрочем, в «Комсомолке» чужая беда никого не оставляла равнодушным. Горемычного Пашу все любили. Руководство закрывало глаза даже на то, что, проснувшись, он шастал в туалет в одних семейных трусах…

Когда Пашина супруга все же сжалилась и призвала мужа в семью, вся редакция собралась отметить это событие.

Накрыли нехитрый стол: «отдельная» по два двадцать, хлеб, селедка, лук. Валька в своем закуте сварила на электроплитке десяток картошек. Стажера Митю послали за водкой, по пол-литра на брата. На закуску, в основном дамам, в буфете редколлегии купили полкило сахарных конфет. Чья-то щедрая

рука выставила на середину стола деликатес — маринованные опята…

Ближе к одиннадцати гости стали расходиться. Паша на пару с Валькой слили прямо в ванночку для промывки фотографий остатки еды, вымыли посуду. И фотограф (в этот день он почти не прикасался к спиртному), закрыв кабинет, поспешил к метро.

Трагедия случилась в полночь. Но не с Пашей — он уже нежился в семейной постели. И не с Валькой, которая, наоборот, долго не могла уснуть — скучала по своему любимцу, ведь ни мужа, ни детей Бог ей не дал. Беда пришла на нижний, пятый этаж, где квартировала газета «Социалистическая индустрия», в просторечии — «Соцдуська».

Аккурат под отделом иллюстраций располагался кабинет главного редактора. В момент подписания номера потолок в кабинете набух, затем прямо на редакторский стол посыпались крупные капли. И вскоре настоящий ливень забарабанил по свежим оттискам завтрашней газеты. Редактор с криком: «Комса! Алкаши проклятые!» — выбежал в коридор. Очень своевременно. Потому что в этот момент с потолка сорвалась тяжелая старинная бронзовая люстра, похоронив под собой и начальственный стол, и телевизор, и тумбочку с телефонами.

Собрав малочисленные остатки своей гвардии (ночь на дворе), редактор, вооружившись зонтиком-тростью, повел её на штурм ненавистной газеты. В «Комсомолке» темно, ни одной живой души. Разбуженная напуганная Валька, матерясь вполголоса, долго не могла найти ключи. Наконец, ворвались в отдел иллюстраций. Майн Рид сказал бы: «Величественная Ниагара открылась взору утомленных путников…»

Когда включили свет, все прояснилось. Паша перед уходом забыл выключить воду в промывочной. (Это ещё полбеды — фотографы часто оставляли на ночь небольшую струйку, если днем не успевали прополоскать свою продукцию. И никогда потопов не было.) Дрожащей рукой редактор «Соцдуськи» выудил со дна давешний маринованный опенок, который по диаметру точно совпал с углублением в раковине, плотно прижался к нему и устроил запруду…

Неустойка, которую выставила «Индустрия», равнялась примерно трем годовым окладам Паши. На этот раз жена не вынесла и подала на развод. А привыкшая ко всему сердобольная «Комсомолка», вдоволь посмеявшись, решила выкупить долг своего непутевого блудного сына…

* * *

Зачем я все это рассказываю?

Мелочи играют в нашей жизни подчас решающую роль. Кремль — не исключение. Вот уже несколько дней находясь душой на ностальгическом Апеннинском полуострове (как фотограф Паша — в семейном кругу), Старый Иезуит то ли забыл, то ли проигнорировал задание Костикова. Сейчас уж не дознаешься. Просто упустил одну мелочь — выдвинуть из факса поддончик, куда ложатся прибывшие сообщения. Если не выдвигать — они, как опавшие листья, устремляются на пол, под стол. Поди потом сыщи!

Костиков не любил два раза повторять задание. Пришел за час до начала мероприятия, попил чайку с лимоном, поправил карденовский галстук. И вот, поскрипывая лаковыми штиблетами, он уже шагает по коридору в сторону президентской половины, уверенный, что все в его хозяйстве ладно — телеги подмазаны, скотина накормлена, зимой с мясом будем — и нос в табаке…

Пресса, по установленному в Кремле распорядку, должна являться за полчаса до начала мероприятия. Но она не пришла ни за полчаса, ни за десять минут, ни к началу. Уже походкой Винни-Пуха пронес себя в президентский кабинет Гайдар, расселись вокруг стола другие видные демократы. Но журналисты не обнаружились и после того, как Ельцин прочел вступление. Отложив бумаги, президент недовольно засопел, поманил пальцем Костикова.

— Вячеслав Васильевич! Где пресса? Я же просил. Объяснитесь позже…

Как ледяной водой окатил.

Вернувшись в кабинет, Костиков, еле сдерживаясь, потребовал к себе Старого Иезуита. Поняв, в какую ситуацию попал, тот развел руками и, как подобает инквизитору, не долго думая обвинил во всем нас, недоделанных консультантов, бездельников — не озаботились, понимаешь, ответственным поручением, не напомнили, сидели сложа руки. Но руководитель пресс-службы как раз очень не любил, когда ему что-то напоминали. «Я никогда ничего не забываю, — любил повторять он нам. — Любой из вас моей памяти позавидует…»

Костиков слушал с неодобрением и недоверием.1 Поняв, что ничего от друга не добьется, по очереди пригласил каждого из нас. Не желая брать на душу чужой и такой опасный грех (немедленно уволят), мы кое-как объяснили произошедшее. Все очень просто, сказали мы. Андрей Андреич, получив из службы аккредитации факс со списком журналистов, должен был его завизировать (без сигнатуры руководителя пресс-службы бумага

недействительна) и отправить в службу охраны. Та, в свою очередь, передавала список на пост у Спасских ворот. Дальше — проверка документов, досмотр аппаратуры. Все. Можно двигаться в покои президента.

Но поддончик от факса (как незабвенный опенок) сыграл свою роковую роль. Он спокойно дремал в чреве факсимильного аппарата вместо того, чтобы гордо торчать и быть готовым к приему важного сообщения. Списки пришли вовремя, упали под стол и тоже свернулись калачиком. А Старый Иезуит в водовороте итальянских проблем решил, что раз стол пуст, никто не беспокоит, не несет бумаги на подпись — значит, все само собой сладилось. И телефоны все утро молчат… А охране вообще «до фени» — президентское там мероприятие или ещё какое. Нет списков — нет журналистов. Проход закрыт.

Не успели секретарши отпоить Костикова сердечными каплями, в приемную ворвались разгневанные корреспонденты, два часа впустую клявшие ни в чем не повинную охрану. Он вялой рукой махнул в сторону кабинета Старого Иезуита. Но тот уже катил в аэропорт, раздумывая, какой на этот раз букет привезти супруге из-за границы. Это старинную традицию, заведенную ещё в годы работы в Ватикане, он никогда не нарушал…

СТРАНА, ГДЕ ПРАВИТ ДЫРОКОЛ

МЕШОК ДЕНЕГ

…Так и мне узнать случилось, что за птица президентский лайнер. Андрей Андреич, любимый руководитель, одарил с барского плеча поездкой в далекий канадский Ванкувер — на так называемый «облет» или «предподготовку». Это когда несколько высокопоставленных кремлевских особ садятся в «резервный» Ил-62 (копию ельцинского) и вчерне отрабатывают будущий официальный визит. Следом снаряжается полномасштабный подготовительный десант — дней на десять. (Его-то и оставил для себя Старый Иезуит.) А мы, важные персоны, летим всего на полдня — заключить что-то вроде договора о намерениях.

В Ванкувере вскоре должна состояться встреча глав развитых стран. «Всюду, понимаешь, верховодит Семерка. Непорядок…» — размышлял новый кремлевский мечтатель. Ему страстно хотелось, чтобы колесо мировой истории, споткнувшись о Россию, непременно превратилось в Большую Восьмерку. Так в недалеком будущем, к ужасу Запада, и случилось. Нас всюду приняли — и в Парижский, и в Лондонский клубы. И что же?«…А то письмо, в котором деньги ты просила, я до сих пор ещё не получал», — говорится в старом анекдоте…

Ох, не нужно было мне туда соваться! Старый Иезуит случайных подарков не дарит. Сутки в воздухе до Ванкувера, короткие переговоры — и восвояси. Еще сутки. С ума можно сойти.

Чтобы этого не случилось, мои более искушенные коллеги — руководитель президентского протокола, зам начальника Службы безопасности, начальник штаба одноименной службы, шеф мидовского протокола — основательно подготовились к полету. «Приобщайся! — хором сказали они мне, как только лайнер убрал шасси, и налили по первой. — За отрыв от земли. Иначе скиснешь…»

Никогда раньше не приходилось общаться со столь высоким руководством. Владимир Шевченко, мой однофамилец, был когда-то всемогущим управделами ЦК ВЛКСМ, занимался дипломатической работой. Наконец, из партийного резервиста превратился в главного протокольщика генсека Горбачева. По воспоминаниям Владимира Николаевича, Раиса Максимовна со страстью Одри Хэпберн вошла в роль первой леди, решила, что ровня Тэтчер или — выше поднимай! — самой королеве

Елизавете. Стала по всему миру скупать бриллианты с кулак величиной, чтоб досягнуть до венценосной Вандербильдихи. И так преуспела, что будуар её начал походить на Грановитую палату… Охранников замучила мелкими придирками и увольняла за любое непослушание. Шевченко тоже доставалось: перед каждым выходом в свет — истерика. «Что надеть… не так сидит… засмеют… а вон у Рейганихи… мы не в Крыжополь приехали… молчать!» Михаил Сергеевич лишь кисло улыбался — потому относился к жене, как проказливому ребенку.

— Стало быть, второй тост — за нашего дорогого дедушку! — поднял бокал Шевченко, имея в виду Б.Н., спасшего его от «злой Райки» и сохранившего в той же должности. Невиданное дело для Кремля. Владимир Николаевич был единственным крупным чиновником, доставшимся Ельцину в наследство от прежнего управителя…

Но если с Шевченко президент поступил все же по-людски, то с Горбачевым совсем некрасиво получилось. Имею в виду сцену последней встречи. Через несколько дней после своей добровольной отставки Михаил Сергеевич пришел в Кремль — забрать из рабочего кабинета личные вещи. Но ему преградили путь: в самом разгаре была попойка, виски лилось рекой, Ельцин отмечал нежданную победу. Новому хозяину вовсе не хотелось видеть отца перестройки, и он дал команду вынести Горбачеву вещи в коридор. Охрана выкатила тележку с сорочками, ботинками, головными уборами, бумагами, бросила все это на пол перед ошарашенным первым президентом СССР. Забирай, мол, и уматывай. Такое прощание…

Еще летел в самолете Владимир Собкин, начальник штаба Службы безопасности, симпатичный джентльмен, единственный в кремлевской спецслужбе знаток иностранных языков. Рядом — Владимир Абрамов, зам Коржакова по выездным мероприятиям, бывший вояка, здоровый, косолапый, краснолицый, с хохляцким говорком. Добрый Собакевич! Он-то и извлек из портфеля промасленный сверток, любовно развернул его. Сало.

— Под него шибче пойдет, — объяснил Абрамов и снова налил…

«Резервный борт» внутри оказался не таким уж шикарным (кстати, на нем летал ещё Горбачев. Лишь пару лет назад Ельцину собрали Ил-96 — техника отечественная, нутро швейцарское. Говорят, летающий Гранд-отель). Была здесь, конечно, и спальня, и «зала» с обеденным столом. Остальные места для охраны и сопровождающих. Ничего особенного. Две миловидные стюардессы (обе — подруги офицеров СБП) тоже принесли закусить. Впереди был Магадан краткая стоянка и дозаправка.

Когда приземлились, полдюжины бутылок оказались пустыми…

Выйдя в аэропорт, мои спутники не долго думая купили ещё несколько пузырей местной зеленой, с «бескозыркой». Увидев это, я с трудом сглотнул. Делать как будто больше нечего, пошли назад.

— За посадку и отлет! — с новой силой зазвучали голоса.

Двигатели, однако, молчали. Через час мы начали беспокоиться. Наконец, в салон ворвался испуганный пилот.

— Аэропорт не выпускает. Не прошла платежка…

— Как не прошла? — возмутился Владимир Шевченко. — Сам проверял, деньги отправлены. Эти козлы понимают, чей самолет, кто летит?

— Сказали — без денег керосин не зальют…

— Щас они получат… — Шеф протокола уже натягивал брюки поверх спортивных штанов. — Кровью отплевываться будут!

— Погодите, Владимир Николаич… — Я попытался его остановить, поднес руку к горлу, сделав характерный жест. — Зажуйте, а то амбре — бензовоз взорвется…

— Дошутишься у меня…

Вернулся назад через час — грустный, обиженный.

— Не дают, гады, топлива. Платежка пропала, копию я не взял. Звоню мэру — ничего не могу сделать, говорит, сами сидим на голодном пайке. Поневоле вспомнишь старые времена. Не по плечу нам эта… демократия…

Помолчали.

— У нас же есть резервные, загашник, — вступил в разговор Абрамов. (Каждая кремлевская делегация, вылетающая в командировку, всегда имеет при себе необходимый денежный НЗ.)

— Так то на самый крайний случай… — отмахнулся было Шевченко.

— По-моему, друзья, он наступил… — подытожил Собкин. — Бери, Володя, мешок с капустой да ступай с миром в кассу. Знаешь, кого ты мне сейчас напоминаешь? Фронтового командира танка. Пуля прострелила бензобак, горючее вытекло. Кое-как подлатали. Ты стоишь на обочине растоптанной в пыль дороги, по которой несутся в атаку твои товарищи, и пытаешься докричаться: «Братки, керосинчику!»

Шеф президентского протокола, смахнув слезу, снова укутался (на дворе март, стальной магаданский ветерок) и потащил через все поле тяжелый мешок с деньгами…

Взлетели, как оплеванные.

— Ничего, — сказал Владимир Николаевич, — бегать по

поручениям Раисы было ещё унизительнее…

До Канады — десять часов. Ровно по количеству купленных бутылок…

РОССИЯ НИКАКАЯ

…И разглядеть-то его толком не успел, Ванкувер-городок. Только из окна высотной гостиницы. До горизонта простирался чудесный морской залив, усеянный яхтами и частными нарядными гидропланами, то взлетающими, то садящимися на водную гладь. Богатый край! Окаймлявшие залив красно-бурые горы усеяны лыжными трассами, слабо мерцают огоньки высокогорных селений, девственные ели макушками упираются в небо. И вправду — похоже на Россию, на нашу Камчатку, только природа масштабнее, теплее, чище, изящно вписываются в городской ландшафт островки хвойного леса, не видать чадящих труб.

Глотком кислорода после дымной московской жизни оказалась для меня возможность на несколько часов войти в этот мир лесных полян и хрустальных отелей, скалистых нагромождений и мраморных мостовых.

После официальных встреч разрешили сходить в короткую увольнительную. Попутчики мои остались в гостинице — ещё не все сало было съедено, водка не допита. К тому же примелькались им эти западные прелести, дома оно лучше… Куда идти? Только расстраиваться — больно хорош этот неузнанный город, мираж кремлевской пустыни. Будто вытащили тебя на волю из одесских катакомб… Дошел до угла, заглянул в паб. Светловолосая красавица официантка налила кружку пива, сочувственно улыбнулась — видно, наружность у меня была не очень радостная.

— Problems?

Как ей объяснишь? Через двадцать минут в аэропорт, на обратном пути Петропавловск-Камчатский, где мои спутники снова решили пополнить запасы «горючего». Затем последние, самые трудные, десять часов.

…И вот летит над пустынным отечеством, над полнощными лесами и горами, похрапывая и почесываясь, наполняя сонное пространство лайнера запахом прогорклого сала и дрянной водки, несется в кромешной тьме над ослепшими, как во время войны, городами — скорее, скорее в казенную кремлевскую нору! — новая поросль, ельцинские соколы, Россия Молодая. Нет, Россия Никакая. Ибо с похмелья ничего путного не сделаешь. А

похмелье каждый Божий день. Деньки проносятся, дела стоят на месте. Да и не успеть уже, всюду опоздали, профукали жизнь. Вот так, дорогой наш Дедушка, живи сто лет!

ПО ТРУПАМ К «ВЕРТУШКЕ»

— У кого нет карточек? Покажите результат…

Сегодня голос председателя российского парламента Селезнева знаком каждому. А когда-то он раздавался под более скромными сводами, в газете «Комсомольская правда», но так же бескомпромиссно, властно, иногда грубо.

С неугодными Геннадий Николаевич не церемонился. Вслед за молодым, ещё докремлевским Юмашевым из газеты был изгнан Павел Гутионтов, известный журналист, редакционный мудрец, один из нынешних руководителей Союза журналистов страны.

На дворе стояли черные дни борьбы с пьянством. Участники рейдов трезвости на манер бериевских особистов вламывались по ночам в общежития, поднимали с постелей, вязали подвыпивших студентов и работяг. Газета пестрела заметками о том, как пели и плясали безалкогольные свадьбы. Бедные мы люди, за что ни возьмемся — не вытанцовывается достойное решение… Историю одного перегиба, несмотря на возражения Селезнева, мне все же удалось опубликовать. Статья называлась «В чистом городе». Очень уж грустны были факты — редколлегия поддержала.

…В карельском городе Костомукша, недавно построенном финнами уютном и ухоженном, на местном горно-обогатительном комбинате двое приятелей решили отметить уход в отпуск рюмкой коньяка. В момент «распития» в общежитие, где они квартировали, нагрянули дружинники. Видно, кто-то стукнул. Один из друзей сумел убежать, другого доставили в отделение милиции, составили протокол и письмо на работу. На комбинате отреагировали оперативно. Местные комсомольцы провели совещание, носившее характер конкурса, и остановились на идее выпустить типографским способом плакат-обвинение с портретом «героя». И плакат был выпущен, о 17 пунктах, солидным тиражом. Расклеен в коридорах фабрики, во дворе, у столовой. Еще на улице — у всех автобусных остановок. Один из таких плакатов некий житель Костомукши отклеил с забора и прислал в редакцию. Он до сих пор хранится у меня дома.

«Петров Александр Васильевич, машинист насосных установок, обогатительная фабрика. Распивал спиртные напитки в общежитии, поступок обсуждался на собрании смены. Приняты

меры воздействия: лишение премии, перенос отпуска, сигнал на место работы жены, написать письмо родителям, вывесить фотографию в винно-водочном магазине, не выдавать талоны на спиртное — пожизненно, использовать в течение трех месяцев на самых грязных работах, в том числе по уборке туалетов, размножить листовки и расклеить во всех часто посещаемых местах города и фабрики, перенести очередь на получение жилья, тов. Петрову посетить службы и смены фабрики, рассказать о себе…»

Такой документ. Плод коллективного разума. (Ельцину бы предъявить после берлинского дебюта да развесить по всему Кремлю!) В Костомукше его назвали «Боевой листок». Петров воспринял листок как приговор, удостоверяющий его полный жизненный крах. Жена вскоре ушла. На улицах уже узнавали, как киноартиста. Письмо родителям он написал сам. А вот дожидаться, пока на самом деле отправят мыть туалеты, не стал — вечером проглотил две пригоршни снотворных таблеток. Ночью Александра с тяжелейшим отравлением везли в больницу — мимо сосен и валунов, по чистым, идеально ровным улицам нового города…

Селезнев тоже ввел в редакции тотальную трезвость: благоговел перед всесильной Инстанцией. Вроде бы доброе дело — забота о здоровье сотрудников. Дело, однако, было не в этом: жертвами редактора всегда становились его критики, к тому же не умеющие постоять за себя люди. Как карельский машинист насосных установок. Любимчики же втихаря (а наиболее наглые — открыто) дули водку, посмеиваясь над недотепами…

В самый разгар антиалкогольной кампании, летом 86-го года, по редакции ходила легенда об одном из приближенных сотрудников главного. Однажды, крепко поддав на работе, он позвонил Селезневу домой.

— Геннадий Николаевич! Я пьяный напился…

— Ну и что, Сашенька? Не расстраивайся, иди спать.

— А я на дежурстве напился!

— До приемной сможешь добраться? Бери машину, езжай домой. Скажи, я распорядился… А хочешь, ложись в кабинете…

С Пашей Гутионтовым, которого мы упоминали в самом начале, вышло иначе. Он давно раздражал редактора резкими выступлениями на редколлегии, смелостью суждений, яркими публикациями, где между строк читалась нелюбовь к Системе, так уважаемой Селезневым, так много ему давшей. На одном из совещаний по текущему номеру Геннадий Николаевич учуял запах спиртного, исходящий от Паши. Накануне в редакции официально праздновали чей-то день рождения, пили

шампанское. Селезнев косо посмотрел на неугодного сотрудника, хмыкнул, затем вызвал кадровичку Ирину Ивановну. Велел оформить увольнение по статье. За пьянку на рабочем месте. Ирина Ивановна, сердобольная женщина, еле уговорила редактора не марать Паше трудовую книжку и вообще биографию. Пусть уходит по собственному! Селезнев, поиграв желваками, нехотя согласился…

Все к лучшему в этом лучшем из миров… В «Советской России» (старого образца), куда его с радостью приняли, Паша стремительно сделал карьеру, о какой в «Комсомолке» и мечтать не смел, — стал политобозревателем. А ныне вершит судьбы журналистики страны. Как другой «изгнанник» Селезнева Юмашев — с подельником Березовским и президентской дочкой занимается переделом этой самой страны…

* * *

Система не обидела Геннадия Николаевича. Бывший морячок (до сих пор, по-моему, не вытравил с руки татуировку морского якоря), затем слесарь одного из питерских заводов, он счастливо угодил в поле зрения ленинградского комсомола. Статный, открытое лицо, чистая биография, командирские замашки. Будущий лидер. Такие комсомолу и требуются. А что с грамматешкой плоховато — дело поправимое. С солидными рекомендациями из Смольного института — обкома комсомола — Селезнев вскоре обживал аудитории факультета журналистики.

Саша Осипов, близкий друг моего отца, в прошлом директор ленинградского отделения ТАССа, рассказывал в приватной беседе:

— Приходит как-то на журфак (кроме ЛенТАССа я подрабатывал в университете) самоуверенный молодой человек, эдакий комсомольский полубог, и говорит, что хотел бы защищать у меня диплом. Работа, которую он вскоре принес, никуда не годилась. Я вернул со словами, что, может, лучше ещё послесарить, чем бумагу переводить, и что больше «двух» поставить не могу. И тут началось! Пошли звонки декану. Новоиспеченные швондеры из обкома комсомола решили насмерть стоять за своего выдвиженца. На меня так насели (вспомни застойные времена), что вынужден был, поступившись принципами, поставить положительную отметку. Дальнейшее сам знаешь. Головокружительная карьера. Газета «Смена», затем отдел пропаганды ЦК ВЛКСМ. Когда проштрафился редактор

«Комсомолки» Ганичев, цековские мудрецы не нашли ничего лучшего, чем «бросить» Селезнева на лучшую в те годы газету…

У него и вправду обнаружился талант (похоже, единственный) оказываться в нужный момент в нужном месте да ещё под нужной рукой и так же стремительно исчезать в минуты опасности. Думаете, Селезнев коротал дни и ночи в осажденном парламенте с братьями-коммунистами? Ничего подобного. Когда тучи начали сгущаться, выхлопотал поездку в Австрию по чепуховому вопросу и благополучно отсиделся в столице вальсов.

Другой открывшийся талант — «безжалостность к врагам рейха», как писал Юлиан Семенов. Выбранная Селезневым жертва, как правило, была обречена.

…Следом за Гутионтовым пришла очередь Володи Сварцевича, одного из лучших фотокоров редакции. Но увольнял его редактор не за рюмку, а за слова, вынесенные в заголовок этих заметок. На одной из редколлегий (мы их называли — «бредколлегия» или «вредколлегия»), где Селезнев гневно выбрасывал из номера очередной Володин репортаж, как всегда острый, Сварцевич не выдержал, поднялся, весь красный от волнения, поправил очки на вспотевшем носу и, стараясь оставаться спокойным, сказал:

— Жаль мне вас, Геннадий Николаевич! Вся ваша жизнь — путь по трупам к «вертушке»… Зряшная жизнь…

Пришлось Сварцевичу начинать карьеру заново…

В конце 80-х партия поручила Селезневу новое дело — возглавить, а точнее, взнуздать ретивую «Учительскую газету». К досаде Старой площади, «Училка» будоражила общественное мнение громкими разоблачениями вместо того, чтобы писать о доброй Марьиванне и прилежном Вовочке. Прекрасного редактора, смельчака Матвеева сняли и посадили Селезнева. Вещими оказались слова Володьки Сварцевича — вскоре Матвеев от расстройства, от того, что отняли любимое дитя — взлелеянную им газету, — скоропостижно скончался…

* * *

Прошли годы, Геннадий Николаевич не изменился. То ли буку ему в детстве показали (предсмертное фото сумасшедшего Ленина, например) и обозлили на всю жизнь, то ли старые болячки (как у президента) порождают эту безжалостность. Очевидцы из «Комсомолки» вспоминают, что в моменты обострения язвы к Селезневу лучше было не соваться с делами — будь то снятый накануне материал или назначение нового

сотрудника. Затопчет.

Оказавшись во главе палаты мордов отечественного парламента, этот баловень судьбы вместо амнистии вдруг начал предлагать возрождение каторжной тюрьмы. «Хорошо бы ещё заковывать преступников в железа, в кандалы!» — настаивал спикер. Генрих Ягода выискался. Будто мало нам родимых тюрем и лагерей, не претерпевших изменений со времен ГУЛАГа! Ужасающих средневековым уродством и насилием весь мир.

Недавно начальник норвежских колоний — пожилой интеллигент в золотых очках, смахивающий на председателя Нобелевского комитета, посетил ряд исправительных учреждений в Мурманской области. Северная соседка решила оказать русским зекам гуманитарную помощь. По телевизору показывали сцену посещения одного из лагерей. Норвежец, выйдя наружу в окружении малиновых околышей, пошатнулся, побледнел и, пряча глаза, произнес в камеру примерно следующее:

— Ну вы, ребята, даете…

Селезнев, в отличие от друзей-коммунистов — сидельцев «Матросской тишины», тюрьмы не нюхал. Но возмечтал о каторге, которая, как известно, никому не заказана. Что ж, никогда не поздно переквалифицироваться. В вертухаи! Хорошего начальника колонии нынче не сыскать. А народным избранником может стать каждый. Плыви себе беззаботно (как депутат Шандыбин) узловатой корягой по течению Думы-реки да поплевывай в тихую воду…

* * *

…Думал об этом в кремлевском кабинете, глядя на стоящий передо мной аппарат правительственной связи — АТС-2, «двойку», или «вертушку».

Птица-«двойка»! Кто тебя выдумал? Какие сладкие речи проносятся по твоим подземным засекреченным проводам! Какие дела решаются!

Кто выдумал? Солженицын с Копелевым в том числе, другие зеки марфинской шарашки близ Останкино. На радость будущим Селезневым… А мне-то она зачем? Куда телефонировать? В царствие небесное? Любимой по «вертушке» в чувствах не признаешься. Счастья не выхлопочешь. Зачем я здесь? Доброго Костикова давно убрали, не с кем человеческое слово вымолвить. Бечь, бечь куда глаза глядят! Впрочем, есть у «двойки» достойное применение. Снимаю трубку, набираю номер президентского буфета. У подавальщицы Марины приветливый грудной голос:

— Вам с сыром или с ветчиной?

— И толсто нарезайте, толсто… — вслед за бывшим начальником требую я.

ГОСКОМПЕЧАЛЬ, или утро чиновника

— Тебе ещё повезло, — говорит Миша Смоленский, бывший советник Министра Книгопечатания, старый мой приятель по «Комсомолке». — Кремль. Разносолы. Похлебал бы из нашего болота…

Недавно он написал заявление об уходе. Казалось бы, теплое место, самый центр, особняк за кинотеатром «Пушкинский». Сиди советуй, какие учебники издавать для нынешних переростков (пособия «о правильном использовании цепей, прихотливости наколок»), сам в крайнем случае сочиняй. Какое издательство откажет правой руке министра? Кабинет — просторный, хоть и слегка обшарпанный, никто не сопит над ухом, не треплется часами по телефону. Министр — душа человек. Приятная наружность, благородные седины. Смахивает на доброго сказочника…

— Вот тут ты ошибаешься, — нарушает ход моих мыслей Михаил. — Скажи, с чего начинается утро в Кремле?

— Прессу изучаем, — говорю, — пишем обзоры. Кто-то просматривает телетайпные ленты, а кто и сериал успевает по телевизору. А почему ты спрашиваешь?

Михаил улыбается, молчит. Затем следует его краткая исповедь.

* * *

— Каждый новый день начинался со звонка министра. Большая честь! «Миша, — слышался в трубке похмельный голос. — Что у нас осталось?» «Ничего, — отвечаю. — Все вчера вышло.» — «Так сходи быстренько, не медли. И пропорцию соблюдай как я люблю…» Спускаюсь к палатке у входа в министерство. Покупаю дорогой джин — другого он не приемлет, холодный тоник. В кабинете смешиваю и волоку на другой этаж. (Извини, тема не нова. Всюду одно и то же. Но что делать — если правда?) Чиновники сочувственно, с пониманием смотрят вслед — серьезное дело, ежеутренняя повинность политического советника министра. Вполне квалификацию бармена можно было присвоить… А зарплата-то копеечная. Пытался как-то намекнуть, что хорошо бы специальный фонд завести, не по карману мне замашки Доброго Сказочника, как ты его отрапортовал. Молчит, насупился. День перемогся, назавтра снова схватил трубку

прямой связи. «Миша, помилосердствуй! Сил нет терпеть…»

Не успеешь обслужить министра, на пороге кабинета — личности из его окружения. Наверное, решили — раз я бывший журналист, хорошо одет, побрит, пахну дорогим парфюмом, значит, как пел покойный Галич, — непременно «генерал-иностранец». Помнишь его балладу? Как он лечился в подмосковном санатории, а местные старики и старухи, обманувшись в импозантной наружности, приняли его за Рокфеллера.«…А в палатке я купил чай и перец. «Эка денег у него, эка денег…»

Представляешь себе чиновников Госкомпечати? Это тебе не Кремль. Засаленные дореформенные пиджаки польского пошива, стиранные галстуки. Всего их у каждого служащего было по два. Один — на каждый день, иногда в качестве утирки, если на грудь вечером много принято. Другой командировочный, цветастый, который жена бережет в дальнем углу шкафа на случай загранкомандировки…

Вот где подлинная галерея Кувшинных Рыл! Придут ко мне после одиннадцати в приемную (генетическая память живуча! При советской власти к этому часу открывались винные магазины), наводнят её запахами сайры, съеденной накануне, и смотрят несытым взглядом в глубь кабинета — осталось ещё на донышке или нет? Дело в том, что мне пришлось завести гостевую емкость, чтобы ублажать эту братию, жить в согласии. Настоящая махновская бутыль, три литра «Смирновки» с приспособлением для возгонки. Изделие «Пинта-гона». Приглашаю желающих в кабинет. Смущенно подходят к «автопоилке», ласково поглаживают её. «Качайте, говорю, качайте, пользуйтесь на здоровье! Скоро новую доставят…» А где-то в таежном селе, сообщила бы в передовице районная газета, детишки в нетопленой школе ждут новых учебников. Какие учебники? Долго, милые, ждать… Так и жил несколько лет, пока не надоело. Почему раньше не ушел?

Скажу откровенно — министр обещал в будущем сделать директором крупного книгоиздательства или даже представителем в фонде Рокфеллера. Правда, сулил все это после нескольких бокалов джина. Наутро все забывалось. В «Огнях большого города» миллионер, когда напивался, тоже сулил герою Чаплина, Маленькому Бродяге, баснословные барыши. А когда просыпался, пинками выгонял на улицу…

Этого я дожидаться не стал, ушел сам. В министерстве уже работала комиссия Счетной палаты. Въедливые аудиторы, покопавшись в документации, чуть не обломали зубы, но все же пришли к выводу, что бюджетные средства во многом

использовались не по назначению, просто исчезали. Много пустых и дорогих загранкомандировок. Явное предпочтение отдавалось неизвестным книжным фирмам, подряды, а с ними и деньги уплывали на сторону. Где деньги — там и разборки с убийствами. Газеты много в те дни писали о войне издательств. Вроде тихая заводь — Госкомпечать. А какая обманчивая! Всего, впрочем, не упомнишь. Что осталось навсегда перед глазами — так это сборище тоскливых чудаков на букву «м». Поросшие ряской чиновники. Не забыть мне и свои крысиные побежки за джином. Единственное комичное воспоминание — наша с тобой командировка в Архангельск…

«ДОРОГИЕ АСТРАХАНЦЫ!»

Сегодня президент России принял в своей резиденции японского посла… за американского и имел с ним продолжительную беседу Kremlin's шутка

В северном городе поздняя ветреная весна. Приехали сюда со Смоленским в апреле 96-го готовить визит президента. Мише давно хотелось поучаствовать, руководство пресс-службы не возражало, все-таки чиновник из родственного ведомства. Начали, как обычно, составлять списки журналистов, оборудовать пресс-центр, сходили в администрацию, вручили верительные грамоты. Потом закусили свежей треской на набережной. Когда не мороженая пахнет огурчиком. В Москве такой не сыщешь. Надышались морем — аж в носу закололо от соли…

Подготовкой официальных мероприятий и работой с прессой заправлял офицер Службы безопасности президента Иван Иваныч Иванов (имя — почти подлинное), заместитель Бородатого Полковника. Очень энергичный мужчина. Высокий, лет за сорок, сухой блондин с воспаленным взглядом. Любитель красных пиджаков. Внезапно порывистый, как дурной конь. Первым делом он строго представился в областной администрации: «Главный в Кремле по северо-западу России и информационной безопасности президента». Во-вторых, подчиняется только двум близким ему людям, «очень близким, прошу заметить!» — Борису Николаевичу и Александру Васильевичу (Коржакову). И шутить с собой не позволит. Мы с Мишей прикусили языки — во, куда метнул! В-третьих, всю работу, кропотливо проделанную мной со Смоленским — длинные списки журналистов, расстановка групп по точкам — нещадно забраковал.

— Все решаю я! Ваше дело — молчать, раздавать карточки и чтоб колдыри не разбредались, как бараны… На летное поле пойдет один оператор, а не пять. Этих, разметай их камеры… — он нецензурно обозвал одну из западных телекомпаний — я вообще никуда не пущу. Чуть под ноги президенту не ложатся. Пусть жалуются в посольство. Главное, побольше заграждений, чтоб ни шагу из отстойника! Поняли? За все отвечает наша служба…

— Если ты главный по информационной безопасности, хоть и не ясно, что это такое — сказал я, — то не воюй с журналистами и сотрудниками пресс-службы. Тоже нашел диверсантов. Мы с президентом уже много лет, тысячу раз проверены. Возьмись лучше за «Советскую Россию» или газету «Завтра». Или за своими следи. У одного из охранников — фингал в пол лица, упал,

говорит, вчера ночью на лестнице. Как завтра президента будет встречать?..

— Еще слово, составлю на тебя рапорт Коржакову…

Казалось, какая-то злая энергия пожирает его изнутри. Расправившись со списками, Иван Иваныч то летел сломя голову в аэропорт, где придирчиво оглядывал, ощупывал на прочность любимые им металлические ограждения, то спешил обратно в администрацию — наводить ужас на пресс-секретаря главы областной администрации — уступчивого провинциального Владимира Зиновьевича, что напишет рапорт и на него, если будет хоть одна промашка по ходу прохождения кортежа. Зиновьич глотал валидол, мечтая о том часе, когда эта напасть закончится. Мучился бессонницей. Не спал по ночам и Иван Иваныч — вычерчивал все новые и новые схемы работы журналистов. Наутро выходил из номера бледный, но такой же решительный, подозрительный, готовый пресечь любую измену… Мы-то с Мишей уже догадались, что это ложная энергия. Так на окрестных ягодных болотах отошедшие газы — пузыри земли часто пугают сборщиков клюквы. Громко, но не опасно. Вздрагивают только новички — такие, как Зиновьич. Мы его успокоили, объяснив: тут работа для опытного психиатра, кивай, как болванчик, и молчи…

Когда приземлился президентский лайнер и Иван Иваныч поспешил доложить Коржакову обстановку, тот едва взглянул на своего «ближайшего помощника», оборвал и с удивлением спросил, почему это на летном поле так мало прессы. Пара объективов, кучка диктофонов. Зачем, мол, приезжать за неделю до визита, если работа сорвана? Разве так встречают президента? Офицер впервые на моей памяти покраснел, сбивчиво объяснил, что виноваты сами журналисты, произошла накладка, и растворился в толпе встречающих…

Мы со Смоленским должны были встречать Ельцина на местном деревообрабатывающем комбинате. К приезду высокого гостя посредине одного из цехов рабочие возвели из смолистых досок такой же высокий деревянный помост. Готовились и в загородном музее деревянного зодчества под открытым небом — подмели тропинки, испекли нарядные хлебы, несмотря на холод загодя выставили у ворот музея шеренгу нарумяненных девушек в сарафанах и кокошниках. Тут же полоскался на ветру, сушил свежую краску транспарант: «Добро пожаловать, Борис Николаевич!» (Мы с Мишей, когда увидели, переглянулись — хорошо бы другой повесить: «Добро пожаловать, Иван Иванович!») И вот час встречи наступил. Кортеж подъехал к первой точке комбинату. Рабочие замерли в ожидании

приветственной речи. Ельцин подошел к микрофону:

— Дорогие астраханцы! — начал он.

По цеху пронесся встревоженный гул. Ельцин поднял руку в успокаивающем жесте. Достал из кармана отпечатанный текст, начал читать. В конце вновь добавил несколько слов от себя:

— Дорогие астраханцы! Черная икра — национальное богатство, золото. Смелее торгуйте на иностранных рынках. Очень большой спрос за границей. Вырученные средства пойдут на социальную сферу, на развитие области…

Сзади к президенту уже подбиралась расстроенная дочка. (Заканчивалась предвыборная кампания. Будущая советница Ельцина не пропускала ни одной поездки.) Татьяна Борисовна дернула президента за рукав и, по словам очевидцев, в сердцах прошептала:

— Папа! Какая икра? Мы же в Архангельске!

— А я что сказал? — удивился Ельцин, отшатнувшись от микрофона. Что-то не так, дочка? — И как ни в чем не бывало, через минуту: Архангелогородцы! Ваш суровый северный край… и т. д.

Это был первый публичный случай, когда память изменила президенту. Неумолимо подступала немощь. Впрочем, года за три до Архангельска, в Японии, президент забыл, какое место в жизни восточного соседа занимает фигура императора.

— Такая передовая держава, — воскликнул Ельцин на пресс-конференции, — самые современные технологии, а живете по старинке. Ну не архаично ли в век компьютеров и скоростей поклоняться императору?..

У японского переводчика от сказанного запотели очки. Он не стал переводить, решив, что легче сделать себе харакири…

Сегодня провалы памяти следуют один за другим.

То на палубе атомного крейсера Ельцин потребовал, чтобы пресс-секретарь немедленно явился на борт.

— Куда этот Ястржембский запропастился? — спросил он у стоявшего рядом… Ястржембского и строго посмотрел ему в глаза.

То весной этого года вдруг поинтересовался у Нельсона Манделы, прибывшего с визитом в Москву:

— Как там у вас с Югославией? Мы внимательно следим за ситуацией…

Президент ЮАР хотел было сказать, что у него по горло собственных зулусов и банту плюс ещё двадцать партий и племен, которые изо дня в день вспарывают друг другу животы. Какое ему дело до каких-то косоваров на противоположном конце Земли? Но лишь жалко улыбнулся. Дело в том, что Ельцин незадолго до

этого принимал у себя генсека ООН, речь шла о ситуации на Балканах. Президент, видимо, решил, что Мандела — телесное продолжение Кофи Аннана, и снова вернулся к животрепещущей теме…

* * *

Потеря памяти — дело серьезное, грустно все это в конце концов. Врачи из президентского окружения утверждают, что Ельцин — вовсе не Брежнев сегодня. В смысле здоровья. Гораздо хуже. Одни упоминают болезнь Альцгеймера, другие — Паркинсона, третьи — и ту и другую вместе. А ещё шунтированное сердце, «печень сзади бежит на веревочке», как выразился некий юморист. Поясница, бедная заложница прыгуна с моста, беспокоит. Всего не перечесть. Но все же главное — угасающее сознание, этот пугающий сквозь толщу пространства — бессмысленный взгляд.

Между тем даже очень больные люди окончательно не теряют память до самого скорбного дня. Помните? Ильич поднялся со смертного одра, бросил насиженные Горки и в последний раз помчался на автомобиле в Кремль — по версиям историков, искать украденное Кобой «письмо съезду», свое партийное завещание…

Но это предположения. В случае же с действующим президентом можно смело утверждать, что личное завещание он замыслил воплотить в жизнь задолго до оглашения. Тут не помешает ни Паркинсон, ни Альцгеймер — никто (вся передовая медицина страны служит одному человека). Допустить, чтобы такое богатство уплыло из рук! «Два золотых портсигара отечественных, причитал обворованный герой Этуша в картине «Иван Васильевич меняет профессию», — два пиджака замшевых, иконы, зарубежный магнитофон. Заработанные нелегким трудом…» Отдать все это в руки примака, который захапает власть? Лишиться всех резиденций — Горок, Завидово, Шуйских Чуп? Попрощаться с конюшней о сорока стойлах?..

С конюшней этой целая история. В многочисленных командировках прошлых лет Ельцин часто получал подарки. В том числе — породистых лошадей. Я лично наблюдал, как в Нальчике (на местном стадионе шло чествование президента скачки, джигитовка) ему вывели бесценного кабардинского скакуна. На Западе, если такие презенты и случаются (большая редкость), животное приписывают к какой-нибудь профессиональной конюшне, опытный жокей работает с ним,

объезжает, воспитывает. Затем — скачки, во время которых объявляют, что в заезде принимает участие лошадь, подаренная руководителю государства. У нас смекнули на свой лад: к чему пустые хлопоты, чужой вид спорта, а вдруг придет, скотина, последней, опозорит президента, потом не оберешься. Решили: построим собственную конюшню. С всадниками нет проблем: Татьяна обожает лошадок, будет чем заняться дочке после тяжелых кремлевских будней. Внуки растут. Борька вернется из ихнего Винчестера, обученный конному делу, подружек станет катать… Так тому и быть, решила семья.

В Горки из управления делами президента потянулись грузовики с досками и кирпичом, шифером и кровельным железом. Все по государственной, ничтожной, цене. Стройка быстро превратилась в ударную. Знакомые ребята из охраны рассказывали, что Татьяна Борисовна часто наведывалась понаблюдать за ходом работ. Была строга с рабочими, придирчиво указывала на недоделки. Куда пропала её начальная стыдливость? «Есть с кого пример брать, папин характер», — ухмылялись мужики в спецовках. В сжатые сроки здание было построено — английская королева позавидовала бы такой конюшне! Сорок чистокровных (каждый в цену «мерседеса») скакунов.

И все захватят чьи-то загребущие руки… Нет, тут голова президента работает без сбоев, сознание просветляется. Как говорится, ложку мимо рта в чужой рот — не пронесу. Нет-с. Тут моя память тверда.

…А я думаю, почему склеротики или просто сумасшедшие никогда не вредят собственной персоне? Питерский псих облил кислотой не себя, а «Данаю» Рубенса. Почему зло всегда направлено на других, на нас с вами? Как получилось, что все счастливые семьи окопались на Рублево-Успенском шоссе и одинаково там счастливы, а несчастливые семьи — остальная Россия. Нет ответа…

Хорошую песню пел когда-то Буба Кикабидзе: «…поднимет детская рука мои года, мое богатство…» Жаль, не воспринял её близко к сердцу Борис Николаевич. В этой «семье», все больше напоминающей сицилийскую, иные ценности.

Поднимет, конечно. Но не детская, а уже взрослая, вполне ухватистая рука дочери Татьяны. И не года (череда пьянок и вызванных ими болезней), а нечто более материальное и полезное — конюшню или, скажем, средневековую усадьбу на Лазурном берегу Франции. Ее недавнюю покупку (цена более $13 млн.) московская и парижская пресса связывают с Ельциным.

Старинный товарищ по работе в администрации президента

недавно шепнул по секрету:

— Знаешь, в Кремле уже определились со сменщиком, то есть с преемником.

— Ну… — не поверил я. — Кто же счастливец?

— Счастливица. Итак, она звалась… сам знаешь…

И он рассказал, что все последние месяцы «семья» на полном серьезе разрабатывает модель удержания власти. В Кремле тайну не утаишь, стены прозрачные. Ни один из нынешних кандидатов в президенты её не устраивает. Особенно популярный среди москвичей Лужков. (Это правда. Некое аналитическое подразделение администрации еженедельно готовит справку, точнее сказать — донос на градоначальника. Один случайно попал мне в руки. Речь шла о поездке Лужкова в Америку. Оценивались вовсе не высказывания и подписанные соглашения, а то, что принимали его с помпой, остановился в дорогом отеле, проматывает народные денежки. Это Лужков-то! Хорошо бы, советуют кремлевские спинозы, устроить выволочку мэру в средствах массовой информации. Но ничего подобного ни одна газета, естественно, не напечатала…) Не нравятся и другие претенденты — Зюганов, Лебедь, Примаков. Поскольку ни один из них не сумеет да и не захочет обеспечивать материальную и личную безопасность Ельцина и его семьи после отставки. А бежать, как вдова Маркоса с кульком золота за пазухой, глупо, бессмысленно. Да и любят они Россию, родину свою. Особенно вокруг Барвихи. И сценарий должен быть отечественным. Нужно искусственно создать такую политическую ситуацию, чтобы возникла угроза конституционному строю. Не впервой. Затем последует перенос или отмена выборов. Роспуск Думы. Введение прямого президентского правления. И, наконец, передача власти нынешнему советнику по имиджу…

— Небылицы все это, — отмахнулся было я.

— Может быть, — хитро улыбнулся мой собеседник. — Но послушай дальше. Сколько уже было фантастики, завиральных идей. Приняли же, никуда не делись. И ещё скушаем, не сомневайся. Так вот… Иду на днях по Первому корпусу Кремля. Смотрю, прямо по курсу — вроде, Путин, председатель ФСБ. Стоит по стойке смирно, как солдат срочной службы, руки по швам. А пред ним Татьяна Борисовна. Не стесняясь снующей мимо публики, отчитывает его в полный голос — так, что слышно на весь коридор. И такой ты, и разэтакий, нечесаный, немазаный. Эта сцена времен крепостничества лучше любых слухов и разговоров убедила меня в том, что затеянное «семьей» — реальность. Дочка Ширака Клод, на которую мечтает походить наша красавица, конечно, поправляет папе Жаку галстук перед

выступлением по телевидению. Но представь себе картину, чтобы она прилюдно костерила начальника французской разведки…

Рука Москвы, рука Кремля по-прежнему простирается на необъятные просторы. Она ослабла, одряхлела, эта некогда мускулистая рука, но и сегодня влияет на ситуацию в стране и мире. Пример тому — наши телодвижения в Косово. Очередной бессмысленный Брусиловский прорыв. На большее нас не хватает.

Так что, дорогие астраханцы, то есть читатели, будем следить за развитием ситуации. И, как говорят приветливые дикторы НТВ, оставайтесь с нами! Но не переключайте канал. После этого выпуска новостей — программа «Герой дня без галстука»…

* * *

…Герой закончил выступление перед рабочими. Далее путь лежит в музей деревянного зодчества. Мы с Мишей Смоленским выехали загодя, «на опережение кортежа». Летим за сто сорок, гаишники на перекрестках, оловянные солдатики, козыряют «нашим благородиям». Когда тяжелые «зилы», прошелестев по гравию, остановились у ворот музея, мы уже были тут как тут. И пресса, распихивая друг друга локтями, теснилась в загоне — все, как учил Иван Иваныч. Девушки-встречальщицы совсем посинели от холода, как отечественные куры 1-й категории. Но с улыбками поднесли президенту заледеневший каравай. Он с трудом отколупнул корочку, макнул в соль, пососал. Твердая! Девушки побежали греться в автобус. Президент со свитой двинулись внутрь.

В одном из деревянных срубов был накрыт стол. Через полчаса Ельцин заметно повеселел. Пошел знакомиться с местными жителями. Одетые в национальные наряды, они теснились по центру музейной площади: кто играл на балалайке, кто на гармошке, пел народный хор — над ним поднимался, быстро тая в ледяном воздухе, белый пар. Рядом, на расписных деревянных качелях, примостилась девчушка лет одиннадцати — в длинном сарафане, с заплетенной косой. К ней-то, на беду, и двинулся, минуя музыкантов, Гарант Конституции.

Выскользнув из рук охраны, он вдруг по-молодецки запрыгнул на качели — на противоположную от девочки сторону — и с силой начал их раскачивать. Все раскрыли рты, но снимать президента было поздно. Качели поднимались уже высоко, не подступиться, по лбу заедет. К тому же работали телекамеры, вспыхивали блицы фотокамер. Поздно, прохлопали. Коржаков и парни из личной охраны стали на изготовку — ловить весельчака,

если сорвется и полетит вниз. Но он-то как раз держался крепко. А вот руки девочки становились все слабее и слабее…

Никогда не забыть мне её лица. Белое личико и дикая улыбка. Восторг и ужас в расширившихся лазоревых глазах. На грани неминуемого падения она, наверное, думала не о родителях, а о подружках из класса, которым, если останется жива, расскажет о своем невиданном приключении. Не понимая, что происходит, она прощала президенту его выходку, думая о том, что не может же этот седой высокий дедушка, которого она каждый день видит по телевизору, причинить ей зло. Значит, ему так нужно, значит, я ещё немножко потерплю. Только совсем немножко, руки очень устали…

Видно, у Ельцина случился очередной провал памяти и он забыл, что перед ним подросток, а не амбал из Службы безопасности. Когда качели вознеслись совсем уж на недосягаемую высоту, в самый последний момент охрана все же ухитрилась, как следует покалечившись, остановить проклятый аттракцион. Еще секунду — и девочка в сарафане, как яркая китайская петарда, взлетела бы на воздух, и в России стало бы одним ребенком-инвалидом больше…

МИУССКОЕ КЛАДБИЩЕ

Низкая душа, выйдя из-под гнета,
сама гнетет.

Ф.М. Достоевский.

Село Степанчиково и его обитатели

Прямо за Спасскими воротами, в нескольких метрах от поста охраны, на ухоженной лужайке стоит древний раскидистый дуб. Кремль — ветреное место, возвышенность. Умиротворяющий, вечный шум листвы встречает каждого, кто, минуя ворота, направляется в резиденцию президента. Люблю этот шум, люблю запах дубового листа — грустный запах, тревожный, терпкий и горький. Как первая несчастная любовь, как потеря близкого человека.

Двадцать дней назад умер мой отец. Кое-как нацепив галстук, плетусь на службу. Жизнь идет своим чередом, нужно как-то взять себя в руки. Бумажная работа на время отвлекает от тяжких мыслей, не так стучит в висках. «Глупое сердце, не бейся!» И ещё эта невиданная даже для июля тропическая жара, солнце в туманной дрожащей дымке…

Позади президентские выборы, в администрации очередная смена руководства. Уже примериваются к руководящим кабинетам люди Чубайса. Неразлучная пара — Юмашев с Дьяченко — то и дело мелькают в кремлевских коридорах. Оглядывают опустевшие просторы. Не скрывая торжества, разговаривают в полный голос. Хозява! Со дня на день и мы ожидаем нового начальника, Ястржембского.

Руководитель пресс-службы Ипатьев, сменщик Старого Иезуита, бывший международник-погонник, приведенный год назад «к присяге» службой безопасности (вслед за Медведевым, уже отправленным в отставку), не находит себе места. Потому что и ему вряд ли найдется местечко в нынешней иерархии. Он, как никогда, придирчив, звонит в кабинет дежурных по прямому проводу чуть не каждые пять минут. Сочиняет планы в надежде усидеть при нынешней команде. Невооруженным глазом видно: основная задача этих планов избавиться от старых сотрудников, демонстрируя лояльность новому порядку, и тем самым организовать прикрытие, выхлопотать кресло. Наперед известно тщетные это попытки (не нас изгнать, а самому усидеть. Для этого нужно быть белой акулой, а не черноморским катраном Ипатьевым). Тем более что Бородатый Полковник, крыша и

советчик, вместе со Службой безопасности тоже на излете…

Наблюдаю за этими страстями как в тумане. Потому что взять себя в руки не удается. Не выходит из головы умерший на моих руках отец. И особенно погано оттого, что урна с его прахом до сих пор покоится в крематории, а я никак не могу выхлопотать место на кладбище. Нет мест. Или гони четыре тысячи долларов…

* * *

В один из этих жарких июльских дней позвонил наобум на ближайшее, Миусское кладбище. Не надеясь на удачу, попросил к телефону директора.

— Я вас слушаю, — отозвался прокуренный голос.

Объяснил свою просьбу.

— Приезжайте, — сказала трубка.

Отпросившись на пару часов, несусь на кладбище. У входа, в деревянном вагончике, увешанном прейскурантами цен на похоронные услуги, нахожу директора, крестьянского вида обветренного мужика с цигаркой в зубах. Спортивные штаны и майка. Он внимательно щурится на меня — что за гость в пиджаке и галстуке (в такую-то жару!) пожаловал в его хозяйство.

— Юрий Ромашкин, хозяин, — представился он, протянул загорелую руку.

Впервые решив использовать служебное положение, отрекомендовался по всей форме: я — консультант, мол, служу в высоком кабинете, и не кому-нибудь — всенародно избранному…

— Пустое, — говорит Юрий. — Перед Богом все равны. Выкладывай…

Кратко изложив дело, добавил, понизив голос:

— Добром отплачу. Может, и я вам чем-нибудь сгожусь…

— У меня в Москве два кладбища — ухмыльнулся директор. — Дом за городом, машина. Прикрытие — Березовский позавидует. Сам знаешь, какой у нас, гробовщиков да могильщиков, основной контингент. Ничего мне не надо. Разве пару участков у Кремлевской стены… Извини, не хотел тебя обидеть. Понимаю, горе. Нрав у меня смешливый, несмотря на должность. Иначе здесь нельзя — самого закопают… А теперь ступай к окошку, там кассиром моя жена, уплати госцену, потом выберем участок и помянем. И, пожалуйста, не надо лишнего трепа…

Как не помянуть с таким человеком? В первый раз за последние недели полегчало на душе. Когда вернулись с

кладбища в контору, электроплитка уже накалилась, жена Ромашкина хлопотала над пельменями, доставала из шкафчика рюмки. «И сладок был мне тот бокал вина», — сказал в прошлом веке Добролюбов, правда по другому поводу.

— Еще решетку поставлю красивую, — сказал, прощаясь, директор кладбища. — За счет заведения. Будешь вспоминать Ромашкина…

А потом я поехал в Кремль. И на пороге приемной пресс-секретаря столкнулся с Ипатьевым. Он удивленно округлил прозрачные свои глаза, властным жестом пригласил в кабинет:

— Тебя-то мне и надо…

Сердце заколотилось снова. Я уже знал, что будет дальше. Несколько недель назад в пресс-службе произошел неприятный инцидент — потасовка. И я наблюдал, как пытался обойтись Ипатьев с невинно пострадавшим в ней Бедным Юриком. Видно, пришла моя очередь подставлять выю… Целых пять лет дожидался.

* * *

С Юриком вот что. Он пришел в пресс-службу к Костикову одним из первых. Выпускник МГИМО, знаток нескольких иностранных языков, он слыл среди нас эрудитом, книгочеем, каким и надлежит быть международнику. Несколько заносчивый. С кем не бывает? Институт международных отношений тоже «об себе большого мнения». Но главное, сам в жизни пробился. Приехал и оказался в гнезде, вожделенном даже для номенклатурных птенцов. А ведь никто не помогал. Некому было. Сирота. В родном городе Нальчике остались, правда, две пожилые сестры. Так то Нальчик. Предгорье Эльбруса. Для гордой Москвы — глухомань. В столице не только закончил МГИМО, но и женился (не менее важное событие) на хорошей девушке, дочку родили. Затем работа в газете, приглашение в Кремль. Карьера! Любой благополучный упитанный москвич с Кутузовского проспекта позавидует. Юрик же не был ни упитанным, ни благополучным. Маленького роста, худой, очки на носу, больная нога.

Другим фигурантом вышеозначенной потасовки был Бушуев, пришедший в пресс-службу из японского агентства. Из-за скудной растительности на желтоватом лице он и сам смахивал на посланца страны восходящего солнца, за что и получил прозвище «Штабс-капитан Бушуев». Росту был, правда, внушительного. Вкрадчивые кошачьи манеры, тихий голос, внешняя

невозмутимость. Но в отличие от бывших японских коллег-аккуратистов, кабинет свой загадил до последней возможности. Прошлогодние пыльные бумаги вперемежку со вчерашними объедками дополняли брошенные тут же старые носки и стаканы, где высохшая заварка давно превратилась в мох-сфагнум. Всюду немытые баночки из-под сметаны, кефира, другой гадости. Любил питать свою особу полезными сыворотками! В этом рукотворном бедламе вечно все терялось — степлеры, клей, ножницы, дыроколы. Бушуев, если что-то пропадало, заходил в наш кабинет и вовсю пользовался чужими вещами. Однажды Юрику это надоело и он посоветовал Штабс-капитану уплыть отсюда «на белом катере к такой-то матери». И оперативно. Бушуев схватил его за горло, ударил головой об стенку… Жалко, меня в кабинете не было. Ограбленный и побитый, себе на горе, Юрик решил пожаловаться руководителю пресс-службы. А тот как будто ждал подходящего случая. «Немедленно уволить обоих!» — был вердикт Ипатьева. Вышестоящая инстанция над потерпевшим все же сжалилась, хорошенько потрепав парню нервы. Штабс-капитану, напротив, пришлось упаковывать в торбу носки да заварки и проситься назад, к самураям…

* * *

— Тебя-то мне и надо… — От ласковой улыбки Ипатьева у меня сделалась тоска в желудке. — Рассказывай, где был?

И, не дав ответить, стал стучать по циферблату.

— Опоздание — три часа. Прогул!

— Я же звонил дежурному.

— Мне ничего не передавали.

— Ты же знаешь, какая у меня ситуация…

Снова эта улыбка.

— Все идут тебе навстречу. Дали времени, сколько положено…

В этот момент в кабинет вошел темноволосый мужчина, видный, элегантный. Никогда его здесь раньше не встречал. Увидев посетителя, Ипатьев ещё пуще напустился на меня.

— Ты в каком состоянии? В рабочее время?

— Послушай, неохота объяснять. Но мне необходимо было съездить…

— Ничего не желаю слушать. Вон отсюда.

— Подожди…

— Я же сказал — вон…

— Ну и пошел на…

Незнакомый брюнет сделал большие глаза…

Позже коллеги мне объяснили, что это был Сергей Ястржембский (ну не знал я его в лицо!), который впервые в этот день пришел в Кремль знакомиться с подчиненными…

— Вишь, как совпало. Попался под руку, — сочувствовали ребята. Ипатьев решил показать новому пресс-секретарю, какой он крутой начальник, зверь. Пойми: твои проблемы ему до задницы. Готовься к худшему…

На утро было назначено собрание пресс-службы.

…Собрания эти преследуют меня с юного возраста. Видно, судьба такая. А может, виноват вид жертвы? Не знаю и не ропщу. В конце концов многие из нас частично виноваты в том, что подверглись насилию. Не имей вид жертвы! Сначала в пионерском лагере вожатый обвинил в том, будто я стащил у него гильзу-талисман. Не помню уж, почему именно меня он выделил среди других пионеров. Наверное, палата была рядом с вожатской. Гильза от пули, которой бывшего пограничника ранили на заставе. Построив на плацу отряд, выставил меня перед сроем и гаркнул:

— Вот он, вор. Смотрите. Запоминайте!

В первой шеренге стояла девочка, которая мне нравилась. Она глядела в сторону и плакала. Впервые тогда подумал о смерти.

Гильза вскоре нашлась — закатилась под кровать в его комнате. Извиняться перед сопляком вожатый не стал. Я же на всю жизнь отказался от людных мест, включая метро, и проклял понятие «коллектив»…

В школе то же самое. Все шалили, а за ухо к директору тащили меня. Позже, в «Комсомолке», Селезнев частенько покрикивал при скоплении народа. Не говорю уж о Старом Иезуите.

Дрянное это дело — стоять перед строем.

И вот снова приходится. Послал, не отрицаю, Ипатьева куда подальше. Что ж, горжусь этим! Звездные минуты для меня. Как ещё быть с низкой душой?..

* * *

Руководитель пресс-службы приготовил длинную обличительную речь. В конце сказал скороговоркой, что понимает, кладбище, все такое, у каждого случается в жизни, ничего не поделаешь. Но поведение мое не извиняет даже такой, траурный, повод. «Клади удостоверение об это место!» —

потребовал Ипатьев. Так в фильмах времен коллективизации стучал по столу секретарь райкома, урезонивая выявленного им вредителя — оболганного, как оказывалось впоследствии, коммуниста. В унисон с ложным отравителем колхозных коров отозвался и я: «Не ты выдавал, а партия! Перед ней и буду держать ответ».

Товарищи мои сидели, потупив глаза. Вздыхали. И ты, Бедный Юрик, и шеф службы аккредитации дядя Вова, даже ты, Сидор Анатольевич — офицер и смельчак. Четыре года как журналист оттрубил на балканской войне, вывез на волю в багажнике собственного автомобиля десятки сербов. Рискуя жизнью, переправил их в Россию. Чего ж испугался, не подставил плечо?

Но самое удивительное — почему-то развел руками ещё всесильный, к тому же вызывающий у Ипатьева коленный трепет, Бородатый Полковник, мой старый и добрый друг…

В управлении кадров, где меня хорошо знали с начала 92-го года, махнули рукой. Посоветовали отсидеться, переждать бурю, потом все само собой утрясется. На прощание по секрету сообщили, что Ипатьев прислал в кадры кляузу о моем поведении, подписанную ещё парой коллег. Одним из подписантов оказался друг Костикова, старейший сотрудник пресс-службы, потомственный интеллигент Тима (см. главу «Блокадник»). Еще полгода назад он ежедневно сердобольно расспрашивал о здоровье отца, предлагал помощь. Поди ж ты… Двух других Ипатьев заставил подмахнуть донос под страхом увольнения…

Отсидеться, конечно, можно. Но так вдруг гадостно сделалось в этих стенах, с такими-то людьми! («Народишко — каждый третий враг…» — пел Высоцкий. Нет, Владимир Семенович, каждый второй!) Опостылело воронье гнездо. Единственное место во всем Кремле, куда эти каркающие твари не садятся, — старый дуб за Спасскими воротами. Благородное дерево, любимое, по преданию, ещё богом Аполлоном. Не приемлет оно ворон, шумит в одиночестве свежей кроной, скептически созерцая кремлевскую суету…

Ипатьеву не понравилось, что я помянул отца. В рабочее время. Это на фоне-то всеобщего безобразного пьянства, как чертополох расцветшего по всем закутам Кремля…

А приятно было пресс-секретарю губернатора Росселя, когда вы, господин Ипатьев, в известном состоянии буквально вывалились из самолета, прибывшего в Екатеринбург, и порвали штаны? Пиджак испачкан едкой маслянистой жидкостью. Понравилось ли ему бегать, как посыльному, по всем окрестным

магазинам — подыскивать новый костюм, пока вы в трусах отсиживались в номере?

…Несколько недель спустя, когда пресс-служба была очищена от чужаков, причем своими же руками, Ястржембский, как я и предсказывал, вежливо указал Ипатьеву на дверь.

Зачем мужик старался?..

СТОЙКИЙ БОРОДАТЫЙ ПОЛКОВНИК

(посвящается Службе безопасности президента)

Вий читает телефонную книгу на Красной площади.
Поднимите мне веки… Дайте Цека…

Осип Мандельштам
Четвертая проза

«БЕЗ МЕНЯ ЕЛЬЦИН НЕ ВЗЛЕТИТ…»

(Казанские моталки)

Он глянулся мне сразу, весной 93-го, в аэропорту. «Передовая группа» вылетала в Казань. Среди привычных лиц обнаружился незнакомец — улыбчивая бородатая физиономия в очках, шапка русых волос, обходительные манеры.

— Помощник Коржакова по связям с прессой, Андрей М., - почтительно шепнул на ухо знакомый сотрудник службы протокола. — Твой коллега, с позволения сказать…

В самолете разговорились. Первое впечатление не обмануло меня. Был Андрей из породы кагэбэшников-интеллектуалов, закончил гуманитарный вуз, всю жизнь проработал с прессой. Изучил её вкусы, умел вступать в диалог даже с самыми несговорчивыми. (Позже я наблюдал по телевидению сцену его полемики с Минкиным. Хоть последний и был прав в своих публикациях по поводу невиданной власти, сосредоточившейся в руках Службы безопасности, Андрей умело защищал Кремль и в казуистике даже превосходил умного и изворотливого обозревателя, эту «гиену пера» отечественной публицистики.)

Не напуская тумана, объяснил и причину своего появления на подготовке президентского визита. Многие журналисты, сказал полковник, ещё не пережили 91-й год, бравируют участием в защите Белого дома, несут себя так, будто только что с оружием отстояли демократию. Можно похлопывать президента по плечу, лезть с объятиями. Хорошие ребята, но грань-то надо ощущать. Особенно на официальных мероприятиях. Сколько можно жить на

старом багаже? Напоминать каждому встречному, включая нерасторопную дежурную по этажу в гостинице, о героическом прошлом? «Ты знаешь, раззява, кому холодный чай принесла? Раз-зорю!» Пресс-служба и сам Костиков не способны утихомирить некоторые буйные головы, покачал головой Андрей. После ряда инцидентов с участием журналистов Кремль решил задействовать нашу службу. Логично, кивнул я.

Страхи и сомнения полковника подтвердились через несколько дней, когда Ельцин прилетел на переговоры с Шаймиевым и привез с собой двадцать особо приближенных журналистов. Большинство и нажралось в первый же вечер «с особой жестокостью»… Некоторые не смогли выйти из номера ни утром, ни днем. Освещение переговоров оказалось под угрозой. Среди корреспондентов обнаружился один иностранец, Марсель, которого убедили, что дегустировать в командировках местную водку — русская традиция. За нарушение — бойкот. Надо отметить, что водка в Казани отвратительная, к тому же Марсель никогда её раньше не пробовал; он был слабосильным конопатым старым мальчиком (разновидность Паганеля), ему бы, болезному, паровых котлеток предложить. Нет, налили полный стакан политуры. У мужика вышли из строя все жизненно важные органы. Все три дня, что продолжался визит, он стонал и охал в своем номере, то и дело вспоминая родную Богоматерь… Пришлось взять диктофон и поработать репортером. Я приносил кассеты с речами президента, а он, лежа пластом, переводил. Затем заказывал по телефону Париж, диктовал. На том конце провода однажды поинтересовались:

— Что с голосом, Марсель? Ты что, из преисподней?

— Из нее, родимой… — пытался улыбнуться француз. — Как это по-русски… Не поминайте лихом…

Андрей наблюдал за происходящим молча. Что-то записывал в блокнот. Наброски рапорта Коржакову? Во всяком случае, в следующей поездке было официально заявлено, что за работу с прессой отныне отвечает Служба безопасности президента. Дисциплина тут же улучшилась. Не выходит обойтись без диктатуры, подавай нам Сталиных — маленьких и больших. Им на радость, себе — на потеху.

И вправду, одного из журналистов, О.Д. (как бегуна Джонсона, перебравшего допинга), решено было после поездки дисквалифицировать навсегда.

Визит закончился. Мы с Андреем заняли места в салоне, решили перед отлетом на всякий случай пересчитать журналистов. Одного не хватает! Конечно, О.Д., самого шустрого. Полковник приказал не убирать трап ещё несколько минут.

Наконец, прямо на поле вылетела новенькая белая «Волга» с оглушительной сиреной.

— Где-то я видел эту машину… — задумчиво сказал Андрей.

Репортер уже взбегал по трапу. Взревели моторы. Я обмахивал журналом пришедшего в себя, но ещё слабого, бледного, косящего глазом, как больной пони, Марселя…

В Москве Бородатого Полковника ждала телефонограмма: «Уважаемый пресс-секретарь! Сегодня утром мою машину остановил молодой человек, насколько я знаю, журналист центральной газеты. Представившись «правой рукой президента», он заявил, что опаздывает на самолет, потребовал предоставить автотранспорт. Я отказался. Тогда он выволок меня, швырнул на землю и со словами: «Без меня Ельцин не взлетит!» — силой принудил шофера везти его в аэропорт. Прошу принять меры, иначе произошедшее станет достоянием гласности в республике. Мэр города Н. П-ов. О чем ваш журналист, видимо, не подозревал…»

— Я же говорил, — в сердцах чертыхался на следующий день Андрей. Подозрительно знакомой была белая «Волга»… — И уже в мой адрес, в адрес пресс-службы: — По телефонной книге команду набирали?..

«САЛАМ АЛКОГОЛЕЙКУМ!»

(Кабардинские моталки)

В Нальчик год спустя Бородатый Полковник отправился умудренный опытом многих командировок. Никакой самодеятельности, никакого козыряния ксивами. Весело, бодро строиться с вещами в шеренгу по два и, глядя друг другу в затылок, — марш в металлический загон! Все это в скором времени доведет до совершенства трепещущий, словно флаг, в красном своем пиджаке во главе колонны журналистов Иван Иваныч Иванов. У полковника же злость больше напускная, он — добрый следователь…

Ельцин той весной отдыхал в Сочи. Соскучившись, надумал посетить соседнюю Кабардино-Балкарию — самый тихий закавказский регион. На сегодняшний день единственный, который смело, без стыда заявляет, что вошел когда-то в состав империи добровольно. В центре города памятник — красивая мраморная женщина в национальном наряде. «Навеки с Россией» называется.

Приехали сюда на пару дней, обычный рабочий визит. Но

задержались в республике почти на полмесяца. Нежданные весенние каникулы после слякотной Москвы, горный воздух. Вместо липкой столичной грязи — целебные ванны, нарзан прямо из отверстия в скале…

Ельцин в последний момент почему-то передумал лететь, потом вроде собрался — погода испортилась. Нашей группе дали команду — ждать сколько нужно и предаваться релаксации. Пришлось Полковнику отложить до следующего раза припасенный набор окриков и знаменитую гортанную команду «Молча-а-а-а-ть!», любимую журналистами.

Так, случайно, оказались мы с Андреем в одном номере бывшего лубянского санатория, который ныне захирел и больше смахивает на богадельню — с убогой столовой, забытой людьми библиотекой, где на полках встречались странные книги: проза Евгения Гоголя и Геннадия Пушкина. Полистал и брошюру некоего Сергея Лермонтова — «Как уберечься от аллергии»…

Вечером в номер постучался посетитель с картонной коробкой.

— Министр печати республики Руслан Магомедович, — представился небольшого роста мужчина с грустными глазами. — Буду вас немножко курировать…

В коробке оказались консервы «печень трески», колбаса, бутылка отборного коньяка и несколько кругов копченого кабардинского сыра — местный деликатес.

— Устраивайтесь, дорогие, — сказал, прощаясь, Руслан Магомедович, завтра порешаем все вопросы. Отдохнем. Знаете, как переводится название коньяка «КВВК»? Инициалы нашего президента и его супруги. «Коков Валерий Виолетта Кокова». Кабардинский фольклор.

Слово «порешаем» тоже оказалось многозначным. Наутро у ворот санатория обнаружилась черная «Волга», все ещё вожделенная в предгорьях Кавказа, и шофер в белоснежной сорочке помчал нас с Андреем в сторону холмов на горизонте. Вдоль дороги зеленели молодые тополька. «Порешаем» означает не столько подготовку к президентскому визиту, сколько один из самых хлебосольных столов в России, главенство тамады, строгий застольный этикет.

Руслан, раскрыв объятия, лично встретил нас на склоне холма. С восточными ужимками, полуобняв за талии, повел внутрь гостевого особняка. Расторопные парни у входа уже раздували мангал. Стол внутри был заранее сервирован.

Все, чем богата республика, все, что растет, щебечет и блеет на её зеленых просторах, плескается в горных речках, — эта Большая Еда теснилась на хрустящей скатерти, наполняла

пространство комнаты райскими ароматами. Оживший натюрморт времен барокко…

Пишу об этом и вспоминаю совсем другой стол, иной прием, состоявшийся в только что отреставрированной Третьяковской галерее. Его устроила для журналистов Елизавета II, впервые посетившая российскую столицу. Сначала, по этикету, королеве и её мужу, герцогу Эдинбургскому, адъютант в расшитом золотом мундире представил гостей. Простояв полчаса в длинной очереди, удостоился и я чести пожать королевскую лапку в ажурной перчатке. Затем двинулись в зал, предвкушая изыски британской кулинарии.

И обнаружили на длинных столах вдоль стен бутерброды с сыром и шампанское в пластмассовых стаканчиках. Сыр (тонкая полоска), как и хлеб, оказались заветренными. Отдаленное отношение к подвалам мамаши Клико имел и шипучий напиток. Видно, придворные Елизаветы заказали угощение прямо в музейном буфете. Настроившиеся было на виски мужчины и их декольтированные спутницы пригорюнились…

А зря. Разве может удовольствие от еды сравниться с тем, что Ее Величество лично подошла к каждому из приглашенных, справилась о месте работы, увлечениях, каждому пожелала счастья и здоровья — и все просто, не по-виндзорски. Словно старая школьная учительница собрала бывших питомцев, порасспросила о жизни, угостила чем смогла. Не взыщите, живу на пенсию…

Подумалось: хорошо бы в Кремле перенять этот опыт, вот с кого нужно брать пример нашему помазаннику, вслед за которым (в любую маломальскую поездку) несется спецсамолет со жратвой. Даже в свите личный официант с саквояжем бутылок и закусок всегда рядом, плечом к плечу с хранителем «ядерной кнопки». А пиры под скорбные взоры иконописных ликов в Грановитой палате?..

Похоже, и мы с Андреем впервые в жизни удостоились подобных почестей. Но здесь Кавказ, восточное гостеприимство. Кроме того, позже, уже в Москве, случайно узнали, что Руслан сам тогда сильно потратился. До сих пор неудобно. Ну да ладно. Наступило время первого тоста.

То была длинная витиеватая речь — сразу обо всем на свете. Для начала обстоятельный Руслан изложил суть отношений Кабарино-Балкарии и России «ни одной войны за всю многовековую историю», затем перешел к «славным представителям великой соседки», нам то есть, нарисовал словесные портреты дорогих гостей (лестные, несколько приукрашенные, как портреты художников на Старом Арбате) и,

наконец, пожелал благополучия родственникам, близким, знакомым — вообще всем хорошим людям, живущим на этой чудесной земле…

Я понимал — мы гости из Кремля, здесь принято произносить цветистые речи. Но все же ощущал — Руслан говорит искренне. Кто мы ему? Мелкие чиновники, а он министр целой республики. Давно не приходилось слышать таких добрых слов. Отвыкли мы от них. И так вдруг легко сделалось на душе, как бывает в короткие минуты нежданного счастья. Смотрел, как улыбается Андрей — он чувствовал то же самое. Взглядом на взгляд ответил ему: и я, мол, рад, что мы здесь, Руслану рад, тебе. Хорошо заводить новых друзей!

— За сказанное! — подытожил министр.

Вечером, нагруженные гостинцами, вернулись назад, в санаторий. Андрей оказался настоящим товарищем. Все дары аккуратно разложил по тарелкам, решив созвать ребят из соседних номеров. Похоже, только нам повезло с провожатым. Остальная группа — врачи, связисты, охранники — никого не дождались и дружно сосали лапу в голодном санатории. Кому не жаль было командировочных (целых 18 тысяч старыми в сутки), купили в соседнем магазине водку (пять тысяч) и под неё любовались горным видом из окна.

Пока Андрей орудовал ножом и штопором, я созывал по этажу гостей. Зашел в номер к «айболитам» и остолбенел. Двое личных врачей президента пожилой, седовласый, ещё стройный, похоже, бывший дамский любимец, и молодой, смахивающий на солнцевского братана парень в спортивном костюме1 обитали в наглухо задраенном номере, насыщенном винными парами и прокуренном, как кубрик пиратской шхуны. Бычки топили в бутылке, уже до отказа заполненной коричневой никотиновой жижей. Рядом — горка опустошенных склянок из-под медицинского спирта.

— Да тут сдохнуть можно, док! — обратился я к пожилому. — Хоть бы окно открыли…

— Зачем? — пожал он плечами. — Нарушится гармония. Лечение должно быть полноценным…

Ночью, переполненные впечатлениями, мы с Андреем никак не могли заснуть. Рассказывали друг другу о себе.

Была у него в жизни драма, давно, ещё во времена лейтенантства. Умерла от злой болезни молодая жена. Остался один с маленьким сыном на руках. Никого из родных в Москве не было. Трудно это — самому стирать, готовить, провожать и встречать из садика. По вечерам — когда сослуживцы торопятся кто в соседнюю закусочную, кто к верным подругам — бежать

домой штопать колготки, купать сына. «Не журись, Андрюша!» — говорил он сам себе. И люди не догадывались, что творилось у него на душе. Всегда доброжелательный, улыбчивый, не нытик, но жалостливый к другим, он вызывал в коллективе дружную симпатию. Ребята всегда старались помочь — кто порточки выросшего сына принесет, кто апельсин, а кто и двадцатку до лучших времен…

Наутро эстафету Руслана приняли офицеры местного ФСБ, ответственные за работу с прессой. Повезли нас на рыбалку в сторону Терека, верст за тридцать от Нальчика.1 Не совсем, конечно, рыбалка. Купили на рынке, пренебрегая сазанами и осетрами, несколько белых рыбок, похожих на карликовых сомов (как из таких уху сваришь?). Позже бросили вещи на берегу, развели костер. И снова нахлынуло давешнее умиротворение, ускользающая волна тихой радости…

Река — быстрая, ледяная, ревет на перекатах. Искрится, дрожит в кристальных потоках апрельское солнце. В его лучах угадывается на противоположном берегу контрастно-черная фигура рыбака с неводом. Он медленно движется в нашу сторону — забросит невод, вытащит, снова забросит… Ритмичные движения, как в замедленной съемке.

Котелок закипает. Скоро будет уха.

— Не сомневайтесь, — говорит Валерий, один из наших провожатых. — Это хорошая рыбка. Маленькая, но наваристая. Водится только в Тереке…

Уха и вправду оказалась не хуже волжской. Вот так сомики! Андрей живописал коллегам будни Службы безопасности, рассказывал о повадках ожидаемых в скором времени журналистов.

— А Коржакова часто удается близко видеть? — уважительно спросили офицеры.

— Каждый день, как вас сейчас, — улыбнулся Андрей. — И президентскую руку доводилось пожимать…

— Ну… — поцокали языками наши спутники, с опаской переглянулись. Везучие…

Рыбак с неводом почти добрался, перепрыгивая с камня на камень, до нашего берега. Пронизанный золотыми солнечными искрами, грациозно двигаясь, он как бы венчал живую картину земной благодати, неизвестно откуда взявшееся легкое счастье… Вот бы сюда Клода Моне.

— Может, пригласим к столу? — предложил Андрей. — Совсем промок парень.

Начали хором звать незнакомца.

Стесняясь, неторопливо подошел он к костру. Поблагодарив,

аккуратно пригубил предложенный стакан. Был рыбак высок, черноволос, густая борода на молодом лице, сияющие глаза.

— Ахмед, — представился он, — местный чеченец. Этнический. А это от меня вашему столу, — и протянул Андрею свой улов. Десяток белых холодных рыбок. Новая уха!

Думаю о солнечном дне на берегу реки и чувствую — то была подлинная радость! Сидим рука об руку — чеченец, кабардинец, балкарец, я и Андрей. «Еще до войны…» — помните? Всего-то знакомы несколько часов, а хорошо вместе. Как родным людям. Уходящая, тающая взаимность… Меньше чем через год начнется бойня в Грозном. Где окажется Ахмед? Уйдет ли в родную Чечню, чтобы влиться в отряд Басаева, или захватит заложников в Первомайском, куда пошлют на штурм Черного Ангела? Погибнет в Самашках? А может, останется в Кабарде, чтобы не огорчать семью, и будет все так же выходить по утрам с неводом?..

Вскоре, получив очередную ложную команду, в Нальчик нагрянули журналисты. Впустую. Ельцин по-прежнему оставался в Сочи. Наш добрый министр Руслан подготовил программу и для прессы. Для начала — экскурсия на Эльбрус.

Ее мало кто запомнил. В том числе и мы с Бородатым Полковником. Потому что на каждой из остановок по ходу движения горного подъемника — 600 метров, 900, 1500, 2000 — обнаруживался лихой орел в бурке и папахе, а при нем — ящик водки и блюдо баранины. Так чествовали журналистов. Один из иностранцев, которому выдумка Руслана очень понравилась, радостно выкрикивал на каждом привале единственное знакомое ему русское слово «Махнем!» Но не рассчитал силы. Потому что после четвертого стакана пошатнулся, икнул и с трудом выговорил ещё одно новое для него слово — «Не махнем!»

Выше 2300 метров никто не смог подняться. Потому что барашек был маленький, на всех не хватило. А без закуски силы альпинистам изменили. У входа на подъемник красовался традиционный плакат: «Салам алейкум, Борис Николаевич!»

— Нет, это не салам алейкум, — сказал один из корреспондентов, это — салам алкоголейкум!

После Эльбруса команду журналистов повезли реанимировать в бассейн с минеральной водой. Разделись донага. Скользя по кафелю, как лоси по январскому льду, еле добрались до края бассейна. И тут обнаружили, что между нами дама, журналистка — кустодиевская матрона во всей первозданной красе. Не стесняясь и не обращая на нас внимания, она, как Лорелея, бросилась в пузыристую воду. Мужики от брызг и произведенного шума резко протрезвели. Какова нимфа!

— Если б она была на месте Лорелеи, — резонно заметил

один из купальщиков, — Рейн бы вышел из берегов, затопил все окрестные виноградники…

— За сказанное! — произнес Руслан, неожиданно появившийся из двери в углу бассейна с подносом шампанского.

Когда вернулись с Андреем в наш номер, санаторий спал. Видно, не очень крепко — с голодухи. Едва я вставил в скважину ключ, из соседних номеров высунулись любопытные носы: — что там у соседей в поклаже? Пир продолжился…

За время нашего отсутствия в штабе Службы безопасности произошел конфуз. Младший офицер Серега Курицын, которому по ранжиру положено сидеть в штабном номере безвылазно, у правительственных телефонов, измучившись за неделю — руки-ноги затекли как у лежачего паралитика, пролежни пошли! попросился у начальства в короткую увольнительную. На пятнадцать минуть. Подышать. Отжаться пару раз, побегать.

Ровно через пятнадцать минут назад в штаб ввалился невменяемый человек с остекленевшим взором, пьяный труп. Повалился на кровать и захрапел. Побудка ничего не дала. Решили отложить выяснение тайны до утра.

Придя в себя, смущенный офицер доложил, что, выйдя в парк, увидел группу людей на поляне перед санаторием. Царило веселье, смех, слышался звон бокалов. Пикник? Серега из любопытства подошел поближе. Оказалось, свадьба. Его уже заметили друзья жениха, под руки потащили к разложенной на земле скатерти. Кабардинская свадьба — дело строгое. За отказ поздравить новобрачных вполне могут накостылять по шее. Увидев, что силы не равны, парень принял на грудь полный стакан. От души поблагодарил и попятился было назад. «А за родителей?» — «Ребята, меня под трибунал отдадут». — «Хорошо, будем казнить здесь и сейчас». Пришлось ещё опрокинуть. «А теперь за нашего президента, Валерия Мухамедовича Кокова!» Еще стакан. Итого 750 залпом без закуски. Вот и вся тайна…

В один из вечеров, наверное двенадцатый по счету, решили с Андреем пройтись по центральному проспекту — длинной безлюдной улице, скорее напоминающей околицу большого села. Проспект носил имя неведомого нам Шогенцукова. Мы тут же переименовали его в проспект Гогенцоллернов. (Андрей к тому времени уже был знаком с Великой Княгиней и наследником, носителем этой славной фамилии. В Кремле ходили разговоры о придании Императорскому дому официального статуса. Позже Ельцин пару раз встретился с Великими княгинями, велел даже выделить резиденцию в ближнем Подмосковье. Службе безопасности было поручено охранять и сопровождать высоких особ, а также неторопливо готовить документы о признании

царской семьи. Но грянули президентские выборы, Чубайс смешал все карты, Коржакова, считавшего себя державником и близко к сердцу принявшего идею возвращения домой наследника, без выходного пособия и погон выставили за красный забор. И указ, уже было подготовленный, где-то затерялся. Я пытался по просьбе своего друга Зураба Чавчавадзе, представителя Императорского Дома в России, его разыскать. Но на меня шикнули старшие кремлевские товарищи: мол, не нужны Чубайсу эти парижские цари, лишние хлопоты, главное — своих поудачнее рассадить. И пропал документ — лег под другие бумаги, а потом и Ельцин — под Дебейки, пресса пошумела и замолкла. Так что история с официальным признанием Императорского Дома не получилась… Остался лишь проспект Гогенцоллернов.

…А, может, вспомнили анекдот о переименовании колхоза «Путь Ленина» в хозяйство им. Джавахарлара Неру. «Почему?» — поинтересовались односельчане у мужика, предложившего столь странное название. «Очень на «твою мать» похоже», — ответил он.)

Возвращались домой за полночь. На подходе к санаторию в одном из домов заприметили освещенное окно — единственное на всю округу. В нем происходило какое-то движение. Вроде мужик гладил брюки или рубашку. Но нет. Подойдя совсем близко, увидели жаркую любовную сцену. Неумышленно. Оторванные полмесяца от жен и подруг, мы, задрав головы, зачарованно наблюдали — два дурака — за этой страстью, смертельно завидовали счастливцу. Пока, наконец, нас не обнаружили. Несчастный любовник камнем упал на кровать, прикрыл подругу. Затем погас свет.

— Пора нам, Андрюша, домой, в Москву! — вздохнул я.

Рассказ об этом происшествии вызвал в санатории нервный гомерический хохот. Он тут же прекратился, как только в штабе Службы безопасности загудел аппарат правительственной связи. Звонили из Сочи. «Летит, летит! Погода прояснилась. Завтра будет в Нальчике. Вы там ещё живы? Не подведите Дедушку!»

Пора и мне поставить точку в сочинении «Как я провел весенние каникулы»…

«НАС ИЗВЛЕКУТ ИЗ-ПОД ОБЛОМКОВ…» ИЛИ ФЬОРД ВИКИНГА

(Норвежские моталки)

Теперь друг без друга мы не выезжали ни в одну командировку. Нальчик больше не повторялся, хорошенького понемногу. На подготовке в Осло летом 95-го, в строгой Норвегии мы приосанились, втянули животы и аккуратно посещали все места, где планировал остановиться президент. Мемориальное кладбище, возложение венков к памятнику русским солдатам, погибшим за освобождение Норвегии. Церемония встречи с королем Харальдом V и королевой Соней на площади перед дворцом. Переговоры в королевских покоях.

Дворец — скромный. Настоящий отечественный Дом культуры времен развитого социализма. Затем старинная крепость Акешхюс над живописным фьордом, обед. Далее — встреча с премьер-министром Гру Харлем Брутланд.

Резиденция главы государства тоже проста. Тянет на наш комитет советских женщин. Строгая добротная мебель, аккуратная побелка на стенах, несколько картин в стиле Мунка. А может, и сам Мунк. Норвегия, в отличие от России, славится не лепниной и паркетом из красного дерева, а живой природой. «Великая зеленая держава», — говорят о своей стране потомки викингов, «пенители моря».

Приехали с Андреем в резиденцию посмотреть расположение кабинетов и столкнулись прямо у входа с… премьершей. Одетая в обтягивающее красное трико и свитер, без охраны, Гру вела за руку маленького мальчика, похоже, внука. Села в автомобиль и укатила. Никто из прохожих даже не обернулся.

— Во порядочки! — покачал головой Андрей. — А как же безопасность? И спустя минуту: — Имя у неё интересное, воинственное. Наверное, назвали в честь нашего славного ГРУ и высылки из страны очередной порции шпионов…

Позже нам объяснили, что Брутланд очень любят соотечественники и никто ей вреда причинить не может. Но охрана имеется, в Норвегии мощный спецназ, один из лучших в Европе. Но, как и в России, светиться не любит. Это правда. Наши ребята из Центра спецназначений — «гоблины» (прозванные так за стриженые затылки и напускную заторможенность) — в своих черных одеждах не обнаруживают себя и в трех метрах…

Я уезжал в Осло с тяжелым сердцем. Врачи обнаружили у отца неизлечимую болезнь, сказали, осталось ему не больше года. Андрей, переживший смерть близкого человека, подбадривал меня, обещал быть рядом, помогать, если будет нужда.

Весь день из гостиничных радиоточек и телевизоров лилась разрывающая душу мелодия, песня Сольвейг Грига, национальное достояние Норвегии. Отец её очень любит. Слушаю — и как будто оказываюсь рядом с ним. Светло и печально…

И вдруг из Кремля пришел отбой — Ельцин заболел, передовой группе сняться и назавтра же улететь домой. Командировочные, к удивлению, разрешили не возвращать. И мы отправились с Андреем прощаться с Норвегией. Пресс-атташе посольства Ваня Малый повез нас на берег фьорда. Стояла удивительная для здешних мест тридцатиградусная жара. Не привыкшие к подобным милостям природы, горожане доставали из дальних сундуков купальники, торопились на пляж. Решили напоследок отметиться и мы. Купили два кило креветок, специальный уголь для костра. Натуральное дерево здесь отважится жечь лишь сумасшедший. Ваня Малый признался, что больно соскучился по Родине, достала эта чухна, запалить бы сейчас настоящий березовый костер. Пара пожилых норвежцев рядом с нами, беззвучно созерцавшая водную гладь вот уже два часа, обернулась на громкие голоса, укоризненно покачала головами. «Тьфу!» — вырвалось у дипломата.

Перед самым отлетом заехали в магазин купить сувениры, знаменитых норвежских троллей — лесной народец, чудесные носатые уродцы, украшение в дом.

В самолете произошло то, что обычно всегда происходит. Расстроенные внезапным отлетом члены передовой группы (больше уж не есть на шару целыми блюдами копченого лакса под недоуменные взгляды официантов) на солидные остатки валюты закупили в посольстве норвежской водки «Вигингфьорд». Очень хорошая, но лучше бы искупались в настоящем фьорде. Поправившись, некоторые весельчаки замыслили раскачать самолет. Ну да, раскачать! Как поддатые студенты лодку в городском парке — в надежде напугать однокурсниц и услышать восторженный визг. Стюардессы и в самом деле завизжали, нажаловались командиру, который парой затрещин и пресек опасный эксперимент.

Глядя на происходящее, мы с Андреем напевали вполголоса песню из старого кинофильма, написанную, правда, про танкистов: «Нас извлекут из-под обломков, поднимут на руки друзья…»

ЭТО ТВОЯ РОДИНА, СЫНОК!

(Московские моталки)

Вскоре дипломат Ваня Малый, как и грезил, был направлен в распоряжение МИДа и навсегда простился с постылой Норвегией.

Радость встречи с отчизной, однако, была омрачена

драматическими событиями. Многотонный грузовик с пожитками, который Ваня загодя отправил в Москву, бесследно исчез сразу по пересечении границы. Перечислять пропавшие вещи бессмысленно, долго — горбатился на них всю жизнь.

— Это твоя Родина, сынок! — потряс я по плечу Малого, когда встретились в Москве. — Чем тебе норвежцы не угодили? Помнишь вид из окна нашей гостиницы — уходящий за горизонт фьорд, океанские лайнеры…

— Молчи лучше…

Ничего хорошего не происходило и у меня. Таял на глазах отец, все валилось из рук. И Ипатьев, как Каменный Гость (откомандированный Лубянкой), постоянно вырастал за спиной с очередными придирками. Заглянул как-то в кабинет к Бородатому Полковнику.

— Успокой ты протеже, «на-ухо-доносcора» своего! Проходу не дает. Лишил поездки в Штаты по приглашению Госдепартамента — меняться опытом, обещанной мне американским посольством задолго до его прихода. Какие никакие командировочные. Дома — лазарет, ты же знаешь, каждый рубль на счету. В туалет на работе выйти боюсь — стережет, сатрап, каждый мой шаг. Выслеживает, вынюхивает. Провокаторов подсылает. В Чечню недавно отправил со словами: «Искупишь кровью…» А у меня тоска. Не все шаги уверенные. Помилосердствуйте, братцы!

Андрей с неодобрением ушел от разговора.

— Разбирайтесь, ребята, сами…

Я вскинул на него глаза.

Последнее дело — просить пощады.

Чем разборки кончились, читатель, ты знаешь из предыдущей главы о Миусском кладбище.

ТРОЛЛЬ

(Остатняя моталка)

— Наивняк! — спустя время увещевал знакомый офицер из недавно разогнанной Службы безопасности. — Благодари Бородатого Полковника, он и подставил… Не веришь? Сам слышал, как он объяснял Ипатьеву способ избавиться от тебя. Элементарно, Ватсон! Подлови на опоздании, нашептывал твой разлюбезный друг Андрей, ещё верный повод — пьянка. Сам, если нужно, организуй. Не мне тебя учить. Делай что угодно. Мы прикроем.

— На что ты надеялся? — говорил сам себе, гуляя по Кремлю. — На благородство чекистов? Совсем, дружок, память потерял? Забыл, как университетский товарищ, исчезнувший вскоре после выпускных экзаменов в недрах Лубянки, однажды воскрес и попытался тебя завербовать? Причем пришел на вербовку — в скверик у «Комсомольской правды» — не один, а с начальником, старшим офицером, которому загодя дал слово (не видев меня более двух лет), что «объект» — ближайший друг, по бабам ходили, «хвосты» сдавали, он все поймет и рыпаться не станет. Но я рыпнулся. Объяснил, что не обучен одновременно служить двум господам. Сходите, мол, к главному редактору, спросите соизволения. Даст добро — официально, у нотариуса, оформим отношения.

— Подумай, — незнакомым уклончивым тоном ответил однокашник, — мы ребята полезные, лучше дружить…

— В чем польза?

— Деньги, квартира не интересуют?

И этот человек утирал слезы, когда на спецсеминаре по французскому в университете слушали Пиаф и Азнавура…

Впрочем, пустое дело обвинять — его ли, Бородатого Полковника — в том, что честно стремились принести пользу родному ведомству. Сам купился на хорошие манеры, добрую улыбку, забыв, что профессия у Андрея такая нравиться всем, как червонец. Туманить мозги. Входит в стоимость билета, как говорится. Никогда не отступаться от своих — от Ипатьевых, коим, слава Богу, я не стал…

Это все равно что обвинять сказочного тролля. Будучи существом в целом безобидным, он, по древним норвежским поверьям, делает гадости только тем, кто его боится. А я в глубине души Андрея всегда опасался — лукав. После устранения Коржакова чудесным образом оказался на телевидении, которое в то время курировал душитель кремлевской спецслужбы Чубайс, бывший её главный враг. Убрали Чубайса — и Андрей уже осваивает кабинет в мэрии Москвы, усердно служит Лужкову — главному, нестерпимому — оппоненту нынешнего Кремля… Стойкий Бородатый Полковник.

* * *

…Пожилой тролль — главное украшение моей квартиры. Стоит на полке в большой комнате (как францисканский монах у Костикова) вечным напоминанием о Службе безопасности президента. Красноносая бородатая кукла, щербатый рот —

видно, бедолага, как и мой недавний друг, не заработал на новые зубы. Хитрая улыбка. Вылитый полковник после очередного жертвоприношения своему лесному божеству — лубянской системе…

«МИСТЕР Б.Н. — ЧЕРНАЯ ЗМЕЮКА»

Кремлевский сериал для сильных духом

Бесконечная переправа, где сменили столько коней, что хватит на армию Буденного. Потопленные табуны. А берега все не видно. Где взять новых скакунов?

Эти заметки — о крутых кремлевских перекатах, о том, чего стоят улыбки сиятельных всадников…

НЕВЕРНЫЙ РУСЛАН

Пока наша группа в Бресте готовила очередной предвыборный визит, двое приятелей в Москве выносили из Белого дома коробку с «зелеными»…

Утром зашел в гостиничный номер штаба Службы безопасности — получить очередные указания (пресс-служба по сути находилась у неё в оперативном подчинении) и замер на пороге: у дежурного офицера, сложением напоминающего штангиста, тряслись губы, он был бледен и напуган.

— Сядь, — сказал он мне. — А то упадешь. Александра Васильевича отстранили. Еще Барсукова и Сосковца. Только что звонили из приемной Коржакова. Что делать-то дальше?.. — Глаза его были полны слез.

Вовсе я не собирался падать, но удивился здорово. Даже поцокал языком, соболезнуя майору. Впрочем, удивляться нечему. Таков Борис Николаевич. Выходит, настало время тех, кто сам когда-то учинял расправы. Сколько невинно изгнанных кремлевских душ позлорадствуют…

Весть распространялась быстро. Лица офицеров каменели на глазах. Визит мог оказаться под угрозой. Но присяга и чувство долга взяли верх. К прилету Ельцина все охранные мероприятия были выполнены как надлежит, снайперы Центра спецназначений замерли на крышах, трассы — осмотрены и надраены для прохождения кортежа. В Брестской крепости — цветущие клумбы, прохлада, уже дорисованы последние завитушки на скамейках и белые бордюры асфальтовых дорожек.

Вместо уволенного Коржакова Ельцин взял с собой послушного молчаливого Юрия Крапивина, такого же рослого, как предшественник, начальника Главного управления охраны, генерала. Он растерянно улыбался, глядя на погрустневших

офицеров, и как бы извинялся за нежданную, не слишком желанную для него роль. Разводил руками, давая понять, что нужно смириться, в Кремле-де — новый режим и от Рыжего пощады не жди… Они и не ждали. Большинство сотрудников СБП, подобранных Коржаковым, уже составляли план дальнейших действий, подсчитывали убытки, связанные с переходом на новую работу, мысленно и навсегда прощались с поликлиникой и ЦКБ. Но главное, с прошлой жизнью прощались, олицетворял которую этот пожилой, отяжелевший, с пергаментным лицом человек. Как бережно они подсаживали его на танк! Как терпели все выкрутасы, пьяное купание в ледяных реках, мат и бахвальство, оправдывая крутой нрав президента взаимной преданностью. Нет, не взаимной была любовь. Особенно больно, что Ельцин «изменил» с Чубайсом. Бог ему судья. Они же не простят…

Вечером на банкете снова была пьянка. Иными глазами наблюдала теперь личная охрана это привычное (за столько-то лет!) зрелище. Неприятно. А раньше как-то не замечали. Лукашенко поднимал здравицы, то и дело обращаясь к президенту:

— Батя, выпьем еще! Давай! За союз России и Беларуси. Не откажи, батя…

А у «бати» через три часа самолет в Калининград, и нет рядом верного Коржакова, чтобы рюмки отбирать. Крапивин же попервости стеснялся…

Из Бреста наша группа должна была перелететь на новую точку, визиты шли один за другим. Но в Калининграде Ельцину стало плохо, похоже, новый инфаркт. И до конца выборов поездок больше не было. Значит, домой. В самолете распустили галстуки, и коржаковские ребята начали подсчитывать обиды. Обещали не бросать «Васильича», быть цепными псами хозяина, умереть за него — пусть только позовет! Еще жалели уволенного неизвестно почему личного адъютанта Ельцина — Мишу Корейца.

Еще недавно его непроницаемое восточное лицо мелькало на всех телевизионных каналах. Богатыря Мишу называли в Службе безопасности одним из самых способных сотрудников. Мне лично он не раз говорил, что считает себя специалистом с большой буквы, Телохранителем — как герой киноартиста Костнера. Из тех, что не спит, не ест — болеет за хозяина, вместе с ним грустит и смеется, читает мысли на расстоянии. Видно, Миша в своих переживаниях однажды перестарался. Может, как Коржаков, пытался вырвать из рук президента бутылку, может, ещё что. Убрали его тихо, ничего не объясняя. Жаль. Он любил журналистов. Всегда позволял поближе притиснуться с диктофоном «к телу», даже самому наглому ни разу не врезал по

уху…

Лишь в одном случае он проявил рукоприкладство — когда известный своей развязностью телеведущий программы «Вести» по пьянке хлопнул стюардессу ниже пояса. Знай журналист, какими кадрами укомплектован 235-й правительственный авиаотряд, он не стал бы совершать столь необдуманные поступки. Летели освещать очередной президентский визит. Стюардесса пожаловалась Мише. Хотя телезвезда был солидного роста и с брюшком, Кореец легко поднял его за шиворот над землей. Подержав так с минуту на виду всего самолета, тихо спросил:

— Ты кого по жопе ударил?

— С-с-стюардессу, — пролепетал испуганный насмерть ведущий «Вестей».

— Ты не стюардессу, ты майора безопасности ударил… Не делай так больше, сынок.

Российское телевидение после этого случая всегда выставляло на визиты других корреспондентов…

* * *

Отступиться от преданного, заботливого «дядьки», хоть и вконец зарвавшегося, — не ново для Ельцина. (Депутат Госдумы М., знающий президента ещё по свердловским временам, рассказывал, как сравнительно молодой обкомовский работник интригами довел своего благодетеля, второго секретаря обкома, до инфаркта. И занял его место.) Сколько же их было, обманувшихся в этом открытом лице? Благородная волнистая седая прядь спадает на лоб… От старого ребенка Андрея Дмитриевича Сахарова до опытного психолога Вощанова, первого пресс-секретаря президента, моего товарища по «Комсомольской правде».

Однажды на одной из вечеринок в газете Паша, ругая меня за переход в пресс-службу, с горечью рассказывал, что знает Ельцина добрых два десятка лет, ещё с тех пор, как работал в строительном институте, а будущий президент возглавлял одноименный отдел в обкоме партии. Во время путча 1991 года Вощанов, рискуя жизнью, прятал у себя на квартире родственников Бориса Николаевича. Еще до того, будучи корреспондентом газеты, летал с ним в Америку. И только журналистское мастерство позволило Вощанову объяснить пьяные выходки Ельцина, растиражированные телевидением по всему миру, усталостью политика и происками спецслужб. (Всю

ночь накануне одного из выступлений будущий президент не расставался с бутылкой любимого виски «Джек Дэниелс».) «Ни одна статья мне так трудно не давалась, — вздыхал Паша. — Но тогда я был членом «семьи». Как отказать близкому другу?..»

Став пресс-секретарем, Вощанов не изменил привычному образу жизни журналиста. Во время зарубежных визитов «отрывался по полной» с коллегами, был доступен и прост, как в светлые деньки работы в «Комсомолке». А вот из поля зрения Службы безопасности исчезал, бывало, на сутки. Коржаков, Недреманное Око, был крайне недоволен, писал наверх рапорты. Итог: Паша снова рядовой корреспондент «Комсомолки». Дружба с президентом, спустя двадцать лет, дала капитальную трещину…

Но если Вощанов, интеллигентный человек, метал обиды в сторону Кремля все же завуалированно, не переходя на личности своих гонителей, — в виде политологических эссе, мощных экономических комментариев, то «неверный Руслан» Коржаков, пренебрегая офицерской честью, составил настоящий донос на бывшего благодетеля. Генерал-пасквилянт! Это единственный случай в новейшей истории России.

Отписался как умел осторожный Костиков (водянистые щи вместо крепкого оздоровляющего бульона). Оставили подобные фолианты и другие бывшие сослуживцы президента. Покойный Суханов, например. (Сподвижник Ельцина ещё по свердловской стройплощадке Лев Евгеньевич Суханов был отправлен на пенсию с легкой руки Юмашева. Когда пришел к старому другу Борису проститься, его даже на порог приемной не пустили. Может, этот плевок и укоротил его дни?..)

Но книга Коржакова — и беспомощная, и злая — все же вызывает сочувствие. В ней заключена подлинная обида. И я лично рад, что она увидела свет. В следующий раз, когда пойдем к избирательным урнам, давайте вспомним эти жалкие и одновременно горькие строки. И выберем достойного человека…

ИСТОРИЯ ОДНОГО РЕПОРТАЖА

Вслед за Коржаковым покинул Кремль и симпатичный пресс-секретарь Сергей Медведев. История его стремительной карьеры и столь же быстрого падения проста.

Медведев был единственным в стране журналистом, сумевшим снять и передать в эфир исторические кадры обращения Ельцина к народу с брони танка. Лучший в его жизни репортаж. Других просто никто не знает. Но этот в окружении президента запомнили хорошо, особенно в коржаковской

спецслужбе, не чуждой благодарности. Если Ельцину хотелось выступить перед телезрителями, звонили по «вертушке» на первый канал и Медведев немедленно выезжал в Кремль.

Когда Коржаков избавился от очередного постылого пресс-секретаря (изгнанный Костиков, как пел Высоцкий, «махнул стакан — и в Ватикан…»), пришло время его любимца. В обход Илюшина — мстительного первого помощника и соперника — Александр Васильевич подготовил проект указа о назначении. И вскоре Медведев въехал на третий, президентский этаж, в богатый кабинет, знаменитый принадлежавшим ещё Лаврентию Павловичу старинным гарнитуром из карельской березы и такими же напольными часами. Первое интервью в новом качестве, к досаде Илюшина, Медведев все же дал на ненавистном втором этаже, в кабинете Бородатого Полковника, пресс-секретаря Коржакова. Невиданное нахальство! Но пришлось на время смириться. Начальник СБП неприятель сильный, упрямый.

Илюшин решил действовать в лучших обкомовских традициях — донимать неугодного человека частыми мелкими просьбами от имени шефа, бесконечными звонками — так, что в туалет нельзя выйти. И Медведев, как по заказу (все журналисты — одинаковы), вечно везде опаздывал, в самое неподходящее время смывался «лечить зубы», не раз вбегал в кабинет Ельцина за секунду до начала мероприятия. Илюшин с ехидной улыбкой каждый промах аккуратно фиксировал.

А тут ещё это секретное совещание… Однажды Коржаков намекнул Медведеву, что в пресс-службе, по его данным, имеется стукач, вернее, информатор ряда центральных изданий. Сергей собрал пресс-службу и, внимательно оглядев каждого из нас, вежливо попросил держать язык за зубами, другими словами, заткнуться — особенно по ту сторону могучего забора. Наутро в «Коммерсанте» появился подробный отчет о секретном совещании у Медведева. Звоню девчонке, которая статью написала — все чистая правда! — и прошу хотя бы намекнуть на её «компетентный источник». «Один из вас», — говорит и смеется.

Илюшин устроил Медведеву очередной скандал.

Коржаков в ответ на страхи своего выдвиженца лишь пожимал плечами: аналитики Службы безопасности, проведя исследование, пришли к выводу, что честная открытая физиономия Медведева, его искренняя манера говорить принесут Ельцину на выборах немало сторонников. «Это — главное, — говорил Коржаков. — На остальное наплюй».

Так и случилось. («Вся страна сил полна, выбор сделала она!» сочиняли в эти дни кремлевские стихотворцы.) После подсчета

голосов Медведев приосанился, как Хлестаков, получивший долгожданный обед — «Ну, хозяин, хозяин… Я плевать на твоего хозяина!» И начал в коридорах победно поглядывать на Илюшина.

Но угроза-то была совсем с иной стороны. Рыжий Лис, стремительно захватив кремлевский плацдарм, по согласованию с вновь избранным президентом первым делом избавился от коржаковских кадров.

Кем должен ощущать себя человек, которого в рекламных целях повсюду выставляли на показ, а потом убрали? Правильно. Использованным резиновым изделием № 2, выброшенным в окно. Кремлевские лужайки сплошь усеяны ими…

ФИАСКО

Сидим с Игорем Николаевичем Родионовым, бывшим министром обороны, в гостиничном номере комплекса «Измайлово» (он готовится к выборам депутата по одному из московских округов, здесь его штаб) и снова возвращаемся к самой неприятной сцене в его жизни. Неохота генералу это вспоминать, противно. Щеки его багровеют, но он пересиливает себя.

Сцена такая. Пригласив Родионова на доклад о ходе военной реформы, Ельцин, выслушав вступление, вдруг прервал его и, оставив стоять как мальчишку, грубо отчитал за положение дел в армии — «разъелись, понимаешь, генералы под вашим руководством, строят дачи, а солдаты голодают». Родионов было заикнулся, что ему нужно полчаса, чтобы доложить об истинном положении дел, дачи — не главное. Но Президент (в этот день помимо прочего у него разболелась спина) с недоброй улыбкой заявил, что хватит и пяти минут: указ об отстранении министра уже лежал перед ним на столе. К чему медлить?

Что-то надломилось в душе у Родионова. Сдерживась с трудом (впервые в жизни слышал брань в свой адрес, да ещё такую несправедливую), он подумал, что вот дожил до седин, хлебнул в жизни, один Тбилиси чего стоит, где, подчиняясь ненавистному приказу из Москвы, руководил операцией «по наведению конституционного порядка»; но никогда, никогда — даже в школе он не был козлом отпущения. А на старости лет пришлось. «Элитный генерал», — с тоской усмехнулся он. Еще подумал Родионов о своих «удачливых» коллегах — «Паше с Матюшей» (Павел Грачев и Матвей Бурлаков), которые приватизировали чуть не половину собственности Западной группы войск, сутяжничали, судились с газетами, а теперь (вместо тюрьмы) кто торгует оружием в Брюсселе, кто растит брюссельскую капусту на даче… Разве он, Родионов, допустил бы, будь он тогда министром обороны, чтобы матросы на острове Русском под Владивостоком, как зеки в Бухенвальде, подыхали с голоду? А берлинские пляски Верховного Главнокомандующего? А чеченская кампания? Развязать-то войну развязали, а кто прекратил? Саша Лебедь, его ученик. Все это пронеслось в голове Родионова за доли секунды, и голова вдруг стала тяжелой, в глазах потемнело. Как оказался на улице, не помнит до сих пор…

Гнев президента не был случаен. И причина отставки не только в расхождениях с Батуриным по поводу военной реформы, как писали тогда газеты. Вовсе даже не в этом. Родионов

случайно, сам того не желая, разворошил давнишнее змеиное гнездо. Он находился на высоком посту уже несколько месяцев. Однажды ему в руки попали документы, в основном оперативного характера, которые заставили генерала схватиться за трубку прямой связи с президентом. Он о многом догадывался, кое-что просачивалось в печать, но масштабы деятельности некоторых высших сановников министерства ужаснули его.

Выяснилось, что один из руководителей на пару с женой, верной боевой подругой, занимались приватизацией и продажей недвижимости Министерства обороны. Вырученная сумма — миллионы долларов. Другой военный иерарх в обход руководства провел крупномасштабную тайную акцию по переброске вооружений в одну из Закавказских республик. Были задействованы десятки тяжелых транспортных самолетов, которые доставили восточным партнерам автоматы, танки и системы ПВО на сумму более полутора миллиардов долларов! А министр ничего не знал! Как знать, если действовали скрытно, да ещё и прикрываясь его именем? Бывшее руководство, похоже, было в курсе, но побоялось или не захотело с этим идти наверх. Родионов пошел.

Ельцин выслушал вроде благосклонно, дал команду проверить изложенные в рапорте факты, обещал подключить Куликова. И тут началось! Разворошенный серпентарий перешел в атаку. Влиятельные гонцы всесильных коррупционеров обступили плотным кольцом кабинеты кремлевских чиновников, насели на Совбез и Совет обороны. Ельцину потекла информация, что генерал слаб, склонен к нытью и жалобам, не способен железной рукой проводить политику президента. Ельцин и вправду не любил жалобщиков, а ещё больше — гонцов, приносящих плохие вести. «Таких гонцов неплохо бы лишать башки, как в средние века». Недруги Родионова сделали верный ход и накрутили Ельцина как заводного зайца. При очередной попытке министра обороны доложить о безобразиях в армии, Верховный налился свекольным цветом и стукнул кулаком по столу. «Хватит гадостей, нечего меня нервировать, вы — министр, вы и расхлебывайте», — читалось в его прищуренных глазах.

Вскоре была выволочка и указ об отставке. Следует добавить, что лишились постов и упомянутые выше армейские дельцы…

А следом и безобидного реформатора армии Батурина заприходовали в космос.

«А хорошо бы не Батурина, — сошлись мы во мнениях с Родионовым в конце разговора. — Хорошо бы всё их кремлевское племя посадить в одну ракету да отправить малой скоростью туда, где они ещё не были. Летите, голубки…»

ХАЙ, МИСТЕР МАЛРУНИ!

Хулиганистому личному фотографу президента Диме в Кремле прощали все.

Простили драку с личным же фотографом Дзян Дземиня на глазах у двух президентов. В Кремле шли официальные переговоры, зал — большой, места много, кроме высших лиц — только переводчики. Но Дима с китайцем, как два носорога, ухитрились не поделить территорию. Пустив для начала в ход локти, они затем побросали камеры и пошли врукопашную. Акустика в зале хорошая, затрещины звучали с резонансными колебаниями — как в ленте «Первая кровь». Лидеры России и Китая оцепенели и, оторвавшись от бумаг, наблюдали за диковинным зрелищем. Дебоширов с трудом выволокли в коридор, где Коржаков (слышали очевидцы) налегал в разговоре с Димой на слова «табельное оружие»…

Простили распространенное Димой по агентствам фото Ельцина и Малруни на охоте в Завидово. Невинная такая карточка, заработал немного деньжат что такого? Стоят два лидера над тушей убитого оленя и улыбаются. Но в Канаде — не в пример родному государству — снимок вызвал возмущение, Малруни чуть не объявили импичмент. В Квебеке и Онтарио, Оттаве и Ванкувере начался сбор подписей за отставку премьер-министра — злобного истребителя животных (хоть и был убит олень в чуждой стране). Откуда Диме знать, что в Канаде «зеленые» — не только доллары, но и значительная часть граждан страны…

Простили Диму не потому, что он (помимо прочего) офицер Службы безопасности президента. Как и Сергею Медведеву, фотографу первым выпало счастье зафиксировать на пленку неистового борца с коммунизмом в дни его «сомнений и горестных раздумий», в дни триумфа. Снимки обошли весь мир. Дима стал членом «семьи». Б.Н., не мог на него нарадоваться. Статный, вровень с президентом, веселый — образ вечного мальчишки и шалопая. Впрочем, описывать их взаимную приязнь — многочисленные, по всему миру, фотографии на память, снимки с друзьями Биллом и Гельмутом, Жаком и крошечным Рю, картины семейной идиллии — на природе ли, у скромного ли камелька в рыбацкой избе (см. следующую главу) — все это описывать я не стану. Лучше расскажу, как президентского любимчика из Кремля вышибали.

Шло недолгое царствование Чубайса, президентская дочка под льстивые нашептывания «молодых реформаторов» уже

нацеливалась на кабинет рядом с папиными покоями, придирчиво щупала атласные обои будущей резиденции, подбирала итальянскую мебель; новое поколение «сникерсов» — кохи и бойки готовились поразить мир писательскими откровениями, ложно-значительный Доренко пока что расчетливо бегал к Чубайсу в надежде на новое назначение. Он-то, Доренко, и стал тем счастливым для Рыжего посланцем, который помог избавиться от Димы-фотографа, а заодно и от малочисленного, потрепанного в боях арьергарда коржаковских войск, все ещё партизанивших в Кремле.

Случилось так, что в один день, одновременно, но в разных кабинетах президентской резиденции сошлись две разномастные компании — отмечать два события: назначение Сванидзе директором Российского телеканала и день рождения Коржакова. Торжества, как всегда, вылились в изрядную пьянку. Пустели рюмки, близилась развязка. Наконец, пошатываясь, с разных сторон коридора, в сторону туалета выдвинулись два человека. Помыв руки, они увидели в зеркале нетрезвые отражения друг друга. «Дуренко!» — якобы вырвалось у Димы. Телеведущий якобы приветствовал фотографа увесистой оплеухой. Дима не стерпел и якобы несколько раз умакнул обидчика головой в унитаз…

Вернувшись назад, слегка подмокший Доренко наябедничал о происшествии в сортире. Чубайс тут же позвонил Ельцину по прямому телефону.

— Всю компанию убрать! — рявкнул президент и несколько мгновений спустя, полувопросительно: — Диму-то, пожалуй, не стоит…

— Еще как стоит! — потребовал руководитель администрации, чувствуя себя в своем праве. В самом сердце Кремля коржаковское гнездо!

— Так тому и быть, — сказала трубка…

Кроме Димы, выдворили и личного официанта, и личного парикмахера, замначальника штаба Службы безопасности и ещё пару мелких чиновников.

Доренко («Самый красивый ведущий», — изрек Ельцин и сглазил) вскоре после прихода Юмашева переметнулся в другой лагерь, к Березовскому — метать с экрана громы и молнии (очень страшные) в недавних соратников…

МОКРОЙ МЫШКОЙ…

То-то куражу было у бывших корреспондентов «Комсомолки», когда «нашего Валю» сделали руководителем администрации президента!

Обрадовался, как дурак, и я. Позвонил по «вертушке» в приемную, попросил соединить с руководством. Юмашев снял трубку:

— Заходи, старик. Всегда рад тебя видеть.

И я отправился к старому другу.

В приемной царили две энергичные секретарши.

— Валентин Борисович занят, — смерили они меня взглядом с ног до головы. — Вы записывались? Из какого подразделения? По какому вопросу?

Я сбивчиво объяснил.

— Много тут таких посетителей, ждите. У него весь день по минутам расписан. — И понизив голос, в сторону: — Налетели, поздравители…

— Но мы договаривались…

— Много тут таких… — эхом отозвались дамы.

Я вышел в коридор. Тихо, пусто. Осмотрелся по сторонам. После ремонта Первого корпуса всего лишь раз был здесь. Ничего не осталось от старого Кремля. «Лувр и Мадрид». Зеркальные, карельской березы лифты (говорят, финны таких дорогих ещё не собирали), отделанные яшмой подоконники, золото и лепнина. Будуар дорогой кокотки, а не рабочая резиденция президента России!

Когда-то Валя Юмашев квартировал в «аппендиците» длинного коридора «Комсомолки», в убогой прокуренной комнате «Алого паруса» (был в начале 80-х такой популярный выпуск газеты). Слегка богемный облик — потертые джинсы и свитер, улыбчивый, в меру пьющий1 Юмашев вызывал в коллективе симпатию. Бойкое перо, на редколлегии всегда готов подраться за своих ребят. Первой публикацией в «Комсомолке» обязан ему и я.

В конце 80-х, когда по стране прокатились первые выборы директоров предприятий, Юмашев предложил провести подобную акцию в «Комсомолке» вакантным было место первого зама. Но это совсем не вызвало симпатии у Геннадия Селезнева, тогдашнего главного редактора газеты. И он предложил Вале покинуть родные теплые стены. Так оказался он в «Огоньке», куда вскоре пожалует со своими мемуарами отставник Ельцин…

…Забавно было наблюдать, как они сидят визави в кабинете президента и обмениваются многозначительными взглядами —

бывший редактор и изгнанный им бывший спецкор. О каком согласии между ветвями власти может идти речь?.. Но пора назад, в приемную Юмашева. Минуло три часа, как я слоняюсь по мягким коврам Кремля.

— Все ещё занят… — принужденной улыбкой встретила секретарша.

Только после семи часов вечера меня запустили, наконец, в сияющий шелками кабинет хозяина администрации. Маленький Валя едва виднелся из-за массивного стола в углу кабинета. Встал навстречу, рукопожатие, в отличие от президентского, вялое. Лицо озабоченное. В тесном костюме и галстуке он, видно, ощущал себя как Пиноккио.

— Не страшно? — спросил его, оглядывая бесчисленные разноцветные папки с ярлыками, скопившиеся на столе, и такой же длинный ряд телефонов.

— Противно, — к удивлению, ответил Валя. — Ну? Как дела?

Так и так, говорю, Валька, совсем погряз в бумажной работе. Твои друзья, молодые реформаторы, говорю, развели такую бюрократию, что мухи дохнут. Бесконечные циркуляры, сравнительные таблицы, каждую бумажку нужно согласовывать в десяти кабинетах. Никогда такого не было. Найди мне, прошу, занятие, чтобы пользу приносить. Серьезную аналитику готовить или ещё что. Могу писать радиообращения или обдумывать национальную идею. Сейчас в Кремле это популярно…

Валя уклончиво обвел глазами мебель.

— Свяжусь с тобой, — говорит, — через пару дней, оставь телефоны в приемной, есть идеи, связанные с «паблик рилейшнз».

— Совсем наши коллеги-журналисты заругали «Борьку Ельцина», — сказал он на прощание. — Надо что-то делать…

Что за идеи, так и осталось загадкой. Потому что ни через пару дней, ни через неделю, ни через месяц старый приятель не позвонил. Секретарши же соединять не стали. И правда — на черта ему прежние знакомства? Старая «Комсомолка» давно угасла. А новый Валя, углубившись в кремлевские лабиринты, из рубахи-парня давно превратился в мокрую мышку. (Один мой приятель всякий раз, когда устраивался на новую работу, убеждал руководство: возьмите меня, не прогадаете, я — мокрая мышка. Там, где обычная не пролезет, — мокрая проскользнет!) Разбогател, ребенка на чужбину снарядил — набираться ума на пару с царским отпрыском. Алую кровь сменил на голубую. Научился, вслед за своим героем и покровителем, в нужный момент отворачиваться от друзей. И как Селезнев в «Комсомолке» — стремительно убирать неугодных.

Но и мокрая мышка не застрахована от ловушки. Даже такой

близкий человек, как Валя, не смог до конца распознать волчий характер воспетого им президента. Сам, впрочем, виноват. Прохлопать у себя под носом «заговор», допустить, чтобы двое ближайших холопьев — Кокошин с Ястржембским — посмели предложить на пост премьер-министра кандидатуру Лужкова — приговор самому себе. Уж Юмашеву-то лучше других известно, что Борис Николаевич терпеть не может Юрия Михайловича. Как и любого другого кандидата на его кресло. Сама мысль о передаче власти ему ненавистна. А тут близкий человек недоглядел, что хлопочут за опасного конкурента. И потянулась нетвердая рука к «монблану», «монблан» к бумаге. Секунда — и слова свободно потекут: «…освободить Юмашева В.Б. от занимаемой должности…»

…Все, граждане, пора остановиться. «Предательский список» Ельцина не уступит любовному Казановы. Очень длинный список. И конца ему не видно…

«КОЛЕБЛЯСЬ НАД БЕЗДНОЙ…»

Исповедь кремлевского опера на тему 17 августа

Незадолго до смерти Достоевский воскликнул: «Вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной». Ему не дано будет узнать, что через месяц после его кончины трагически оборвется неспокойное царствование Александра II.

Слова писателя звучат сегодня так же тревожно, как и сто лет назад.

Последнее десятилетие уходящего века изобиловало смертями и кровью, мы пережили два путча, и только стечение обстоятельств уберегло страну от новой гражданской войны. Не успев отдышаться после позорной чеченской кампании, мы опять, по воле неразумных политиков, оказались у края бездны. И вновь приходится задавать себе вечные, «достоевские» вопросы: почему Россия в цветущем хороводе стран, среди красивых подруг всегда остается дурнушкой? Чья злая воля преследует нас?

Поговорить об этом я решил не с литератором, философом или политологом, а с полковником Г., в недавнем прошлом сотрудником Службы безопасности президента. На глазах у Г. и при его участии разворачивались события, дающие объяснение многим сегодняшним бедам и болезням. Кроме того, прогнозы профессионального оперативника будут полезны в дни нового нежданного кризиса, когда перед ограбленными людьми снова, как и десять лет назад, встает отнюдь не «достоевский» — «животный», насущный вопрос жизни скупать ли на последние крупу, готовясь к зимней голодухе, или выходить с кистенем на большую дорогу…

МЕРКНУЩИЙ СВЕТ «АЛЬФЫ»

— Ты, по-моему, тогда ещё в Кремле работал, — рассказывает начинающий седеть, но не потерявший ни спортивной формы, ни стального волчьего огонька в глазах полковник Г. — Должен помнить ту ночь с 3 на 4 октября 93-го года. Похоже на сегодняшнее настроение — голова кружится, ноги ватные, апатия. И мелодия Шевчука — «что же будет с Родиной и с нами…» в мозгу вертится. Вызывает меня поздно вечером Борис Ратников, зам Барсукова. Говорит только что к Коржакову приходили Бурбулис и Филатов, оба бледные. «Последний — натуральная

моль в муке!» — смеялся после аудиенции Коржаков, особенно «расположенный» к руководителю администрации. Рассказали, что обнаружили где-то в Подмосковье чудо-физика, создавшего лазерный прибор, воздействующий на толпу. Несколько пучков света, направленных в глаза, — и «враги демократии» ослепнут, некому будет Кремль брать. Ратников вручил мне адрес — «возьми пару ребят, съезди, выясни, в чем дело». Вернулись ночью чертыхаясь — туфта! Прибор весом чуть не в три тонны, экспериментальная модель, до «эксплуатации» ещё далеко. Но злился я не из-за гиперболоида, будь он неладен. Возмутило другое — божий одуванчик Филатов (вечно в глазах слезы, как у старой девы), голос тихий, жалобный, своей тени боится, а какую расправу над народом удумал! Да и глупо как.

Впрочем, не менее глупо и жестоко было посылать «Альфу», призванную освобождать заложников, штурмовать Белый дом… Незадолго до этих событий мне было поручено подготовить секретный указ об оперативном подчинении «Альфы» Службе безопасности президента. Ельцин указ подписал. Но когда ребята отказались от штурма, досталось не Коржакову, начальнику службы, а Михал Иванычу Барсукову. Коржаков уже был высокого полета птицей, недосягаемой. Но больше всех влетело Геннадию Николаевичу Зайцеву, руководителю «Альфы». Об этом ещё нигде не писали, скажу только тебе: Зайцев два раза был близок к самоубийству — в ночь, когда штурм не состоялся и Ельцин материл офицеров так, что на улице было слышно, и когда его увольняли. Игорь Митрофанов, спецназовец, случайно войдя к Зайцеву, в последнюю секунду отвел руку Геннадия Николаевича с пистолетом от виска… Не перевелась ещё офицерская честь!

А что Ельцин, спрашиваешь? То же, что и всегда. В ту ночь, как ты помнишь, он не соизволил обратиться к нации (как и в пору нынешнего кризиса вместо того, чтобы успокоить людей, обсуждал с болгарским президентом перспективы сотрудничества. В стране паника, у людей испаряются последние копейки, а у президента душа болит, что с Болгарией торговля вялая…). Тогда на телевидение отправили Костикова — брешь прикрывать, он пытался что-то мямлить: Ельцин, мол, со своим народом, переживает, весь на защите конституционного строя. А он не с народом был — с бутылкой, оттащить от которой его и трактором невозможно. Нажрался, прости за грубость, сел в вертолет, благо тут же, на Ивановской площади дожидался, и улетел восвояси — в санаторий «Русь»… Танки стояли уже на мосту, у Белого дома.

И ещё поразили меня твои коллеги с Первого канала телевидения, скажи им, пусть не обижаются, тем более что канал

отключил их тогдашний начальник, большой храбрец Брагин. Но все же… Сутки съемочная группа безвылазно просидела в Кремле в одном из кабинетов. Я понимаю, не работает канал. Но можно было хотя бы для архива поснимать, никто не препятствовал. Си-эн-эн ведет прямую трансляцию из Кремля, а эти друзья всю ночь на стульях промыкались, даже во двор не вышли…

Стыдно сегодня за всех, кроме «Альфы». За вас стыдно, пресс-службу, где ты тогда служил. Не успели танки ударить по парламенту, как тут же началась пьянка. За что бокалы поднимали? Впрочем, что я спрашиваю? Этажом ниже мы все хорошо слышали…

За себя стыдно, хотя удалось под утро (всю жизнь буду гордиться этим) лично вывести из Белого дома около двадцати вооруженных казаков, убедить их не стрелять по людям… Вспоминаю тогдашнее состояние. Нервы, как «верный «калашников», на взводе, тревожно, темно, светомаскировка. Ожидали штурма Кремля. Самое страшное, отдай Коржаков приказ стрелять — выстрелили бы. Сволочи, конечно…

«С ЛЕГКИМ СЕРДЦЕМ…»

(Рейс Токио-Москва)

Спустя восемь дней после штурма Ельцин отправился с визитом в Японию. Еще тлел обезображенный парламент, не все трупы успели опознать, ночью действовал комендантский час. Какие-то сметливые предприниматели успели за пару дней выбросить на прилавки магазинов оригинальную водку «Краснопресненская» — на этикетке не пшеница, как заведено испокон, а пылающий Белый дом. Остроумно. Водка шла нарасхват. Что мы за страна?

Перед отлетом из Внуково, по традиции, Ельцин на минуту подошел к журналистам. Сияя, заявил, что противостояние в Москве закончилось. Власть крепка и следователи наши быстры — супостаты все как один в «Матросской Тишине». Прощаясь, сказал с улыбкой:

— С легким сердцем я покидаю Москву…

Журналисты опустили глаза.

…Я уверен, что и сегодня, в пору нарождающейся смуты, которая неизвестно чем закончится (тогда было противостояние властей, ныне — власти и всего народа), наш президент-оптимист опять широко улыбнется, приложит руку к отреставрированному сердцу и заявит:

— Дорогие россияне! Как гарант Конституции заявляю: кризис преодолен.

В Горках-9, не спорю, — преодолен. Мы к этому ещё вернемся и кратко изложим, как полковник Г. с кризисом боролся. Гарант же Конституции, как известно, не тамбовский окорок, на хлеб не положишь…

…Не знаю, легко ли было на сердце у президента, но когда летели обратно из Токио, я лично наблюдал, что творилось с его подопечными. В переполненном самолете (журналисты, сотрудники охраны, мидовцы) царило похоронное уныние. Бессонные ночи до и во время штурма, затем влажный стремительный Токио, где все из рук валилось — то журналисты терялись, то пропадали официальные бумаги, то опаздывал транспорт, — сделали свое дело. Люди переутомились, глубоко запустили руки в поклажу и откупорили водку. Лететь предстояло долго. К середине пути пустые бутылки катались по салону, как в старые времена — по проходам в кинотеатре. Голоса постепенно окрепли, и центральный салон превратился в многоголосый нестройный хор. Физиономии раскраснелись, глаза стали шарить по салону — к кому бы прицепиться. Еще полчаса — и в передовом президентском лайнере началась коллективная истерика.

Трое журналистов, сойдясь в кружок, материли моего коллегу, сотрудника пресс-службы, за то, что японская пресса получила официальные документы якобы раньше российской. Он рыдал в голос, как многодетная мать, брошенная мужем, и прикрывал голову руками. В хвосте высокопоставленные сотрудники МИДа добивали очередные пол-литра, одного из них мутило, но до туалета он уже дойти не мог. Прощайте, красочные японские подарки, до свидания, шелковые кимоно! Какой дурак их тут оставил на поругание?

Визг девушки, журналистки одной из газет, на секунду перекрыл всеобщий гвалт. Она удирала от дюжего охранника, пытавшегося утащить её в передний, фешенебельный салон. Между ними вырос парень из «Интерфакса» и заявил пьяному Рэмбо: «Пошел вон, дурак!» Стальные пальцы впились в его горло. Журналист начал хрипеть, глаза вылезли из орбит. Но на помощь никто не шел. Наконец, подоспели пилоты (больше трезвых не обнаружилось) и, вдвоем повиснув на руке атлета, в последнюю секунду сумели разжать пальцы…

Так мы, строгие кремлевские чиновники, воплощение здоровья нации, сопровождали в официальной поездке нашего президента, бодрого оптимистичного человека…

— Генерал Георгий Георгиевич Рогозин был для Кремля, как выражаются твои коллеги-пижоны, фигурой знаковой, — продолжает полковник. — Я знаком с ним давно, со времен Высшей школы КГБ. Запомнилось офицерское собрание 1976 года. Времена были строгие. Докладчики читали по бумажке. Вдруг на сцену буквально влетает молодой офицер в морской форме капитан-лейтенанта. Черная форма, черные волосы, черные усы, а лицо бледное, нервное. И речь его необычна. Впервые за годы учебы я услышал трезвые и даже горькие оценки обстановки в нашей школе. Георгий рассказал ошарашенной аудитории о том, что несколько курсантов, наших товарищей, пытались изнасиловать девушку, она не выдержала издевательств и выбросилась из окна. Другие до исподнего проигрываются в карты, третьи — теряют секретные документы. Руководство нахмурилось, но поддержало смелого аспиранта. Вскоре все училище знало его в лицо… Я только с годами понял — то выступление было тонким расчетом, всю жизнь он любил покрасоваться, выделиться из толпы, особенно в Кремле, где за неимением других талантов стал придворным шаманом и звездочетом, а также правой рукой Коржакова…

В КГБ Рогозина быстро раскусили. К 1992 году он дослужился лишь до советника отдела в управлении военной контрразведки. Затем перешел внештатным консультантом в экономическую комиссию Лобова. Решил, наконец, уволиться, уехать к матери во Владивосток, где в юности морячил на каком-то плавсредстве (вот откуда любовь к морской форме!) и где его завербовали наши славные органы. Но попал не во Владивосток, а в Кремль, где в это время стремительно шло создание Службы безопасности президента и куда его кто-то сосватал с Лубянки. На Ратникова, а потом и на Коржакова он произвел хорошее впечатление — подтянут, аккуратная щеточка уже седых усов, педант, а это ценят в Кремле. Я уже работал в службе, курировал оборонную промышленность, и мы часто виделись в коридорах с Жор Жорычем. Вскоре я заметил перемену, произошедшую в нем. То ли стал чуть высокомернее, то ли глубоко переживал свое нежданное восхождение на вершину власти. Ведь вспомни 92-й год. Эйфория! Мы ночи напролет проводили на работе, обсуждали, как будем обеспечивать безопасность охраняемых лиц, спорили о месте нашей службы в системе безопасности государства и о безопасности государства в целом.

Но изменился Рогозин не поэтому. Вот причина. Коржакову очень по душе пришлась давняя страсть Георгия —

парапсихология, астрология, предсказания, всякие там оккультные науки. Учти — демократия на дворе, а не время братьев Лаутензак… Много позже Жор Жорыч в многочисленных интервью отрицал свое кремлевское шаманство, но я-то точно знаю, видел собственными глазами его «продукцию» — графики, диаграммы, карты расположения светил, которые он ярко раскрашивал. И на каждой — личная круглая печать с фамилией, как у доктора… Коржаков ему в конце концов звание генерал-полковника выхлопотал, хотя Рогозин контр-адмиралом желал стать. Едва ли не каждый день приходил к шефу на доклад. «Сегодня планеты выстроились так, что нужно быть поосторожнее в принятии решения, хорошо бы его отложить…» Представь себе — предсказания в области оперативной работы! А небесные диаграммы целых политических структур! А порча политиков! Вот почему, оказывается, у Зюганова ничего не получается… Вполне допускаю, что Жор Жорыч нашаманил и наезд Службы безопасности на Гусинского у мэрии, и коробку из-под «ксерокса»…

Нас со Стрелецким, кстати, первыми вышвырнули из службы. А ведь не нужно было трогать эту коробку! Сколько их было, не счесть… Промашку дали. А все после того, как Коржаков обратился к Ельцину с просьбой всю финансовую документацию по предвыборной кампании сосредоточить в службе. Этого рыжий Толик со своим штабом пережить не смог…

Спрашиваешь, составлял ли Рогозин гороскопы Ельцину? Едва ли. Ельцин бы не потерпел. Президент у нас сам предсказатель, всему государству диаграммы рисует. Ванга, понимаешь… Немцов с Чубайсом до 2000 года, рубль никогда не упадет…

И ведь учти, это в элитной спецслужбе происходило. Что же тогда на местах делается? Вот и не спрашивай, почему мы сегодня у края какой-то там бездны колеблемся…

ГОРКИ ЕЛЬЦИНСКИЕ

…Кризис в Горках-9, о котором мы упоминали выше, вышел вот какой.

Управление делами президента пару лет назад тихо-мирно достраивало дом, никого не посвящая в проектную документацию, не откровенничая с многочисленными зеваками и завистниками, которые издалека и с прищуром разглядывали контуры державного здания, возводимого неизвестно для кого и на какие деньги. Они-то, недоброжелатели, видать и настучали в местную налоговую инспекцию на неведомого богатея. И налоговые службисты по незнанию нагрянули на стройку, наорали на начальника строительства, изъяли все финансовые документы. Каково же было удивление, когда общая сумма строительства составила 27 тысяч рублей! «Кто ж над нами так издевается?» стукнули кулаком по столу инспектора. Срочно направленный из Кремля на машине с мигалкой полковник Г. объяснил, кто. И документы отобрал. И велел покрепче прикусить язык…

ФАНЕРНАЯ ДВЕРЬ

— Чего же удивляться, — продолжает полковник, — если и окружение ведет себя так же. Возьмем военно-техническое сотрудничество. Об этом много говорилось в прессе. То, что произошло в «Росвооружении» у Шурика Котелкина и здесь, у Бориса Кузыка в Кремле, — позор Службы безопасности, мой личный позор, ведь я их курировал. Знал об их проделках, о том, что исчезло 50 миллионов долларов. И ничего не мог поделать, знал и молчал. Что я, ангел, что ли? Ты же сам в Кремле работал, знаешь, как там зрение меняется, парализуется воля. И вовсе не кажется, что страна катится в пропасть. Они и сейчас, тани, вали и абрамовичи, не чувствуют… Вот у тебя дома, к примеру, фанерная дверь. Соседям надо об этом знать? Пусть думают, что железная. До сих пор многие уверены, что в Кремле высокие крепкие стены, что за ними люди хоть и не выдающиеся, но все же государственного ума, ищут выход из кризиса, не спят по ночам… Фанера там, одна фанера, которую и кулаком вышибить можно… Есть, конечно, порядочные люди. Но вспоминаю, как увольняли. У бывшего опера не так много мест, куда можно устроиться, банки, охранные структуры. Так вот, почти во все места, куда пытался наняться, звонил на опережение какой-то

добрый человек из службы и обливал меня грязью… Чего удивляться? Президент тоже бывших соратников не щадил. Ельцин всех предал. Всю страну. Отступился. Считаю — самый тяжкий грех…

«И МЫ НИКУДА НЕ ГОДИМСЯ…»

В конце разговора полковник Г. сказал:

— По идее, народ должен был кинуться на улицы с криком «грабят!», но ничего подобного не наблюдается, все устремились не к Кремлю, а в магазины скупать гречку. Покорность вековая, проклятая… Я, конечно, не призываю на баррикады, но как-то надо себя защищать. Народ в массе необразован. Он понимает, что государство-наперсточник его обманывает, но что делать — не знает. Власть у нас, конечно, поганая. Но и мы, поверь, никуда не годимся.

Что я вижу в будущем? Уничтоженные вклады, нищие толпы. Страна бомжей! Они, как гунны, в конце концов все сметут на своем пути. И часть профессиональных оперативников, которых гонят сегодня с Лубянки, став люмпенами, возглавят эту орду. Но это будет ещё не завтра. Еще будут попытки сломать Конституцию, которую Ельцин написал для личного пользования, создать коалиционное правительство. Только, друзья, как ни садитесь… Необходимое решение сегодня — принятие парламентом закона о президенте. Пусть дадут ему охрану обильную, пусть живет в Горках и носа не показывает, Тане — дачу, внуку — колледж в Винчестере. Но только пусть он уходит в отставку!

И вот ещё что. Страшнее всего не бунт и не революция. Страшнее всего грядущие безмолвные смерти на бескрайних меридианах отечества. Как представлю себе одиноких обобранных старух где-нибудь в Вологодской области — не по себе становится. Дай Бог, чтобы хватило у них дров, и была конфета к чаю, и чтобы автолавка с продуктами не завязла в грязи. Дай Бог, чтобы они благополучно перезимовали…

Беседовали с полковником в сентябре прошлого года. Спустя три месяца мой сосед, владелец дома в Подмосковье, со страхом рассказывал: когда выпал первый снег, связь его деревни с большим миром прервалась. Единственный на всю округу магазин заколотили крест-накрест — нечего продавать, некому покупать. Пенсии малочисленным обитателям покосившихся черных изб не выдают уже больше года. Дети разлетелись по миру, колымят, забыли о родителях. Запасы продуктов и дров на

исходе. Если доживем до лета, вздыхали старики, придется вспоминать голодные 30-е, лебедой питаться да лопушками. Одна старуха, горевал сосед, лета уже не увидит. Пошла пешком (о транспорте давно забыли) в соседнее село к доктору да замерзла по дороге. Соседи насилу нашли, откопали в придорожном сугробе заледеневший труп…

Впереди — новая зима. Начало третьего тысячелетия… до нашей эры

«Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОДКУ…»

М и т р о ф а н.
И теперь как шальной хожу.
Ночь всю така дрянь в глаза лезла.
Г — ж а П р о с та к о в а.
Какая ж дрянь, Митрофанушка?
М и т р о ф а н.
Да то ты, матушка, то батюшка.

Д.И. Фонвизин. Недоросль

(Опыт записи кремлевского сна)

Незадолго до ухода из Кремля пришлось, как и многим чиновникам, заниматься разработкой национальной идеи. Ничего путного не надумал, лишь извел сотни киловатт электроэнергии — компьютер не выключался сутками. Глаза стали красными, голова тяжелой — как у бурсака, одолевающего накануне госэкзамена пятилетний курс литературы — от Гомера до писателей-деревенщиков. Иные коллизии этой идеи (оставшейся недодуманной), не давали покоя и по ночам…

«…Толпа заполнила всю площадь до отказа (лишь в девяносто первом, после путча, здесь был такой людской водоворот). Накачанные парни безопасность — сомкнули плотным кольцом Ельцина. Как на шарнирах, с каменным лицом он двигается медленно к трибуне. Сейчас поднимется и скажет: «Россияне! Идея, что нас всех объединяет, скрывается за этим покрывалом. Там монумент, который я народу решил оставить в память о себе. Когда-то здесь стоял железный Феликс, хороший памятник, но очень уж зловещий. Его мы скинули на радость демократам, засеяли травой пустую клумбу, из Соловков гранитный камень скорбный доставили как память об ушедших. Но все же не давала мне покоя одна идея, что нас всех объединяет — н а ц и о н а л ь н а я идея, так сказать. Десятки умников из разных управлений моей администрации потели, но ничего в башках их не родилось, бумаги тонны две перевели. И что же? Самому, как прежде, приходится все делать — печь указы, спецпредставителей по миру рассылать, чтоб одолеть балканский этот кризис. Как будто нашей родине несчастной гуманитарная

помощь не нужна…» Но я отвлекся…

Тут сползает покрывало, и гул восторга заполняет площадь. Один лишь раз — когда Дзержинского тащили, подъемным краном ухватив за горло, — всего лишь раз такое помню здесь…

На постаменте высилась Бутылка — белый мрамор. По этикетке вязью золотой три строчки — «Русской водке. Ты нас объединяла и в сраженьях, и в горестях, и в радостях побед. Не предавала, не лилась напрасно, так будь навек защитницей от бед!»

Все ветви власти, что сошлись на площадь, рукоплескали ельцинскому дару. Чугунный бог — Зюганов — улыбался и жал прочувствованно президентску длань. «Теперь мы — вместе, Николаич, прочь раздоры, импичменты вам больше не грозят. Войдем же в новый век достойно, как партнеры, чтоб убеждения друг друга уважать. Мы вас на третий срок поддержим, не волнуйтесь, вот спикер Селезнев не даст соврать. Давно бы так! Не все ж прямой наводкой из танка по парламенту стрелять…»

И все на площади друг друга поздравляли. Простив жидов, неугомонный Макашов с Борисом Березовским обнимался. Анпилов «трудороссов» караул к двум синагогам взорванным отправил — нести дежурство, неустанно защищать от террористов «братьев наших верных»…

…Из всех лубянских окон офицеры тот всенародный праздник созерцали. И души их переполняла радость. А в девяносто первом было грустно…»

ХОЛОДНЫЙ ЯНВАРЬ

Стоим в чистом поле. Ветер, мороз. Щуримся на низкое ледяное солнце. Ельцин опаздывает уже на час. Сколько ещё топтаться? Ровно пятьдесят лет назад здесь, в нескольких десятках километров от Ленинграда, наши войска прорвали фашистскую блокаду. В северной столице событие решили отметить торжественно. Собрали ветеранов, посадили в автобусы, привезли сюда. Разбили армейские палатки, над ними уже вьются дымки полевых кухонь, где-то внутри припрятаны ящики с «наркомовской». Ее, родимой, больше всего сейчас и не хватает. Журналисты, дуя на пальцы, расчехлили камеры. Оделись, как назло, легко, по-московски, у многих мороз прихватил щеки. Все готово к началу мероприятия. Нет только президента с Собчаком. Наверное, начали отмечать. Мэр-златоуст, похоже, оплел президента своими сладкими речами и тот забыл, куда и зачем приехал. У стариков-ветеранов, построенных в шеренги, от

холода выступили слезы, они то и дело вытирают глаза. Со стороны кажется — плачут…

Вдруг в толпе началось лихорадочное движение: охрана по рации получила сообщение — кортеж на подходе. Наконец, наше Красно Солнышко, ведомое неотлучным Коржаковым, предстало перед бывшими воинами. Недолгая официальная речь, рукопожатия, интервью для телевидения. Все. Можно идти греться. Хозяйским жестом Ельцин пригласил всех угоститься, чем Бог послал.

* * *

Палаток было две. В одну направился президент со свитой и частью ветеранов, на другую охрана указала большинству стариков и нам, журналистам. Внутри — длинные деревянные столы, алюминиевые миски и ложки. Граненые стаканы. Повара щедро потчуют обжигающей гречневой кашей с тушенкой. Когда как следует подкрепились, согрелись, познакомились (в нашей палатке собрались в основном рядовые той войны), я по их просьбе оправился в разведку на президентскую половину.

— Любопытно, кто там гуляет, чего болтают, чем закусывают. Президент прост, он — как мы, — убежденно говорили старики, — детство у него было трудное, голодное. Поди, не побрезгует скромным фронтовым кушаньем?..

Придя назад, нехотя доложил обстановку. Филиал гостиницы «Астория» там, говорю. Президент угощает ваших упитанных отцов-командиров из другого котла: хрустальные рюмки, отборный коньяк, осетрина, икра, пирожные, фрукты. Старики опустили глаза.

— Что пригорюнились? — говорю. — Разве на фронте было не так? Разве в штабной палатке, как в окопе, хлебали щи, припорошенные землей и порохом? Генерал не должен обедать с подчиненными, на смерть посылать — другое дело. Таков «неизъяснимый закон судеб», писал классик.

Помолчали.

— А ведь ты прав, сынок, — хлопнул меня по плечу подвыпивший дедок в миниатюрном, словно с детского плеча, нарядном мундирчике в соцветии наград. — Они, командиры, на фронте мало в чем нуждались, все имели — и жратву, и белье свежее, и баб самых лучших. И сейчас, спустя пятьдесят лет, ничего не изменилось. Разделили нас, как на войне, на рядовых и генералов. Правильно, все по ранжиру. Кто жалуется? Нам и здесь неплохо. Не привыкли мы к разносолам. Правда, ребята?

Представляете — в такой день лакомиться, как субретки, пирожными с кремом, пить из рюмок! Что мертвые скажут? Спасибо президенту — позвал, не забыл, потратился на дорогу, сто грамм налил. Вам спасибо, пишущей братии. Вы уж запечатлейте, постарайтесь. Мало нас осталось-то, глупых стариков. Радость будет…

* * *

Праздник кончился. Ветераны потянулись к автобусам — двумя, не пересекающимися между собой группами. Одна, малочисленная и молчаливая, контрастно выделялась на снегу красными лампасами и тульями. Другая, побольше, разномастно одетая, была шумливой — выпили уже как следует. Ничего. Питерский ветерок (как ни повернись, всегда в лицо!) быстро выдует хмель из ваших седых голов. Глаза у многих стариков снова стали влажными. Мороз тому причина или ветер — я не спрашивал…

БЛОКАДНИК

У нас в пресс-службе тоже был свой блокадник. Но не изможденный и седой, а розовощекий, как ребенок. Модно одетый, состоятельный. Тимофей, сын известного писателя, особо прославившегося тем, что громил в свое время опального Пастернака. Не будучи великим поэтом, удостоился подобной чести и ваш покорный слуга. Через поколение. Тима, вслед за предком (яблоня от яблони), написал на меня донос в управление кадров администрации президента, о чем шла речь в предыдущих главах. (Этот народец — отпрыски известных родителей — в литературных кругах испокон называют «пис. дети». Сокращенно.) Костиков привел его в Кремль из агентства, где вместе работали.

А много лет назад, в 41-м, когда Тиме стукнуло четыре года, его вывезли из осажденного Ленинграда по Дороге жизни на Большую землю.

Он трепетно относился к героическому факту своей биографии, всегда носил в нагрудном кармане удостоверение блокадника. Документом Тима не только гордился, но и умело пользовался. Понять можно — зарплаты в Кремле нищенские, на все не хватает. Блокаднику же — значительные скидки. Одна из сотрудниц санаторно-курортного отдела Старой площади, едва

завидев пышущего здоровьем Тиму, который шел за очередной порцией льготных путевок, всегда улыбалась, толкала в бок подружек:

— Блокадничек мой явился! С удовольствием провела бы с ним выходные. — И смущенно: — В профилактории, естественно, за процедурами. Азонотерапия там всякая… Чего смеетесь, дуры?

Для руководства Тима — подарок, сама преданность. Сменялись пресс-секретари, а он оставался все таким же наигранно деловитым, готовым на любое задание, как во времена друга Костикова. Осечка произошла с Ястржембским, который постепенно, но со шляхетским упрямством («усрамся, а не дамся», — гласит польская поговорка) избавился от большинства оставшихся в наследство сотрудников. Он перестал давать Тиме аналитические задания потому что марать бумагу в отличие от папы у сына не очень получалось. И посадил его составлять графики дежурств. Тима, как в детстве, вооружился цветными карандашами и, по отзывам моих бывших коллег, очень преуспел в раскрашивании этих самых графиков. Зря. Ястреб уже готовил к отправке в управление кадров пенсионные бумаги Тимы…

Он и вправду на всю жизнь остался ребенком. Однажды в кремлевском коридоре ему приглянулась женщина (по прозвищу «Породистая Кошка»). Тима пригласил её в Дом литераторов. Дама, не будучи свободной, отказала. И он, как школьник, начал её всюду преследовать, норовил говорить дерзости, а однажды на званом мероприятии напился и со слезами упал ей головой на колени. Породистая Кошка засмеялась:

— Сколько тебе лет, шалунишка?

— Пятьдесят восемь, — всхлипнул Тима.

— Почему ж ты такой дурак?

— Не знаю…

Вот и я, читатель, не знаю…

ПЕСНЬ КРЕМЛЕВСКИХ ГНОМОВ

В один прекрасный день популяция двухметровых кремлевских мужиков заметно поредела. Как черти из табакерки повыскакивали и цепко ухватились за высокие кресла молодые коротышки — новая, недолгая страсть слабеющего Властителя. Где сияющий строй былых придворных гренадеров? На манер Соловья-разбойника Юмашев учинил лихой свист по всей Старой площади. Усидеть удалось лишь одному из «богатырей» — Пал Палычу Бородину…

Размышлял я об этом, глядя в усмешливое лицо ещё одного

недавнего фаворита, удачливого, казалось, политика — Владимира Филипповича Шумейко. Мы встретились у него дома — поговорить о недавнем прошлом, о том, как и почему ломаются звонкие карьеры. «Только давайте про Ельцина плохого не будем, — напутствовал меня перед встречей помощник бывшего главного сенатора. — Филипыч и сегодня остается его приверженцем…» Я согласно кивнул. Но случилось так, что имя президента не сходило с уст моего собеседника. И мне остается лишь передать его рассказ.

«ЧТО МЫ ЗА КРАСАВЧИКИ — ЛЮБО ПОСМОТРЕТЬ!»

— Вы не поверите, — начал разговор Шумейко, — я был очень наивным, когда попал во властный эшелон. Думал, политика — удел избранных, тонкая ручная работа. Сам-то до этого чем занимался? Всю жизнь на заводе отмахал от слесаря до генерального директора. Многими тысячами командовал — думал, все премудрости одолел, чего Москвы дрейфить? Оказался в столице, как и многие мои коллеги в конце 80-х, «по разнарядке»: шли выборы депутатов в Верховный Совет, одно место выпало нашему предприятию, товарищи выдвинули меня. Так и стал сначала депутатом, потом вице-премьером и, наконец, главой верхней палаты. Как мальчишка, радовался своей стремительной карьере думал, сумею принести государству пользу. Государство, конечно, не завод, но, как простой человек (хотя многие так не считают), был уверен, что мой производственный опыт, как и строительные, к примеру, познания президента, пригодятся в высокой политике. Мои, похоже, не пригодились. Здесь нужно было иное — умение, как в боксе, держать удар, вставать после нокдаунов, не выдавать истинных намерений и вдруг — разящий апперкот… Однако становиться Чубайсом (в широком смысле слова) не хотелось.

К своим несомненным заслугам за годы работы Шумейко относит три вещи: лично пробил строительство жилого дома для подводников в Калининграде, где при упоминании его имени до сих пор поднимают большой палец вверх, запретил оппозиционную прессу после октябрьского путча (о чем речь пойдет ниже), а также сумел расположить к России давнего недоброжелателя Фиделя Кастро.

Это был первый в постперестроечной России визит на Кубу чиновника такого ранга. Изголодавшийся по бывшей щедрой союзнице, но одновременно и обиженный на неё до глубины души, обстоятельный Фидель подготовил аж 73 вопроса к

переговорам с Шумейко. И все 73 дотошно обсуждались в течение долгих шестичасовых переговоров. И были найдены пути новых взаимоотношений. Кубинский лидер, вспоминает Владимир Филиппович, впервые в разговоре с ним грустно признал, что не все ладно в его государстве, нужна какая-то особая формула выхода из кризиса. «Я не могу строить китайскую модель, сокрушался Бородач, — у меня нет китайцев, а сплошь — кубинцы…» После отлета «нового русского друга» Фидель дал негласное указание своим СМИ — о России больше плохого не писать…

Ельцин тоже остался доволен визитом полпреда и даже поулыбался красочным рассказам словоохотливого вице-премьера. Впервые в общении с президентом Шумейко ощутил это особое, так согревающее чиновное сердце «чувство причастности», когда и душа и тело вдруг воспаряют над Кремлем, над Василием Блаженным, над уходящей за горизонт Москвой-рекой и как бы вопрошают с высоты чудесного голубого неба: «Как ты там, мой народ? Как поживаешь? Видишь, как высоко взлетел твой сын?»

Но любовь Бориса Николаевича, как любовь Клеопатры, опасна и зла.

Вскоре чуткий к остроумному слову Ельцин ввел нового фаворита и в президентский, и в теннисный клуб. В соавторстве с Юмашевым, тогда ещё просто летописцем, Владимир Филиппович сочинил устав высокого теннисного сообщества, прикупил дорогую ракетку. Ельцин начал приглашать Шумейко и на совсем закрытые собрания — обмывание назначений, дни рождения близких, просто закусить. Прирожденный тамада! В запасе — десятки сюжетов, свежие анекдоты, приятный южнорусский говорок. Коржаков с Барсуковым сердечно его приняли. Уютный человек! Признаться, Владимир Филиппович и сам поначалу был рад столь почетному бремени. Мог ли он мечтать?

Иногда неприязненные взоры кого-то из свиты тревожили его, но, ещё не придавая этому значения, он продолжал балагурить, развлекать президента. Несколько раз Ельцин смеялся до слез. А недоброжелателей тем временем у Шумейко становилось все больше.

Однажды в узком кругу — был Ельцин, Хасбулатов, Коржаков — он опрометчиво рассказал анекдот о том, как в 30-е годы в горном кавказском селе решили поставить пьесу о Владимире Ильиче. (Отношения у Ельцина со строптивым спикером уже дали трещину.) Сцена. Выходит Ленин. С горбатым носом. В черкеске с газырями, бурке и папахе — а как же! Орлиный взгляд. Следом за ним — порученец. «Владымир Ильич! Муку привезли!» — «Дэтям

отдайте…» Порученец уходит. Спустя минуту: «Сахар привезли!» — «Дэтям, все дэтям». — «А мы что кушать будем — ты подумал, а?» Вождь взрывается: «Кто тут Лэнин? Я Лэнин или ты Лэнин?»

Хасбулатов криво усмехнулся. И в будущем не забыл намека. Так завел он себе самого могущественного врага, которому обязан и всплеском компромата, и походами в прокуратуру, где, правда, обвинения были отвергнуты. Но в общественном сознании все же укрепилось мнение, что Шумейко где-то руки нагрел…

Банкетов было много. Ельцин придавал этому действу особое значение. Не будучи восточным человеком, он, как Коба, требовал строгого соблюдения застольной дисциплины. Не терпел опозданий, выкриков, беспричинного выхода из-за стола. Был придирчив к яствам и напиткам. Подолгу распекал официантов. Так бы страной руководить!

…В поселке Листвянка под Иркутском, на берегу Байкала, в густой пахучей хвое, подальше от любопытных глаз прячется высокий сказочный терем, на кремлевском наречии называемый домиком рыбака. (Летом 93-го года здесь ждали высоких гостей — Ельцина и Гельмута Коля. Я приехал с передовой группой готовить визит.) Убранство терема «неприхотливо» — тяжелые, мореного дуба лавки, покрытые бесценными звериными шкурами, грубые медные светильники «а-ля рюсс», трапезная со столом, габаритам которого позавидовал бы Собакевич…

Но поразил меня не дом, а количество сортов спиртного (Ельцин тогда ещё не был «в завязке») и особенно — скромная шеренга бутылок с водкой «Байкальская». Такую на прилавке не увидишь — произведение искусства. Местные жители рассказали, что воду для её производства добывают в Байкале на 200-метровой глубине — там бьет целебный минеральный источник. Подобно ловцам жемчуга, с большими премудростями, аквалангисты спускаются за несколькими литрами уникальной воды, чтобы затем превратить её в десяток бутылок царственного напитка. Чтобы Ельцин мог похвастаться перед дорогим своим другом Гельмутом. Как поперек горла не стала?..

Канцлеру и здесь пришлось проявить (Берлин — впереди) солидарность с непредсказуемым русским другом. Легко ли было ему, изнеженному бюргеру и трезвеннику, после парной бани вкупе с «Байкальской» броситься в ледяную Ангару?..

Постепенно к Шумейко, как и ко многим чиновникам, начало приходить понимание происходящего — страна сама по себе, Кремль со Старой площадью сами по себе. Сказать о своем «открытии» вслух было неловко, некрасиво самому ещё недавно нравилась такая жизнь, и сейчас вроде не тяготит. Да и кому

сказать? Тебя приветили, чуть не у руля государства поставили, а ты взял и наплевал в колодец… Он не был ни трусом, ни слабым человеком, знал себе цену, но таково уж свойство высшей власти. Причастен — значит живи по законам стаи. И он жил, поскольку тепло относился к президенту, да и оставалась вера — может, ещё получится, досягнем все же до Европы, вон ведь как красиво начиналось! Он часто теперь — и тепло — вспоминал свой завод. Вот где был по-настоящему свободен! Все люди — на виду, простые люди, есть с кем слово сказать без страха, что все переврут, замучат тяжелыми интригами. Совсем в ином свете представлялись ему ушедшие в прошлое и поруганные социалистические ценности — коллективизм, взаимовыручка, открытость. Что в этом было плохого?..

— Сегодня, когда государственная карьера позади, причем, похоже, только у меня она закончилась демократическим путем — просто не выбрали на новый срок, с прискорбием могу сказать, что ничего у нас не получилось, усилия десяти последних лет ушли в песок. Виноват в этом и я, кляну себя, поверьте, ведь сам играл по ельцинским правилам… Единственное, что мы создали, — унитарное государство Кремль. Беззаботный остров в океане народного горя… Здесь нет долговременной политики, люди никого не интересуют, ради них никто пальцем не шевельнет, они просто не входят в сферу интересов государства. Да и государства-то нет. Власть одного человека. Цинизм, демагогия, во сто крат превосходящая партийную. Главная задача — спасение самих себя. Придумать ничего доморощенные политики не способны. Задавить новыми налогами, отнять, как «старшина Обыскалов» в опорном пункте, последнее — вот и все. Тех же коммерсантов с новыми русскими на руках носить надо! Они же производители, наполняют бюджет. С них вообще ничего брать нельзя. А окружение Ельцина свое: «Главное — мы удобны Западу, открыли не только душу, но и ресурсы, любые технологии. Берите, пользуйтесь! Все нами довольны. И мы — собой. Любо посмотреть — что за красавчики». Песнь гномов под водительством кремлевской Белоснежки…

ДОРОГОЙ РУКОВОДЯЩИЙ ТОВАРИЩ

Какой Ельцин тонкий политик, как он умеет «разделять и властвовать», Шумейко уяснил вскоре после того, как вступил в президентский клуб.

Уже начались события в Чечне, он задержался в Совете Федерации и к началу мероприятия в клубе не успел. Зашел,

извинился. Вокруг президента привычное окружение. Ельцин смерил его долгим взглядом.

— Садитесь, Владимир Филиппович, пива попьем. А вы, — и он сделал остальным небрежный жест рукой, — погуляйте пока…

Лица вытянулись — первые лица государства. А Ельцин завел разговор о волжской таранке, как её лучше солить да с каким сортом пива употреблять.

Все «изгнанные» вскоре стали его недоброжелателями — «о чем это президент в тайне с Шумейкой советуется?» — а сам Владимир Филиппович наглядно убедился, что глава государства лучше умеет «разделять», чем «властвовать».

То же и в случае с Виктором Степановичем.

— Шел съезд народных депутатов, где выбирали премьера. Накануне меня пригласил Ельцин и сообщил, что кроме Черномырдина и Скокова включил в список и меня. «Что вы, Борис Николаевич, — говорю, — они же меня захлопают. Я для них, как красная тряпка, особенно для Хасбулатова!» — «На это и расчет, — отвечает, — вас отвергнут, а за Черномырдина проголосуют, как миленькие. Я уже заранее, кстати, указ подписал», — и протянул мне бумагу, где в должности премьера утверждался Виктор Степанович. Ничего себе, думаю, прыть у президента! Так все и случилось. Черномырдин своим премьерством, выходит, обязан и мне. Дальше произошло непредвиденное, в духе Ельцина. Снова вызывает он меня в Кремль. «Вы назначены вице-премьером. Я на неделю уезжаю и поручаю вам сформировать правительство». — «А как же Виктор Степанович?» — наивно спрашиваю. Ельцин напутственно похлопал меня по плечу. Иду к Черномырдину, объясняю. Степаныч, узнав в чем дело, набычился, отрезал обиженно: «Вот и формируй». И что вы думаете — с того момента мы разошлись навсегда… Он до сих пор уверен, что я, интриган, все подстроил…

Ельцин вообще любит так — взять человека за локоть, как меня однажды, подвести к окружению и заявить во всеуслышание:

— У вас, Владимир Филиппович, большое будущее!

Количество врагов удвоилось, будущее же, как сказал поэт прошлого века, подернулось туманной дымкой…

БОДАЛСЯ БЫЧОК ВАНЯ С ДУБОМ

— В чем-то наши судьбы с Рыбкиным похожи. Возраст. В одно время стали спикерами палат. Примерно в одно время — разочарование: не переизбрали на новый срок. Оба хорошо

относимся к Ельцину, оба были близки к власти. Я говорю «близки» в прошедшем времени потому, что так блестяще начавшаяся карьера Ивана Петровича дала серьезную течь. Последняя должность — ещё одна ступенька к неминуемой отставке. А все потому, что переоценил себя и недооценил Бориса Николаевича. Казалось, нет человека лояльнее Рыбкина, приятного власти во всех отношениях. Но и он оказался не нужен, вернее, бесполезен. Бог есть. Я ещё никогда не видел в жизни, чтобы люди так стремительно менялись, забывали недавние убеждения — я говорю о смене его политической ориентации. Когда Ельцин поманил, ровно за неделю сделался из убежденного коммуниста его ярым сторонником.

…На днях листал журнал «Нива» начала века, случайно наткнулся на рекламу средства для похудения: толстая дама, а рядом субтильная девушка уже после процедур. И подпись: «В три дня стала кокеткой». Прямо про моего друга Ваню! У него никак не хватит духу плюнуть на все это, расстаться с Кремлем «без печали». Но я понимаю: тяжело сразу из вагона первого класса в пропахший отхожим местом плацкарт…

«ПОЛЕЗНЫЙ, НО ПРОТИВНЫЙ»

Больше года назад, после представления коллегам-президентам живучего, как степной саксаул, нового секретаря СНГ Березовского, Ельцин поморщился и изрек в телекамеру фирменное:

— Я проглотил, и вы проглотите…

— Когда наблюдал по телевидению эту сцену, — говорит Шумейко, вспомнил свое детство, как воспитательница потчевала нас рыбьим жиром, приговаривая: «Противный, но полезный…» Мы, морщась, глотали. Точный образ, правда?

А Чубайс? Стал невыносимым — выгнали. Затем вернули — «ты нам бабки у МВФ достань, все простим!». В приватизации его одного обвинили. Нашли козла отпущения! Это был коллективный сговор, я-то знаю, реформы все правительство одобрило, подписи имеются. А досталось одному Чубайсу. Я на его месте давно бы послал всех куда подальше. Но ему, как и Ване Рыбкину, духу не хватает…

Запомнился ещё один «полезный, но противный» — тот, что в узилище долго сидел, Якубовский. Я был инициатором назначения, с одной, правда, оговоркой: меня поддержали все силовики плюс министр иностранных дел. Дима очень пробивной, бог кабинетных баталий, незаменимый человек.

Никаким генералом он не был. Полковничья должность. Когда Ельцину понадобилось утопить Баранникова, собрать компромат на Руцкого, он не побрезговал использовать исключительные способности этого мастера фальшивок. Во всяком случае, не я его пустил гулять по царским покоям Кремля в семейных трусах. Тем более он и на меня, своего благодетеля, грязь собирал…

КАК Я СТАЛ КОРРУПЦИОНЕРОМ

— Компромат на меня и Руцкого изготовлялся в Швейцарии на одной и той же лазерной установке, — рассказывает Владимир Филиппович, — при участии брата Димы Якубовского. Однажды меня вызвали в Генпрокуратуру и Степанков грустно разложил передо мной шесть финансовых документов, подписанных В.Ф. Шумейко. Подписи были подлинные — удивительно. «Но я этих бумаг в глаза не видел!» — возмутился я. Потом присмотрелся — и ахнул. Документы разные, а подписи идентичные. Не может же один человек шесть раз одинаково расписаться. Сплоховали мастера! Так все и раскрылось. Степанков мне позже рассказал, что «заказчик» — Руслан Имранович каждый день по три раза звонил и настаивал, чтобы скорей посадили Шумейко. Степанков пытался объяснить, что данные не подтверждаются. «Я не об этом спрашиваю, — ругался Хасбулатов, — а о том, когда арестуете…» До этого, как видите, не дошло, хоть президент палец о палец не ударил, чтобы помочь мне… А печать коррупционера осталась. До сих пор что-то в газетах мелькает. Сколько на заводе работал — копейки несправедливо не взял. То же и во власти. Сегодня я прилично зарабатываю. На выборы Ельцина возглавляемое мной движение «Реформы — новый курс» выделило миллиарды рублей. Правда, воспринято это было почему-то как должное, никто в Кремле даже «спасибо» не сказал…

В Кремле? «Спасибо»? Не очень-то вы смахиваете, Владимир Филиппович, на наивного человека…

ДУШИТЕЛЬ СВОБОДНОЙ ПРЕССЫ

— Вдруг после октябрьского путча звонит Ельцин и говорит: «Срочно нужен новый министр печати. Федорова мы в Париж отправляем. Давай, вице-премьер, принимай дела». — «Я не справлюсь, Борис Николаевич, я в этом ничего не понимаю!» В ответ любимое президентское: «Я уже указ подписал». Задача была неблагодарная: закрыть оппозиционные газеты — «День», «Правду», «Советскую Россию». Но тогда я был другого мнения. Селезнева лично отстранил от руководства «Правдой». Когда мы сегодня в кулуарах встречаемся, всегда говорит мне:

— Вам, дорогой Владимир Филиппович, обязан креслом спикера…

Зачем я, дурак, «Правду» закрывал?..

БРАСЛЕТ ФЕРДИНАНДОВОЙ ЖЕНЫ

Во время визита в Италию зампред Верховного Совета Владимир Шумейко, разглядывая своды старинного дворца, случайно отстал от делегации и оказался не в зале переговоров, где надлежало быть по протоколу, а рядом с испанским послом и его женой. Те направлялись на менее представительное мероприятие и, решив, что Шумейко следует с ними, вежливо показали ему дорогу. Вдруг под одной из античных колонн он заметил тускло блеснувший металлический предмет. Оказалось, это тяжелый золотой браслет, видимо оброненный кем-то из гостей. Владимир Филиппович поднял его и поспешил за посольской четой. В ушах супруги Фердинанда Солера, посла, были серьги той же работы. Он протянул браслет. Женщина просияла.

Но вовсе не просиял Ельцин, когда увидел, что Шумейко опоздал на четверть часа.

— Где вы бродите? — пробурчал он и отчитал при всех.

Узнав, что русскому депутату досталось, женщина подошла в перерыве к Ельцину.

— Он нашел мой браслет. Не наказывайте его, господин президент!

Ельцин оттаял.

— Не только нашел, но и отдал… — И засмеялся своей шутке.

Фердинандова жена, выслушав перевод, застыла с полуулыбкой на устах…

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ «АЗИОПА»?

С этой святой «простотой», которая порой хуже воровства, столкнулся Шумейко и в славном швейцарском Давосе, любимом месте переговоров наших руководителей. Прилетели сюда вместе с Шохиным и Явлинским в 1992 году — на круглый стол по проблемам Евразии. Вел его премьер-министр Швеции. Уже состоялось торжественное открытие, отзвучали первые доклады, как дверь зала заседаний неожиданно отворилась и вплыла неторопливая процессия Назарбаев, за ним жена и охрана. Молча

уселись за стол. Не прошло и пяти минут, как лидер Казахстана вдруг перебил очередного докладчика и заявил:

— Что вы понимаете в Евразии?

Затем та же процессия поднялась и с высоко поднятыми головами покинула собрание.

Вот тогда-то Явлинский, обведя глазами обалдевшую аудиторию, и сказал сакраментальное:

— Не Евразия у нас — Азиопа!

СМЕРТЬ НИКОЛАЯ ЕГОРОВА

Российский министр по делам национальностей Егоров не был президентом Казахстана и не мог позволить себе уйти с заседания Совета безопасности, где оценивались действия российских силовых министров во время событий в Буденновске. Пожалуй, больше всех досталось именно ему, хотя в правительстве Егоров был человеком новым, пришедшим недавно, что он мог с этим Буденновском поделать? Вот и друзья настоятельно советовали ему сидеть в родном Краснодаре — благо губернатор края — и не лезть в Москву, где карьеры разбиваются не меньше, чем сердца в известной пьесе. Не послушал…

— Сейчас вряд ли кто-то помнит этого политика, — говорит Шумейко. — А тогда он занимал один из ключевых постов. Мы были старыми товарищами и земляками. Однажды в Краснодар прилетел с визитом Ельцин. Егоров ему понравился. Спустя несколько дней Коля звонит мне и радостно сообщает, что Ельцин пригласил его министром сельского хозяйства. Обмоем, говорю, прими поздравления. Но пока Егоров собирался да прощался, президент назначил министром другого человека. Снова Коля звонит мне: «Володя, — говорит, Ельцин предложил теперь пост министра по делам национальностей». — «Ты же в этом ни черта не понимаешь! Откажись». — «Легко сказать. Он настаивает, говорит, президенту, как хорошенькой женщине, нельзя отказывать». И вот заседание Совбеза. Я там тоже присутствовал. Ельцин был мрачнее тучи, стучал кулаком по столу и самые обидные слова бросал почему-то в адрес Егорова, хотя он не Грачев, не силовой министр и даже не командир «Альфы». Грачева, кстати, вопреки голосованию, Ельцин оставил на своем посту! Я сидел и прятал глаза. Коля воспринял этот спектакль слишком серьезно И что? Сгорел мужик! Через полгода мы его хоронили. Врачи говорили обострились старые болячки. Но виноват, конечно, нервный стресс… Сколько было этих

незаслуженных разгонов. Не у всех же нервная система как у Коржакова… Сегодняшняя политика меня больше не прельщает. Потому что умирать не собираюсь… Наоборот — надеюсь в будущем за Россию пострадать…

НЕ СТАЯ ВОРОНОВ СЛЕТАЛАСЬ… ЭПИЛОГ

Покидая Кремль навсегда, я ещё раз прошел по Ивановской площади, по вымытой брусчатке, мимо соборов, золотые купола которых мутно отражали вечернее солнце, к Спасским воротам. Попрощаться с дубом. И он ответил приветливым шумом. Хоть и не открылась мне под тенистой кроной истина, как толстовскому герою.

Почему люди сплошь выходят из-за красной стены как оплеванные? Был здесь кто-нибудь счастлив? Или одни угрюмые личности, вслед за которыми и страна пребывает в унынии? Череда пьянок и предательств. Что с нами будет? Справедливо ли поверье о Богом проклятом месте?

Вместо ответа ударил колокол на Иване Великом. В небо взметнулась черная стая ворон. Будто крепом задернули небо. Исчезло солнце. Несметное каркающее войско не смогли одолеть даже специально обученные соколы — целое подразделение при Службе безопасности президента.

Что им здесь? Что влечет их в Кремль?

Есть любимая нашим народом баллада на стихи Расула Гамзатова — о солдатах, превратившихся после гибели на полях сражений в белых журавлей, «…летят и подают нам голоса…»

А может, все униженные и оскорбленные в Кремле тоже обратились в птиц? Но только в ворон. Закончив в человеческом обличье дневные дела, по вечерам отправляются мстить за себя — и летают, и кружат над властной цитаделью, каркают и гадят, крадут из открытых окон секретные документы. Может, кремлевское воронье и накаркало все наши беды?

Брошенные пленные мальчики в Чечне и целые дальневосточные города, леденеющие зимой в самой нефтяной державе, больницы без лекарств и грудные дети, проданные на чужбину голодными, вычеркнутыми из жизни матерями.

Похоже, все мы вычеркнуты из этой жизни…